

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Ямало-Ненецкого автономного округа

Выпуск № 1(82)

Арктический вектор научного поиска: история и традиционная культура.

Материалы научно-практической конференции

«Обдорья: история, культура, современность»

Салехард

2014

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК Ямало-Ненецкого автономного округа № 1(82)

Арктический вектор научного поиска: история и традиционная культура. Материалы научно-практической конференции «Обдорья: история, культура, современность», Салехард, 23-24 апреля 2014 года.

Редакционная коллегия:

*Вороненко Александр Григорьевич –
заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного казенного
учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», к.пед.н.*

*Федорова Наталья Викторовна –
заведующий сектором археологии Государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», к.и.н.*

*Цымбалистенко Наталия Васильевна –
главный научный сотрудник сектора этнологии Государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», д.филол.н.*

*Сухова Екатерина Александровна –
младший научный сотрудник отдела регионоведения Государственного казенного учреждения
Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики».*

ISBN 978-5-902067-59-6

© Государственное казённое учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИЙ ДРЕВНЕГО
И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.**

Федорова Н.В.

В научной и научно-популярной литературе довольно часто тиражируется несколько стереотипов, касающихся региональной экономики и стратегий адаптации древнего и средневекового населения севера Западной Сибири. В их числе утверждение о позднем становлении таких отраслей местной экономики, как пушная охота и сетевое рыболовство на больших реках. Последнее вообще связывают с приходом в регион русских. Крайне ошибочным выглядит также убеждение в том, что территория, на которой в настоящее время расположен Ямало-Ненецкий автономный округ, в древности и средневековье являлась своего рода дремучим изолятом, тогда как факты показывают, что крайний север Западной Сибири вступил в глобальные мировые отношения не позже, чем полторы тысячи лет тому назад. И уже в это время функционировал северный широтный ход, причем в двух вариантах: морском и сухопутном. Автору неоднократно приходилось писать на эту тему (см. например: Федорова, 2012, с. 124-131), но считаю необходимым еще раз остановиться на некоторых вопросах этой темы, особое внимание уделив анализу письменных источников, касающихся в той или иной степени северных регионов востока Европы и Западной Сибири, а также «феномену XIII века» и развитию торговли вдоль северного широтного хода.

Основная задача статьи: рассмотрение двух типов стратегий арктических адаптаций, а именно:

Стратегии внутреннего вектора, нацеленной на поддержание систем жизнеобеспечения населения. Это стратегия формирования региональных систем хозяйства и повседневного быта;

Стратегии внешнего вектора, основанной на войне и торговле. Для нашего региона именно торговля стала мощным стимулом развития не только экономики, но культуры и общества.

Источники, которыми мы располагаем

для исследования этих стратегий до эпохи средневековья, в основном добыты в результате археологических раскопок: вещи, остатки конструкций, кости животных, образцы для абсолютного датирования и других анализов, проводимых специалистами смежных дисциплин. То есть, источники, которые необходимо *интерпретировать*. Качество подобных интерпретаций находится в зависимости от профессионализма, компетентности и научной добросовестности каждого отдельного автора.

К сожалению, в последнее время появилось много самых различных спекуляций на темы арктических древностей: от знаменитой Гипербореи и поисков Лукоморья и Золотой бабы, до «открытия» новгородских поселений в XII веке в нашем регионе. Результаты подобных «проектов», охотно тиражируемые в СМИ, почти также вредны, как «черная археология», на которую в последнее время ополчилось и научное сообщество, и власть имущие, потому что формируют в обществе абсолютно неправильный взгляд на историю региона.

Письменные источники, в которых с той или иной степенью достоверности упоминается север Западной Сибири и Предуралья, появляются не ранее X века. И они также требуют научного подхода, критической оценки, внимательного изучения трудов специалистов по соответствующим научным дисциплинам. Объем статьи не позволяет дать сколь угодно подробный разбор всего корпуса письменных источников по проблеме, могу адресовать читателя к своей работе, посвященной этому сюжету специально (Федорова, 2002. С. 91 – 101.). Упомяну лишь, что в русских летописях северные эскапады новгородцев упоминаются с XI в., а, по мнению таких авторитетных специалистов, как А.А.Шахматов и М.Х.Алешковский, лишь с XII в., и касаются некоей страны под названием Югра, местонахождение которой до сих пор точно не локализовано. Первое свидетельство о том, что

новгородцы достигли Оби, относится вообще к XIV веку – к 1364 году.

Тема северной торговли занимает немалое место в известиях арабоязычных писателей о Восточной Европе, начиная с X века (Ахмад ибн-Фадлан), а, возможно, и раньше (Заходер, 1967, с. 59). Эти описания связаны со странами, которые называются «Вису» и «Йура». Отмечу, что Йуру часто отождествляют с Югрой русских летописей (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1974, комментарий, с. 101-105). Уже ибн-Фадлан упоминает, что из страны Вису «привозят соболей и черных лисиц» (Ковалевский, 1956, с. 138). Более реальные черты эти описания приобретают с XII века. Так, ал-Марвази в своем компилятивном труде «Уместенные свойства животных», составленном около 1120-1121 гг. (Заходер, 1996, с. 327), пишет: «На расстоянии пути в двадцать дней от них (булгар – Н.Ф) по направлению к полюсу страна, называемая ису, а за ней люди, зовут их йура.» (там же, с. 61). Ему вторит ал-Гарнати: «а за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура» (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, 1974, с. 32). Он же описывает многоступенчатую торговлю с народами севера: «...мечи привозят из стран ислама..., затем болгарцы везут их в Вису..., затем жители Вису везут их в Йуру...» (там же, с. 34).

Кроме того есть еще скандинавские, вернее, исландские саги, а именно их биармийский цикл. Соотнесение территории легендарной страны Биармии скандинавских саг с нашим регионом до сих пор весьма гипотетично, хотя в последние десятилетия появились некоторые факты, позволяющие отодвинуть границы Биармии достаточно далеко на восток. Таким образом, по-видимому, возможно рассматривать и саги биармийского цикла как источник для реконструкции событий на севере Предуралья и даже Зауралья. Начиная с XV века описания северных регионов Востока Европы и Западной Сибири систематически появляются в трудах различных западноевропейских авторов (Алексеев, 1941).

Тем не менее, сведения о бытовых подробностях, особенностях жизни и облика населения до XV-XVI века в письменных источниках по большей части являются абсолютно сказочными. Сведения о хозяйстве северных народов через призму описания эквивалента для

торговли более точные. В качестве такового эквивалента выступают различные меха, моржовый клык, бивни мамонта (слоновая кость), ловчие птицы. Статьи ввоза: железное оружие, ткани, серебро и бронза.

Естественно, что рассмотрение второй стратегии адаптации выглядит корректнее для эпохи средневековья и даже времени после X в. н.э., т.е. тогда, когда становятся доступными обе группы источников. Но первая стратегия может и должна быть реконструирована уже с эпох камня и бронзы.

Системы жизнеобеспечения. Могут быть с известной степенью достоверности реконструированы уже для эпохи мезолита. По мнению Л.Л.Косинской «в мезолите зародились элементы традиционного хозяйственно-культурного типа таежных охотников – рыболовов» (История Ямала, 2010, с. 149). В частности она отмечает, что «открытие ловушки (одной из систем ловчих ям – Н.Ф.) периода позднего мезолита для Западной Сибири можно считать сенсацией» (там же, с. 148), так как обслуживание таких систем предполагало определенную степень оседлости населения.

В неолите отмечен годовой хозяйственный цикл из двух сезонов, ориентированный на определенные виды промысла в различных угодьях (там же, с. 149). То есть, уже в столь отдаленную эпоху можно говорить о складывании того типа хозяйственной адаптации, который характерен для населения северного Приобья вплоть до этнографической современности.

Не менее сенсационным, чем открытие сооружения ловчих ям в эпоху мезолита, представляется вывод о наличии круглогодичного сетевого рыболовства на больших реках, сделанный Д.С. и О.С. Тупахиными по результатам исследований на энеолитическом поселении Горный Сомотнел (Тупахина, 2013, с. 106-107). В культурном слое этого памятника, расположенного на берегу р. Оби, были обнаружены остатки сети, плетеной из растительного волокна, грузил и приспособления для глушения рыбы – булавы (там же).

Все эти факты говорят о весьма раннем сложении традиционной системы охотничье-рыболовческого хозяйства и почти неизменном ее бытовании до исторического времени. Об этом же свидетельствует и неоднократно

отмечаемая консервативность орудий труда и быта: весла, лыжи, модели лодок, посуда, в том числе берестяная и деревянная, меховая одежда мало меняются с ранних эпох, что зафиксировано, практически, на всех памятниках, где сохраняются изделия из органических материалов. Наибольшее количество таких находок выявлено на памятниках раннего железного века - средневековья. Так, некоторые орудия, обнаруженные при раскопках древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э.), абсолютно аналогичны современным. Консервативность элементов традиционной культуры в сфере хозяйства и быта, а именно орудий труда, форм жилищ, лодок, лыж, нарт, оленьей упряжи, вполне понятна, так как с древности вырабатывались наиболее пригодные (адаптированные) для местных условий типы их, менять которые не было никакого смысла. Надо отметить, что в этой сфере очень мало заимствований, что ставит под сомнение гипотезы о далеких миграциях населения, особенно из южных регионов.

Проблема формирования оленеводства от его происхождения до появления крупностадной фазы рассматривалась неоднократно (Федорова, 2000, 2006; Гусев, 2014; Плеханов, 2014; История Ямала, 2010). Единая точка зрения на сей предмет до сих пор отсутствует (см. например, Визгалов и др., 2013), но многочисленные факты свидетельствуют, в том числе, о переменах во всех сферах жизни местного населения на рубеже эр, что может быть связано с появлением принципиально нового вида транспорта. Унификация культуры, военизация общества, свидетельства дальних походов с военными и торговыми целями, появление статусных украшений и принадлежностей костюма являются убедительным отражением этих перемен.

Именно развитие оленеводства способствовало освоению обширных тундровых пространств полуострова Ямал в эпоху раннего средневековья и выходу западносибирского населения в Большеземельскую тундру, о чем свидетельствуют находки на таких памятниках, как Ортинское городище и поселение на р. Гнилке в районе Пустозерска в Большеземельской тундре (Ясински, Овсяников, 2003, с. 60 – 101). К XII – XIII вв. сложилась принципиально новая система общественных от-

ношений, в которой важную роль стали играть отношения «кочевники – оседлые», т.е. то, что прекрасно известно в истории других регионов в рамках отношений «степь – оседлые земледельцы». Возможно, на западносибирском севере результат возникновения этой системы не столь очевиден, как на южных границах древнерусского государства примерно в это же время, или просто хуже изучен. Но можно отметить, что о подобных «инновациях» говорят фольклорные сюжеты (постоянные войны между угорскими богатырями и самоедами), резкое возрастание мощности оборонительных сооружений городищ, вообще появление так называемых городков по всей линии границы между кочевой самоедской вольницей и относительно оседлым угорским населением. Важным показателем новых отношений являются и специфические клады серебряных и бронзовых вещей, более всего напоминающие грабительские захоронки, локализованные все по той же «линии противостояния», в данном случае практически совпадающей с линией Полярного круга.

Стратегия внешнего вектора. Оленеводство, являясь принципиально новым видом транспорта, дало толчок и развитию торговли. В области местной экономики это отразилось на увеличении добычи товаров для экспорта, что отчасти привело к перестройке традиционной экономики и социальных отношений. Что вывозили из Западной Сибири? Первая и главная статья экспорта – разнообразные меха, наиболее массовая статья с очень древних времен. Вторая по значению статья – «слоновая кость», как ее называют некоторые арабоязычные авторы: бивни мамонта, возможно, клыки моржа. Вероятно и шкуры моржа, т.к. очень ценились ремни из них – на таких ремнях висели многие колокола в церквях Западной Европы. Преувеличивать их вывоз все же не стоит, т.к. Карское море вообще бедно морским зверем. Поэтому, во-первых, на Ямале не сложилось и не могло сложиться зверобойной культуры по типу эскимосской, во-вторых, русское мореплавание здесь зафиксировано достаточно поздно, так как поморы, которые легко плавали по северным морям и, в частности, заходили на Грумант, не были заинтересованы в территориях вдоль побережья Карского моря.

Третья статья экспорта – ловчие птицы, особенно соколы. Возможно, самые ранние сведения о вывозе с севера охотничьих соколов в письменных источниках зафиксированы у Марко Поло в XIII в., потом эти сюжеты равномерно повторяются с различной степенью подробности. Павел Иовий (1525), итальянский литератор со слов русского посла к папскому двору приводит интересные факты о торговле и соколах: «Такие меха доставляются жителями Пермии и Печоры, но они сами получают их, передавая из рук в руки, от еще более отдаленных народов, живущих у океана.. До югричей и вогуличей надо добираться через крутые горы.. На вершинах их ловят самых превосходных соколов» (Алексеев, 1941, с. 94). В книге, изданной в 1896 г. «Великокняжеская и царская охота на Руси» Н.И.Кутепов пишет: «лучших соколов для охоты привозили с приполярного Урала» (Кутепов, 1896).

Неожиданные данные для исследования этого сюжета были получены в результате анализа находок птичьих костей из культурного слоя святилища Усть-Полуй. Орнитологом из ЗИН РАН (г. Санкт-Петербург) А.В.Пантелеевым изучались кости птиц из раскопок на Усть-Полуе, в результате он пришел к выводу о том, что некоторые повреждения на костях дневных хищных птиц свидетельствуют об их содержании в неволе. Следовательно, уже в эпоху раннего железа местное население умело ловить (брать с гнезда) дневных хищных птиц, в частности, орлана-белохвоста. Сюжеты, связанные с содержанием дневных хищников и их участием в неких обрядах встречаются в усть-полуйском искусстве, а впоследствии – в эпоху средневековья - одним из наиболее распространенных сюжетов становится изображение всадника с ловчей птицей на руке.

Статьи ввоза, т.е. импорт из различных центров древних и средневековых цивилизаций многочисленны: бусы – фаянсовые и стеклянные, бронзовые бляхи и зеркала, серебряные и бронзовые сосуды, медные котлы, украшения и принадлежности костюма, оружие, ткани.

Торговые пути поддаются реконструкции с большим трудом, т.к. следов от них почти не остается. Они могут быть выявлены по находкам импортных вещей и некоторым косвенным признакам. Сложно даже обнаружить

явно существовавшие русские таможенные заставы. До сих пор это не удается сделать с большей или меньшей степенью достоверности. Торговые пути и места торжищ маркируются кладами вещей, отдельными находками. Очень вероятно, некое место торжища фиксируется на острове Вайгач.

Место средневекового торжища на острове Вайгач, комплекс Ортинского городища напрямую связаны с функционированием северного широтного хода, который фиксируется как в направлении с запада на восток, так и с востока на запад. По письменным источникам мы знаем два типа передвижений по нему в эпоху средневековья: по суше (новгородцы, потом русские казаки) и по морю (вероятно, скандинавские мореплаватели, позже - русские). Необходимо отметить, и русские летописи, и саги фиксируют две группы людей, передвигавшихся с запада на восток и обратно: «официальные» отряды и «частные» группы. Причем, интересы этих групп, как правило, не совпадали. Русские летописи сообщают только о сухопутных передвижениях, отмечая многочисленные трудности пути и постоянные военные конфликты, которые приводили часто к полному провалу всего предприятия. Скандинавы, наоборот, передвигались только по морю. Русские стали плавать на восток вдоль берегов Карского моря достаточно поздно, возможно, позднее европейцев.

Рубежом, с которого начинается перерыв в торговле по северному морскому пути, становится XIII век. Так, последнее плавание в Биармию датируется 1222 г. Разнообразие самых различных по месту производства вещей – от Скандинавии до Сибири – найденных на острове Вайгач (Хлобыстин, 1993, с. 17), датируется временем не позже того же XIII века. Западноевропейское и византийское серебро, найденное в Нижнем Приобье, датировано XII – XIII вв. Мне уже приходилось высказывать предположение, что эти, крайне дорогие для своих современников, сосуды были завезены морским путем (Сокровища Приобья, 2003, с. 15). По-видимому, наступившее похолодание поставило на некоторое время крест на морских каботажных плаваниях вдоль берегов Карского моря. Захирели и памятники археологии вдоль северного широтного хода, связанные с торговлей, такие, как Ортинское

городище.

Сухопутные пути, ведущие на север Западной Сибири, по прежнему процветают, хотя меняется состав ввозимых по ним товаров. Если в X – XII вв. это были в основном массивные сосуды и украшения из серебра с чернью и позолотой достаточно высокого качества, то после XIII века наступает время «булгарского наследства», т.е. своего рода (за небольшим исключением) средневекового ширпотреба, изготовленного, скорее всего, в городах Волжской Болгарии золотоордынского времени, или – что многие исследователи считают более вероятным – в протогородах Верхнего Предуралья. Это крупные, довольно грубые украшения с зернью и сканью, посуда из тонкой серебряной фольги, украшенная в технике басмы и так далее. Очень большой процент импорта составляли медные котлы, которые произвели печальную для археолога революцию в бытовой культуре населения Приобья: они с конца XIII века практически полностью вытеснили керамику. Обско-угорское население в более поздние времена называло эти котлы «зырянскими». Масштаб производства котлов и их завоза поистине впечатляет: сколько же их нужно было произвести и продать, чтобы полностью заменить керамику? В культурном слое памят-

ников, начиная уже с конца XII века, находки фрагментов котлов и даже целых экземпляров их известны практически повсеместно.

С конца XIII – XIV вв. кроме изделий «булгарского наследства» фиксируются еще и предметы, произведенные на юге Западной Сибири. Это новое направление торговых связей, получивших особенно бурное развитие после присоединения Сибири к России. Меняется и сам характер связей, население становится зависимым, т.к. меха – основная прибыль государства, и правительство делает все, чтобы закрыть для «неорганизованного посетителя» путь в Югру. Основание Мангазеи, русское мореплавание по Мангазейскому морскому ходу, служившее этим целям, практически возобновило действие северного морского пути.

В результате можно констатировать, что население территории современного ЯНАО уже к XIII веку вступило в североевропейский «общий рынок», что является одним из факторов начальной глобализации. Присоединение к Российскому государству постепенно привело к упадку этого гармоничного развития, что и послужило основанием для возникновения мифа об изоляте и общей отсталости экономики региона.

Литература.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII-XVII вв. ОГИЗ. Иркутское областное издательство. Иркутск, 1941. 610 с.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В, Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Екатеринбург: изд-во АМБ, 2013. 376 с.

Гусев А.В. Комплекс предметов, связанных с оленеводством, по материалам археологических раскопок на Усть-Полуе (Нижнее Приобье)//Уральский исторический вестник, 2014, в печати.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М.: Наука, 1967. – 297 с.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. // Лев. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. – М.: ДИ – ДИК, 1996. - С. 281 – 422.

История Ямала. Том I. Ямал традиционный. Книга I. Древние культуры и коренные народы. Екатеринбург, изд-во «Баско», 2010. 415 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмада Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков, 1956. – 347 с.

Кутепов Н. И. Великокняжеская и царская охота на Руси. – СПб, 1896.

Кровища Приобья: Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард – Санкт-Петербург, 2003. 95 с.

Плеханов А.В. Исследования городища Ярте 6: формирование систем арктических адаптаций//см. в настоящем сборнике

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153). Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. – М.: Наука, 1971.

Тупахина О.С. Рыболовство в эпоху энеолита в Нижнем Приобье//Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. №2 (79). Материалы конференции «Ямальские гуманитарные чтения». Салехард, 2013. С. 106 – 107.

Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 54-66.

Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях//Археология, этнография и антропология Евразии. Вып. № 4. Новосибирск, изд-во СО РАН, 2002. С. 91 – 101.

Федорова Н.В. Каслание длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. Вып. 14. С. 149-156.

Хлобыстин Л.П. Святилища Вайгача//AD POLUS. Памяти Л.П.Хлобыстина. Изд-во «Фарн», СПб, 1993. С. 15 – 18.

Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб: Петербургское востоковедение, 2003. 400 с.

КРАТКИЙ ОБЗОР АРХЕОЛОГИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ

Мурыгин А.М.

Приполярные и заполярные области материковой части крайнего северо-востока Европы, по административному делению соответствуют Ненецкому автономному округу Архангельской области. Основой ландшафта территории являются Большеземельская, Малоземельская и Канинская тундры. Они располагаются в арктическом и субарктическом климатических поясах и представляют собой в рельефе слабохолмистую, в основном равнинную, заболоченную безлесную низменность с низким и не всегда сплошным растительным покровом.

Наиболее ранние известия о древностях крайнего северо-востока Европы появляются еще в конце XVIII–XIX вв. (Вениамин (Смирнов В.Н.), архимандрит, В.Н. Латкин, И. И. Лепехин, А.И. Шренк, и др.). Однако первые достоверные археологические находки в Малоземельской и Большеземельской тундре были сделаны только во второй половине XIX – начале XX вв. (Штукенберг, 1875; 1884; Фосс, 1952 и др.). В начале XX в. несколько стоянок с кремневым инвентарем и керамикой были открыты биологом А.В. Журавским на р. Колва и геологом Н.А. Куликом на рр. Колва и Большая Роговая в Большеземельской тундре (Журавский, 1909; Кулик, 1914; 1915). Известны также случайные сборы из разных мест Мало- и Большеземельской тундры (бухта Индига, низовья р. Печора, р. Адзъва), произведенные в 30-е годы прошлого столетия². Существенное место в археологическом открытии Боль-

шеземельской тундры занимает деятельность геолога Г.А. Чернова. Результаты его открытий нашли отражение в многочисленных публикациях, выходявших на протяжении 1940-1980-х гг. Позднее эти же материалы были изданы в виде свода археологических памятников (Чернов, 1985).

В первые послевоенные годы в печорских тундрах работали геолог А.И. Блохин, зоолог Н.П. Пядышев, которые открыли ряд стоянок. В 1957 г. Н.Н. Гурина опубликовала материалы стоянки Печорская, коллекция которой была собрана на разрушенной поверхности в 30 км от г. Нарьян-Мар. Найденные здесь гребенчато-ямочная керамика и кремневый инвентарь послужили основанием для вывода о переселении ее носителей из Волго-Окского междуречья в низовья р. Печора (Гурина, 1957). В 1959-61 гг. геологами Коми филиала АН СССР В. Пучковым, Б. Мальковым и О. Кочетковым в Малоземельской и Канинской тундрах (на р. Индига и п-ове Канин) найдены четыре местонахождения кремневых предметов. В 1963 г. эти материалы были проанализированы и опубликованы В.Е. Лузгиным (Лузгин, 1963. С. 99-101). Итогом деятельности представителей естественнонаучных дисциплин в тундрах европейского Северо-Востока (включая север Республики Коми) к 1950-м гг. стало открытие не менее 325 археологических памятников.

В конце 1950 – начале 1960-х гг. прошлого столетия начинается планомерное систематическое археологическое изучение преимущественно таежной полосы европейского Северо-Востока археологами Коми филиала АН СССР. Одновременно ими же предпринимались археологические экспедиции в заполярные области. Первые профессиональные полевые исследования в Большеземельской тундре связаны с именем В.И. Канивца, который в 1967 г. частично раскопал Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место, открытое в

¹ Настоящая работа подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований «Арктика» - «Освоение арктической зоны Припечорья в древности и средневековье» (рег. номер 12-6-9-008-АРКТИКА), Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

² Детально история археологического изучения тундровой зоны в 1870-е – 1970-е гг. изложена в работе Л.П. Хлобыстина (1973. С. 54-57).

1947г. геологом Г.А. Черновым (Чернов, 1955), и произвел сборы подъемного материала на поверхности яреев, получивших название поселение Море-ю (Канивец, 1970. С. 12). В 1973 г. В.Е. Лузгин выявил стоянки каменного века в Малоземельской тундре на р. Индига, две из которых (Индига I, Поповка) были отнесены к эпохе неолита (Лузгин, 1974. С. 20; 1977. С. 23-30). В этом же году им же на р. Пеша (Канинская тундра) в результате разведочных работ было открыто поселение эпохи раннего железного века и эпохи бронзы (Лузгин, 1974. С. 20), а в 1975 г. им и А.М. Мурыгиным 12 памятников широкого хронологического диапазона (от эпохи бронзы до средневековья) с сохранившимся культурным слоем на Урдюжских озерах и у с. Коткино на р. Сула (Лузгин, Мурыгин, 1976). Существенный вклад в изучение арктических тундр внесли В. С. Стоколос и А. М. Мурыгин, которые в 1970-1980-е г. вели исследования на реках Море-ю, Коротаиха и Вашуткиных озерах. Наряду с разведочными работами, оба исследователя проводили раскопки памятников на больших площадях. Результаты этих работ нашли отражение в обобщающих монографиях, посвященных культурам эпохи энеолита-бронзы и средневековья лесной и тундровой полосы европейского Северо-Востока (Стоколос, 1988; Мурыгин, 1992).

Во второй половине 1980-х гг. и в 2000 г. вблизи южных границ Ненецкого автономного округа, на левобережье р. Печора у пос. Новый Бор, найдены и исследовались могильник раннего железного века и несколько средневековых поселений и городищ (Васкул, 1989; Плюснин, 1991 и др.). Значительный научный интерес представляют находки, сделанные в конце 1980-х гг. в заполярном течении р. Адзьва у поселка Харута геологом Б.И. Гуслицером и археологом П.Ю. Павловым (Павлов, 1989. С. 29). Ими обследовано местонахождение плейстоценовой фауны и каменных изделий, предположительно относящееся к нижнему палеолиту (Павлов, 1997. С. 52-56).

В 1994-95 гг. в среднем течении р. Адзьва (долина руч. Пымва-шор) была открыта и исследована самая северная в Европе позднелеолитическая стоянка Пымва-шор I, относящаяся к позднеледниковью и раннему голоцену (11000-9500(?) л. н.) (Павлов, Индрелид,

Свендсен, Хуфтхаммер, Смирнов, Андреичева, 1996; Павлов, 2002; 2008). Здесь же было выявлено жертвенное место, приуроченное к карстовой воронке, расположенной у края скального массива.

Необходимо, как представляется, хотя бы упомянуть здесь также об археологических памятниках, найденных и исследовавшихся на протяжении 1965-1996 гг. сотрудниками Коми научного центра УрО РАН, Интинского музея и Сыктывкарского университета (И.О. Васкул, С.Ю. Васильев, В.И. Канивец, В.Е. Лузгин, П.Ю. Павлов, В.Н. Семенов и др.) на правобережье р. Уса и широтного колена р. Печора. Памятники цепочкой протянулись вдоль южной кромки Большеземельской тундры, располагаясь в полосе редколесий крайней северной тайги и лесотундры. Среди них выделим палеолитическую стоянку Мамонтова курья, Адакское пещерное святилище, городище Поганый Нос, комплекс разновременных поселений у дер. Сыннырды.

В 1980-е гг. в Печорском Заполярье работали археологи Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. На правом берегу нижней Печоры у Городецкого озера О.В. Овсянников проводил раскопки городищ VI – XI в. н. э. (Ортинское городище, городище на р. Гнилка) и святилища на р. Гнилка VI-XIII в. н. э. (Ясински, Овсянников, 1998). Восточнее, на побережье Югорского п-ва, Л.П. Хлобыстин исследовал многослойное поселение Мыс Входной, существовавшее на протяжении всего I тыс. н. э. (Хлобыстин, Питулько, 1996).

С 1992 г. и по настоящее время археологические исследования на побережье Баренцева моря и в континентальной части Большеземельской тундры выполнялись отрядами Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в рамках охранных мероприятий в зонах промышленного освоения (А.М. Мурыгин, П.Ю. Павлов, М.В. Кленов). Разведки проводились на обширной территории от п-ва Канин на западе до о. Вайгач на востоке. В Малоземельской тундре новые памятники археологии выявлены в районе устья р. Индига. В Большеземельской тундре новые археологические памятники были найдены в верхнем течении рр. Ярей-ю, Черная, Кывтан и Сарембойяха, в среднем течении р. Колва, в нижнем течении

рек Пярцарьяха, Нээбтеяха и Море-ю, в устье р. Талотаяха, в районе оз. Наульто и на материковой части побережья пролива Югорский Шар. Результатом этих исследований было открытие 51 нового памятника археологии и одного палеонтологического местонахождения (Мурыгин, Карманов, Кленов, 2102). В 2012 г. на Хэйбидя-Пэдарском жертвенном месте был проведен комплекс охранно-спасательных работ, показавших перспективность продолжения исследований на этом уникальном археологическом объекте (Мурыгин, Усолкина, 2013). В 2013 г. в Канинской тундре на р. Ома в рамках соглашения о сотрудничестве между Ненецким автономным округом и Республикой Коми, Ненецким краеведческим музеем и ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН была проведена первая в этих местах археологическая разведка, в результате которой были открыты несколько археологических памятников эпохи энеолита-бронзы.

Кроме этого, в течение последних двух десятилетий в различных местах континентальных и прибрежных районов Мало- и Большеземельской тундр проводили археологические исследования сотрудники сектора охраны и использования археологического наследия и сектора исследования культурной и природной среды Арктики Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (И.Б. Барышев, П.В. Боярский, С.В. Гусев; г. Москва), Института археологии Севера (Г.П. Визгалов и др.; г. Нефтеюганск), Ненецкого (И.В. Хозяинов, Е.Г. Меньшакова и др.; г. Нарьян-Мар) и Архангельского (А.Г. Едовин) краеведческих музеев. Сотрудниками Института археологии Севера (г. Нефтеюганск) были обобщены, систематизированы и картографированы сведения об известных объектах археологического наследия на территории Ненецкого автономного округа, что позволило объединить весь имеющийся материал об археологических памятниках региона. Однако не все эти работы получили должное освещение в научной литературе, а их результаты большей частью отражены только в научных отчетах.

* * *

По мере накопления археологических источников ученые стали обращаться к проблеме периодизации культур древних обитателей тундровой зоны европейского севера. Первые

культурно-хронологические схемы стали разрабатываться ещё в начале 1950-х гг. на основе анализа материалов памятников Большеземельской тундры. В 1952 г. М.Е. Фосс выделила здесь печорскую культуру конца II – перв. пол. I тыс. до н. э. (Фосс, 1952. С. 145). Она отметила отсутствие на памятниках Большеземельской тундры «ямочно-гребенчатой керамики типа, распространенного в Волго-Окском бассейне и на значительной территории Севера, в более южных широтах». Исключение, по ее мнению, составляют стоянки Сандибей-ю VIII и Колва-вис I (Фосс, 1952. С. 139). А.Я. Брюсов справедливо отметил, что материал, собранный в Большеземельской тундре, «случаен и односторонен... сильно разновременен. Каких-либо существенных исторических выводов сделать по этому материалу нельзя. Однако он хорошо дополняет в некоторых отношениях общую картину расселения по северу древних племен» (Брюсов, 1952. С. 143). А.Я. Брюсов считал, что освоение Крайнего Севера, в том числе и Большеземельской тундры, происходило не ранее втор. пол. II тыс. до н. э. и было «следствием продолжающейся сегментации северных племен» (Брюсов, 1952. С. 144, 145, 259).

В 1954 г. Г.А. Чернов выделил большеземельскую «неолитическую» культуру (начало I тыс. до н. э. – нач. I тыс. н. э.), прошедшую в своем развитии три этапа. Памятникам первого этапа, по его мнению, предшествуют стоянки «с одними ножевидными пластинками» (Чернов, 1954. С. 82). В дальнейшем эта точка зрения в работах Г.А. Чернова не встречается.

В 1958 г. этнограф Л.П. Лашук (Лашук, 1958. С. 7-37) собрал все сведения, имевшиеся на тот момент времени и, руководствуясь работами А.Я. Брюсова, М.Е. Фосса и Г.А. Чернова, развил их взгляды на заселение Крайнего Севера в древности. Л.П. Лашук утверждал о «существовании единообразной археологической культуры неолитического облика на всей обширной территории Большеземельской тундры, включая низовья Печоры» – печорской, печорско-большеземельской, или большеземельской (Лашук, 1958. С. 19), бытовавшей длительный отрезок времени: II тыс. до н. э. – I в. н. э. По мнению этнографа, заселение региона происходило «из Сибири» и носители «большеземельской культуры» были родствен-

ны «неолитическому» населению Северного Приобья. Культурные трансформации, проявлением которых являются сходные типы каменных орудий и орнаментация керамики на смежных территориях, Л.П. Лашук объясняет подвижным (кочевым) образом жизни древнего населения, совершавшего сезонные промысловые кочевки в смежные регионы (Лашук, 1958. С. 28).

Идея о бытовании на территории Большеземельской тундры на протяжении длительного отрезка времени единой археологической культуры была подвергнута сомнению Л.П. Хлобыстиным. Он считал, что материалы тундровых памятников разновременны и разнокультурны, что объясняется проникновением сюда в разное время подвижных и немногочисленных групп населения (Хлобыстин, 1973. С. 64-65). Одновременно попытку анализа материалов стоянок Большеземельской тундры предприняла И.В. Верещагина, ограничившись, правда, изучением микролитического инвентаря. Часть памятников ею была отнесена к мезолиту, а неолитом атрибутированы памятники, в коллекциях которых встречалась ямочно-гребенчатая керамика, а также типы орудий и наконечников стрел, характерные, по мнению исследователя, для неолита европейского Северо-Востока (Верещагина, 1973).

В 1985 г. Г.А. Чернов при содействии археологов В.И. Мошинской и Л.П. Хлобыстина систематизировал данные о стоянках Большеземельской тундры, попытался реконструировать систему жизнеобеспечения первобытных коллективов тундры, определить хронологию и пути ее заселения и дать характеристику материальной культуры населения каждого из выделенных им этапов (Чернов, 1985).

В 1988 г. В.С. Стоколос на основании материалов собственных раскопок развил взгляды В.И. Канивца на формирование, ареал и хронологию коршаковской культуры эпохи бронзы (Стоколос, 1988. С. 159-187). Материалы стоянки Коротаиха 1981/8 позволили ему поставить вопрос о существовании особой арктической культуры гребенчатой керамики эпохи раннего металла, памятники которой предварительно были отнесены им к йоркутинскому типу, выделенному Л.П. Хлобыстиным на Ямале (Стоколос, 1988. С. 50, 60).

К числу до конца не решенных вопро-

сов археологии материка северо-востока европейской Арктики и Субарктики относятся хронология, генезис и этнокультурная принадлежность средневековых памятников. Их актуальность вытекает из прямого отношения к изучению происхождения современного населения тундровой зоны – ненцев. Археологических памятников, материалы которых могут пролить свет на эту проблему очень немного (поселения Море-ю II, Хутьюнкосе I, Мыс Входной, Коматывис I, городище Гнилка и Ортинское, жертвенные места Хэйбидя-Пэдара и Гнилка). Они расположены в разных частях Большеземельской тундры, разнотипны (поселения, городища, святилища), разновременны и не позволяют создать полного представления о тундровом средневековье, как с точки зрения материальной культуры, так и этно-культурных особенностей оставивших их коллективов.

А.М. Мурыгин, проанализировав керамические материалы эпохи средневековья, выделил три типа глиняной посуды (Море-ю, Хутьюнкосе, Коматывис), соответствующих трем хронологическим этапам развития в Мало- и Большеземельской тундрах особой «субарктической» археологической культуры. Такой вывод был сделан на основании морфологического сходства посуды этих этапов и бытования их преимущественно в тундровой зоне (Мурыгин, 1992.). Высказано предположение, что эти памятники относятся к местной культуре охотников на дикого северного оленя субарктической зоны северо-востока Европы, связанной своим происхождением с нижнеобско-ямальским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур (Мурыгин, 1992). По результатам раскопок многослойного поселения Мыс Входной на материковом побережье пролива Югорский Шар Л.П. Хлобыстин определил его как памятник арктической приморской культуры, поселение охотников на морского зверя (1996). Керамика верхних слоев типична для глиняной посуды Большеземельской тундры втор. пол. I тыс. н. э. В керамике из нижележащих слоев прослеживается влияние продвинувшихся на северо-восток Европы групп населения с севера Западной Сибири (усть-полуйского, саровского-кулайского). Хозяйственно-культурный тип

этого приморского населения имел сложный характер и включал в себя как развитую морскую, так и сухопутную охоту с сезонной сменной основного промысла. Высказано предположение, что облик средневековой культуры на северо-востоке Большеземельской тундры в течение длительного времени определялся притоком нижнеобского и ямальского населения (Хлобыстин, Питулько, 1996).

О.В. Овсянников полагает, что нижнепечорские городища втор. пол. I тыс. н. э. (Ортинское и Гнилка) служили племенными центрами местного населения, известного под именем летописной «печеры» или «сииртя» ненецких преданий, имевшими тесные связи с Северным Приуральем и Нижним Приобьем (Ясински, Овсянников, 1998; 2003). После X в., в процессе установления даннических отношений и подчинения печорских племен русскому влиянию они прекратили существование.

Результаты исследований Хэйбидя-Пэдарского жертвенного места (VI–XIII вв. н. э.), расположенного в центральной части Большеземельской тундры, позволили отнести его к межплеменным местам почитания, предметы на котором были оставлены различными по происхождению и этнокультурной принадлежности группами населения Печорского Приуралья и сопредельных районов Большеземельской тундры и Зауралья (Мурыгин, 1992). Состав большей части культурных остатков позднего этапа существования непосредственно жертвенного места (рубеж I–II тыс. н. э. и далее), особенности их планиграфического положения в пределах исследованной площади вне святилища, позволил поставить вопрос о серьезных изменениях в историко-культурной обстановке в целом на крайнем северо-востоке европейской части России где-то в первой четверти II тыс. н. э., либо о локальном конфликте между различными коллективами, произошедшем на этом участке тундры (Мурыгин, Усолкина 2013).

Святилище Гнилка на Нижней Печоре, по мнению О.В. Овсянникова представляло собой в VI–X вв. н. э. единый культурный комплекс с расположенным рядом одноименным городищем. Оно продолжало функционировать вплоть до кон. XIII в., увеличившись в площади за счёт соседнего заброшенного городища. Прекращение функционирования

святилища связывается со сменой населения в печорских тундрах — исчезновением летописной «печеры» и приходом ненецких племен (Ясински, Овсянников, 1998; 2003).

* * *

Таким образом, более чем 200 — летняя история археологических исследований крайнего северо-востока европейской части России позволяет говорить о том, что они оформились в одно из важных направлений российской археологической науки. К началу второго десятилетия XXI в. в тундровой зоне северо-востока Европы стало известно уже около 900 памятников археологии. Накоплен богатый опыт поиска и раскопок археологических памятников различных эпох в высоких широтах. Несмотря на это, западный сектор российской части циркумполярной области все еще относится к наименее археологически изученным областям континента. Территория изучена неравномерно. Абсолютное большинство обнаруженных памятников (как в прошлом, так и в настоящем) представлено сборами подъемного материала на участках развеиваемых песков. Крайне недостаточны количественный и качественный уровни источниковой базы. Археологические работы в тундровых районах европейской части России до сих пор носят эпизодический характер.

Между тем, краткий историографический обзор показывает, что изучение древностей тундровых районов европейского северо-востока все-таки позволило сделать важные научные открытия в решении вопросов освоения высоких широт Евразии человеком, были достигнуты вполне определенные успехи в исследовании культуры аборигенного населения на различных этапах его истории. Пройден длинный путь от публикаций непроверенных данных и случайных сборов археологического материала любителями и представителями естественнонаучных дисциплин до профессионального изучения археологических источников. Здесь следует подчеркнуть, что период 1967–91 гг. был единственным в истории археологического изучения тундровой зоны, когда исследования велись в рамках плановых тем и за счет бюджетного финансирования. С первой половины 1990-х гг. и по настоящее время финансирование исследований в прибрежных

и континентальных тундрах стало полностью основываться на хозяйственных договорах, а экспедиционные работы ограничиваются, как правило, зонами промышленного освоения.

В то же время, несмотря на достаточно ограниченный, а в последние два десятилетия большей частью прикладной характер проводимых в тундрах северо-востока европейской части России археологических исследований, имеющиеся на сегодняшний день данные могут быть использованы для решения фундаментальных проблем. А именно, первоначального освоения высоких широт человеком и дальнейшего расселения и взаимодействия здесь первобытных коллективов, адаптации населения в древности и средневековье к экстремальным условиям среды обитания и динамика культурных изменений на севере Евразии. Имеющиеся материалы по археологии высоких широт с той или иной степенью глубины освещают наши представления по этим вопросам на всех этапах заселения тундровой зоны: от палеолита до эпохи средневековья.

Все проведенные к настоящему времени исследования доказывают перспективность дальнейших работ по поиску объектов археологического наследия, как в континентальной, так и приморской части европейских

тундр. Древние памятники были обнаружены практически во всех из них, что еще раз свидетельствует о широком расселении древних коллективов по всей площади тундровой зоны на разных этапах ее освоения в прошлом. Работы последних десятилетий показали результативность и необходимость поиска археологических объектов на площадях активного промышленного освоения Арктики с целью предотвращения их возможной невосполнимой утраты в результате действий хозяйствующих субъектов.

В прикладном аспекте полученные данные могут быть использованы для разработки рекомендаций по сохранению историко-культурного (археологического) наследия для инициаторов хозяйственной деятельности и органов охраны и использования памятников истории и культуры. Перспективы фундаментальных исследований включают в себя полномасштабные и планомерные археологические разведки и раскопки наиболее ценных в источниковедческом плане памятников, что будет способствовать, прежде всего, решению проблем этногенеза самодийских народов, а также характеристике систем жизнеобеспечения первобытных коллективов в тундрах европейского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

- Васкул И.О. Исследования памятников эпохи железа на территории Коми АССР и Пермской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 5-8.
- Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 259 с.
- Верещагина И.В. Памятники с микролитическим инвентарем Большеземельской тундры // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973. С. 3-21 (МАЕСВ. Вып. 5).
- Гурина Н.Н. Некоторые новые данные о заселении Севера европейской части СССР // СА. 1957. № 2. С. 115-120.
- Журавский А.В. Результаты исследования Приполярного Запечорья в 1907 и 1908 годах // Изв. Русского геогр. общ. 1909. т. XV. Вып. I – III. С. 197-232.
- Канивец В.И. Древнее святилище в Большеземельской тундре // III МКФУ: Тез. докл. Таллин, 1970. Т. 2. С. 12.
- Кулик Н.А. Поездка в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Тр. общ. землеведения при Императорском С.-Петербур. университете. СПб., 1914. Т. III. С. 1-20.
- Кулик Н.А. Предварительный отчет о поездке в Большеземельскую тундру летом 1910 г. // Записки Императорского минералог. общ. ПТГ., 1915. Сер. 2, Ч. LI. С. 1-56.
- Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958. 200 с.
- Лузгин В.Е. Археологические находки на побережье Чешской Губы и полуострова Канин // ИФС. Вып. 8. Сыктывкар, 1963. С. 99-102.
- Лузгин В.Е. Разведка в Малоземельской тундре // АО-1973. М.: Наука, 1974. С. 20.

- Лузгин В.Е. Неолитические стоянки в бассейне р. Индиги // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. С. 23-30 (МАЕСВ. Вып. 6).
- Лузгин В.Е., Мурыгин А.М. Разведка на Полярном Тимане // АО-1975. М.: Наука, 1976. С. 30.
- Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
- Мурыгин А.М. Памятники позднего железного века лесной и тундровой полосы Печорского Приуралья // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 478-560.
- Мурыгин А.М., Карманов В.Н., Кленов М.В. Новые археологические исследования в тундрах северо-востока Европы. Сыктывкар, 2012 (Изд. Коми НЦ УрО РАН). 68 с.
- Мурыгин А.М., Усолкина М.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место – новые данные (по результатам охранно-спасательных работ 2012 г.) / Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи // Мат. Всерос. научн. археологической конф. (Сургут, 1-4 октября 2013 г.). Екатеринбург-Сургут: изд. Магеллан, 2013. С. 86-93.
- Павлов П.Ю. Исследования археологических стоянок на северо-востоке Европы // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 28-29.
- Павлов П.Ю. Палеолит // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 44-90.
- Павлов П. Ю. Древнейшие этапы заселения севера Евразии: северо-восток Европы в эпоху палеолита // Северный археологический конгресс. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. С. 192-209.
- Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. № 1(33). С. 33-45.
- Павлов П.Ю., Индрелид С., Свендсен Й-И., Хуфтхаммер А-К. и др. Исследование палеолитических стоянок на северо-востоке Европы // АО 1995. М.: Наука, 1996. С. 72-73.
- Плюснин С.М. Городища Нового Бора // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Сыктывкар, 1991. С. 115-116.
- Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.
- Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА, 1952. № 29. 280 с.
- Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита (МИА. № 172). Л., 1973. С. 54-65.
- Хлобыстин Л.П., Питулько В.В. Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского севера. Вып. 1. Вологда, 1996. С. 123-133.
- Чернов Г.А. Новые археологические находки в Большеземельской тундре // КСИИМК. 1954. Вып. 54.
- Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре // СА. 1955. № 23. С. 291-320.
- Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.: Наука, 1985. 169 с.
- Штукенберг А.А. Отчет о геологическом путешествии в Печорский край и Тиманскую тундру // СПб., 1875. 125 с.
- Штукенберг А.А. Каменные орудия и бронзовые вещи, найденные в Печорском крае в 1874 г. // Тр. IV Археологического съезда. 1884. Т. I, ч. I. С. 31-33.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику // Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I. Спб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 464 с.
- Ясински М.Э., Овсянников О.В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
ИАЭТ СО РАН	- Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИФС	- Историко-филологический сборник
Коми НЦ УрО РАН	- Коми научный центр Уральского отделения РАН
КСИА	- Краткие сообщения института археологии

КСИИМК	- Краткие сообщения Института материальной культуры
МАЕСВ	- Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МКФУ	- Международный конгресс финно-угроведов
СА	- Советская археология

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЯРТЕ 6:
ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМ АРКТИЧЕСКИХ АДАПТАЦИЙ.

Плеханов А.В.

Целью статьи является рассмотрение одного из эпизодов формирования хозяйственной адаптации у населения ямальских тундр в эпоху средневековья, для чего анализируются материалы исследований уникального по сохранности и насыщенности культурного слоя памятника «городище Ярте VI». Сам памятник отличается от типичных археологических памятников тундры, которые в большинстве являются временными стоянками, представленными небольшим количеством артефактов, собранных на песчаных выдувах. Культурный слой большинства из них небольшой мощности, чаще всего разрушен природными факторами, среди находок преобладают фрагменты глиняной и медной посуды, резанные кости животных, очень редко – артефакты из бронзы или железа. Культурный же слой городища Ярте VI достигает 1,5 м, насыщен большим количеством артефактов, костных и органических остатков.

Первоначально памятник был атрибутирован как «городище», так как с напольной стороны мыса, на котором он расположен, фиксировался небольшой ров и некая конструкция, которую посчитали валом. Исходя из беспримерной насыщенности культурного слоя памятника костями северного оленя, а также многочисленности орудий труда, связанных с обработкой шкур, автором ставится вопрос о его ином назначении, а именно, как стоянки в месте поковки на переправе оленей через реку и последующей обработки здесь полученного сырья.

Топография памятника.

Городище Ярте VI находится в Ямальском районе Ямало–Ненецкого автономного округа, в подзоне южной тундры. Расположено на 20-ти метровом подпрямоугольном мысу коренной террасы р. Юрибей.

Здесь в пределах видимости русло реки делает глубокий извилистый прогиб к северу, отодвигаясь от правой коренной террасы реки на расстояние до 9 км. В этой широкой пой-

ме расположены два озера системы Яратато, в недавнем прошлом весьма рыбные. Пойма между рекой и озёрами местами густо поросла ивняком. В этих пойменных лесах достаточно часто встречаются и столетние ивы.

Внешний вид.

Площадка памятника покрыта густой луговой растительностью, что резко выделяет её на общем фоне скудной тундровой растительности террасы. Не зря местное каслающее население называет это место «*Волосатый мыс*».

Микрорельеф памятника.

Ранее мыс с напольной стороны (с северо-востока на юго-запад) пересекал ров, имевший 25 м в длину, ширину до 2-х м, и глубину до 0,5 м. До производства раскопок на дневной поверхности площадки памятника фиксировалось 7 слабо выраженных впадин подовальной формы, длиной от 4 до 5 м и глубиной до 0,5 м.

Пространство вокруг памятника.

В ходе обследований территорий ямальской тундры была выявлена закономерность: современные стойбища оленеводов, как правило, располагаются в непосредственной близости от древних стоянок. Не исключением является и Ярте VI: на прилегающей к памятнику местности до сих пор ставит чумы местное каслающее население, о чем красноречиво свидетельствуют оставленные невдалеке зимние нарты с поклажей, а также следы костров и остатки современного бытового мусора. Постоянные летние стойбища оленеводов находятся и на противоположном берегу р. Юрибей.

История исследования.

Городище Ярте VI входит в условно выделенный «Яртенский археологический микрорайон» обнаруженный экспедицией Тобольского педагогического института под руководством А.В. Головнёва в 1989 году. На тот период в микрорайон вошло 28 стоянок и поселений, датированных временем от эпохи мезолита до позднего средневековья с концентрацией на участке протяжённостью менее 11 км.

Детальному обследованию «Яртенский микрорайон» был подвергнут Ямальской экспедицией ИИА УрО РАН в 1995 г. (Е.И. Кочегов, К.А. Ощепков) и 1996 г. (А.Г. Брусницына, К.А. Ощепков). Ими было зафиксировано 23 стоянки и местонахождения, которые фиксируются по находкам артефактов на развешенной поверхности, и лишь 5 поселений с хорошей сохранностью культурного слоя. В их числе — «городище» Ярте VI, поселение Юр-яха III, стоянки Юрибей VIII, XII, XV. Раскопками исследовано городище Ярте VI (А.В. Головнев, А.В. Соколов; Н.В. Федорова) и энеолитическая стоянка Юрибей III (А.В. Соколов, Н.В. Старцев). В 2011 г. отрядом ТГУ под руководством А.А. Пушкарева проводились инвентаризационные работы на 28 стоянках в бассейне р. Юрибей, открытых в 2006 г. при обследовании трассы железнодорожной линии Обская—Бованенково разведочной группой ООО НПО «Северная археология» под руководством О.В. Кардаша. (История Ямала Т. I Ямал традиционный. Книга 1 Древние культуры и коренные народы. Глава 1.3. стр. 62. Екатеринбург, 2010.)

«Городище» Ярте VI в течение четырех полевых сезонов (1990–93 гг.) раскапывалось экспедицией Тобольского педагогического института (А.В. Соколов) и двух (1995–96 гг.) - Ямальской археологической экспедицией (Н.В. Федорова).

За семь полевых сезонов раскопами вскрыто 176 м².

Стратиграфия и планиграфия памятника.

Площадка городища покрыта мощным дёрном от 10 до 20 см (а в морозобойных трещинах и до 40 см).

Анализ стратиграфической ситуации показал, что «городище» Ярте VI заселялось, как минимум 4 раза. К первому периоду обитания можно отнести жилищные впадины, зафиксированные в материке (*раскопы 1991 г. Соколова А.В. и Федоровой Н.В. 1996 г.*).

Следующим этапом заселения памятника явился период с 1071 по 1106 гг. К нему относится слой, насыщенный костными останками животных, органикой, артефактами, который перекрывает жилищные западины сверху. Этот слой был датирован по методу дендрохронологии. (Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины

кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал. //Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2000 г. стр. 112-122)

Верхние слои намного беднее артефактами. Раскоп 2013 года, заложенный с напольной стороны за рвом, выявил наличие культурного слоя (мощностью от 10 до 30 см), идентичного верхнему слою на площадке «городища». Находки в этом раскопе представлены в основном керамическим материалом, превосходящим по количеству керамический материал, полученный за все сезоны исследований с самой площадки перед рвом. Костный материал представлен единичными плохо сохранившимися фрагментами костей животных.

Самым поздним образованием, выделенным планиграфически и стратиграфически, является ров, пересекающий мыс и разрезающий верхние поздние напластования. Исследования рва и пространства вокруг него не выявили каких либо остатков фортификационных укреплений (как то столбовые ямки, деревянные конструкции, которым, и взяты, по сути, не откуда, ввиду отсутствия необходимого дерева как такового), как правило, присутствующих городищам.

Так же примечателен факт обнаружения за рвом с напольной стороны кострища, диаметром 0,5 м и мощностью до 0,1 м. В исследованиях прежних лет ни одного кострища или очага на площадке городища зафиксировано не было, в том числе и в заполнении жилищных впадин.

Анализ костного материал в сравнении с другими памятниками зоны тундры приблизительно того же времени.

Сохранности культурных остатков в слое памятника способствовало наличие вечной мерзлоты, которая, с другой стороны затрудняла процесс производства раскопок.

Приведу небольшую сводную таблицу, в которой воспроизводится количество найденных костных останков северного оленя в сравнении с другими раскопанными археологическими памятниками приблизительно того же времени в тундровой зоне. (Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск-Екатеринбург, 2013 г. стр. 236-255.)

Название памятника	Количество костей северного оленя	Вскрытая площадь	Количество костей на 1 м ²
Ярте VI	16011	176	91
Мутная I	78	64	1,2
Юнета-Яха I	33	126	0,3
Юнета-Яха III	44	54	0,8
Бухта Находка	2465	256	9,6
Халято I	96	60	1,6
Тиутей-Сале I	1000	44	22,7

Несмотря на разную вскрытую площадь на памятниках, в пересчёте на 1 м², количество останков северного оленя на Ярте VI явно превосходит все вместе взятые известные на сегодняшний день раскопанные археологические памятники.

Анализ коллекции.

Количество индивидуальных находок за все годы исследований составляет порядка 400 единиц. Они включают в себя изделия из кости, дерева, камня, бронзы, железа. Вся коллекция хранится в фондах ГБУ ЯНАО «Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского» в г. Салехарде.

Наиболее массовыми находками являются многочисленные орудия для первичной и вторичной обработки шкур: рукоятки шильев; орудия, изготовленные из лопаток оленя с отверстиями, которые считаются исключительно мужским орудием, с помощью которого производилась растягивание ремней для производства арканов; скребки из плюсневой кости оленя, наиболее архаичного типа, встречающиеся с эпохи неолита. Скребки дополнительно заострялись длинными срезами, иногда оформлялись дополнительной фаской. Зубчатые скребки – для снятия мездры и волоса – изготовленные из пластин рога оленя. Длина, варьируется от 18 до 44 см., ширина 2-3,5 см., толщина 0,5-1,1 см. Рабочее зубчатое лезвие длиной 16-21 см располагалось в центральной части пластин. По одной или двум сторонам нарезаны треугольные зубцы высотой 0,3-0,4 см. Иногда на рукояти делали отверстие диаметром 0,5-0,8 см. Для удобства концы скребок оформлялись в виде рукояток. Деревянные зубчатые инструменты такой же формы и размеров, как и роговые. Но они,

как правило, несколько короче, чем роговые, поскольку дерево – менее прочный материал, чем рог. Многочисленны округлые каменные скребки с крупной и небрежной обивкой, которые могли использоваться как при выделке шкур, так для заточки костяных или металлических инструментов. (Алексашенко Н.А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) //Уральский исторический вестник. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. №8. стр. 197.)

Свидетельством наличия рыболовного промысла являются составные грузила – из согнутого в кольцо прута, в центр которого помещался камень, деревянных поплавков в виде плоских полудисков с двумя отверстиями под сеть и одним более крупным по центру для насаживания и сбора на палку. Аналогии подобным поплавкам имеются в этнографических коллекциях коми-ижемцев бассейна Печоры, подобные поплавки найдены и при раскопках Надымского городка. О ловле рыбы говорят и остатки рыболовных сетей, а также модели лодок.

В коллекцию артефактов с раскопок входит большое количество детских игрушек, частью которых являются миниатюрные модели хозяйственного инвентаря и оружия. Это миниатюрные модели ножей, луков, стрел. Модели боевых топоров представляют собой изображения чеканов, которые встречаются в памятниках X–XIII вв. повсеместно, особенно характерны для дружинных древностей восточной Европы. (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. //Археология СССР, Е1–36, изд-во Наука: Москва–Ленинград, 1966 г., стр. 5–26.) Согласно типологии, предложенной А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. //Археология СССР, Е1–36, изд-во Наука: Москва–Ленинград, 1966 г., стр. 5–26.) их можно отнести к I типу топоров (табл. XI, 1–10). (Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. //Археология СССР, Е1–36, изд-во Наука: Москва–Ленинград, 1966 г., стр. 5–26.) Встречается данный тип чеканов и на Ямале (Стоянка Сохонтосё I). Модели лодок выполнены

из дерева. Две из них сохранились полностью, третья представлена лишь носовой частью. Носовая часть у двух лодочек имеет характерный вырез. В этнографических источниках такого типа лодки бытовали вплоть до XIX века. На городище найдены деревянные волчки. Три из них представлены дисками с диаметром 2,5-3х см и отверстиями под выточенные палочки. Один волчок сохранился полностью, т.е. сам диск и вставленная в отверстие выточенная округлая палочка длиной 5,5 см. и диаметром 0,4-0,7 см, с конусовидным наконечником. На момент извлечения из культурного слоя со слов исследователя, волчок мог вращаться, т.е. полностью функционировал как игрушка.

Возможные выводы.

Исходя из всего выше изложенного, можно заключить следующее. Несмотря на мощный культурный слой, образовавшийся в процессе жизнедеятельности людей, Ярте VI является сезонным поселением. В результате проведённых археозоологических и дендрологических анализов удалось выяснить, что оно было обитаемо только в период с июня по сентябрь месяц.

Обитателями, вероятнее всего, было население, пришедшее сюда с Оби. Об этом в частности говорит гельминтологический анализ, сделанный по копролиту собаки найденный при раскопках в 1995 г. «В нём найдено значительное количество яйцевых оболочек описторха. На территории Ямала этот гельминт не обитает, нет его и в бассейне р. Печоры, но он заселяет весь Обь-Иртышский бассейн. Таким образом, очевидно, что собака заразилась описторхозом на Оби и отсюда была приведена людьми на Ямал». (*Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск-Екатеринбург, 2013 г. стр. 253-254.*) Останки собак принадлежат оленегонной породе, для которой характерны мелкие размеры.

В течение сезона в поселении стационарно, скорее всего, проживали старики, женщины и дети. Если старики занимались рыбной ловлей, а женщины обработкой шкур, то о наличии детей говорит обилие артефактов в виде игрушек. Идентичное распределение ролей мы можем наблюдать в наши дни у ненцев-оленеводов.

Возможно, на памятнике существовало

некое хозяйственное зонирование. О чем свидетельствует наличие-отсутствие керамики, очагов на площадке за рвом и перед ним. Это даёт основание предположить, что поселение Ярте VI возникло на месте производства сезонной поковки на переправе через реку мигрирующего дикого оленя. Примечателен тот факт, что найденные кости оленей в своей массе не раздроблены вдоль. Они либо целые, либо расколоты поперёк. У современных ненцев есть поверье «нельзя чтобы в кости оленя была маленькая дырка, а то через неё все олени убежать могут». Похожие места промысла известны у эвенков.

По современным стандартам, для комфортного проживания стабильных групп в 80-90 человек необходимо обеспечить минимальное годовое потребление мяса эквивалентное 260-300 оленям. (*Оле Грюн. Этноархеология – грани материальной и духовной культуры эвенкийских охотников и собирателей. Сибирский взгляд на североевропейские стоянки гамбургской культуры (верхний палеолит). // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. В печати.*) Сезонные передвижения на столь дальние расстояния от Оби на Ямал возможны только при наличии кочевого оленеводства. «Указанием на крупностадность оленеводства следует считать упоминание в источнике (даже единичное) подобного типа хозяйства. В отличие от многих других видов хозяйственной деятельности, крупностадное оленеводство не может быть подсобной отраслью, так как предполагает постоянную занятость владельца выпасом оленей» (*Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – стр. 89.*) «... для транспортного использования оленей летом необходима либо верховая езда (не фиксируемая у тундровых ненцев), либо – при нартенном способе передвижения – большое количество оленей (то есть крупностадное оленеводство)». (*Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – стр. 91.*) Однако Ярте VI в этот период являлось не только поселением около мест покола оленей, но и местом обработки получаемого сырья. В ходе раскопок Федоровой Н.В. 1996 г. в планиграфии был выявлен

объект, который можно интерпретировать как место «волососгонки» со шкур оленей. Об этом же свидетельствует орудия труда для обработки шкур, а также большое количество останков оленей. Вспомогательным видом хозяйственной деятельности населения, проживающего на поселении в этот период, было сетевое рыболовство и охота на птицу. О последнем свидетельствуют концевые накладки на лук и детские игрушки, их имитирующие.

Ров на памятнике носил, скорее всего, дренажную либо разграничительную функцию, явно не имея оборонительного значения.

В виду сезонности практически всех, обнаруженных к северу от р. Юрибей поселений,

передвижения к которым населения с Оби и из Печорского бассейна являются весьма дальними, автором вслед за Н.В.Федоровой (*Федорова Н.В.* Каслание длиной в две тысячи лет: человек и олень на севере Западной Сибири. //Уральский исторический вестник. Вып. 14. Материалы ко II Международному Северному археологическому конгрессу. Екатеринбург, изд-во УрО РАН, 2006. С. 149-156) делается предположение, что это стало возможным только при переходе к кочевому оленеводству. Таким образом, материалы, полученные в результате исследования городища Ярте VI, отражают один из важнейших эпизодов формирования хозяйственных адаптаций у населения Ямальской Арктики.

**ЖИВОТНЫЕ АРКТИКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИЯХ МВК.**

Копцева Т.В.

В настоящее время Арктика является темой многих политических и экономических дебатов, но исследователям, ученым, музейщикам, важна иная Арктика – со своим историческим прошлым, своими героическими именами и событиями, не перестающая удивлять красотой и непредсказуемостью. Эта ее ипостась выражена в поэтических и художественных произведениях, она имеет ресурсы для новых перспективных исследований и размышлений. Не зря И. Бродский подметил: «Север крошит металл, но щадит стекло... Холд меня воспитал и вложил перо».

Целью доклада не является подробная семантическая/искусствоведческая и иная оценка артефактов или научная трактовка предметного ряда. Автор лишь предлагает демонстрацию небольшой части уникальных коллекций из фондов Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского в качестве исследовательской перспективы этой многоаспектной и вариативной темы.

Арктика – место обитания целого ряда животных: овцебык, дикий северный олень, снежный баран, белый медведь, заяц - арктический беляк, лемминг, песец, волк. Полярным летом в тундре гнездятся миллионы перелетных птиц. В морях Арктики обитают тюлени, моржи, а также несколько видов китообразных: усатые киты, нарвалы, касатки (черная и белая) и белухи.

В любой энциклопедии в описании животных Арктики подчеркивается какая-нибудь их особенность. Вот несколько примеров: «Белый медведь является самым мощным и сильным сухопутным хищником на планете», «Морж – уникальное животное, в семействе имеет один род и один вид», «Наиболее примечательными в китообразных видах млекопитающих являются нарвалы. Обязаны они такой популярностью своему длинному рогу или бивню, который торчит прямо изо рта и достигает в длину 3

метра», «Розовая чайка – маленькая красивая и хрупкая птица обитает в суровых районах Арктики», «Кит-горбач, в пасти которого не зубы, а китовый ус», «Маленькое, укутанное пёстрым мехом животное – лемминг», «Полярная или белая сова, практически, заселяет всю Арктику».

Сегодня фонды музея насчитывают около 68 тысяч палеонтологических, археологических, исторических и этнографических экспонатов, произведений современной живописи и прикладного искусства, собрания минералов, флоры и фауны севера Западной Сибири. Фонды естественно-научной коллекции составляют около 3000 предметов. С арктических животных начиналась коллекционная естественнонаучная история: наиболее ранними поступлениями этой коллекции являются чучело белого медвежонка – дар Б.М. Житкова, зоолога, профессора Московского университета, возглавившего экспедицию Императорского русского географического общества на полуостров Ямал в 1908 году, и мумифицированная голова моржа, появившаяся в музее в начале XX века.

Мемориальную ценность представляет череп овцебыка, найденный известным зоологом-полярником С.М. Успенским на жертвеннике в долине реки Юрибей во время одной из научных поездок на п-ове Ямал и подаренный нам в 1989 г.

Почти полный скелет кита - малого полосатика – второй в России - еще один подобный экспонат хранится только в музее Института биологии моря Дальневосточного отделения Российской академии наук.

В целях популяризации многообразного животного мира Арктики в музее работает выставка «Через центр России к Карскому морю». В 1906 году Д.И. Менделеев определил, что географический центр России находится в южной части бассейна реки Таз, т.е. на современной территории Ямало-Ненецкого автономного

округа. На просторах округа разместилось несколько природных зон — от северной тайги до арктических тундр. Данная выставка даёт возможность совершить путешествие по его заполярным уголкам, с юга на север, через существовавший некогда центр России.

Есть еще и «культурологическая» ипостась арктических животных. Анималистическая символика являлась способом объяснения человеком устройства мироздания, рассматривалась как отражение окружающего мира, единства человека с природой.

В археологической коллекции, представленной более чем десятью тысячами артефактов, а также в предметах прикладного искусства и этнографических коллекциях, насчитывающихся около пяти тысяч экспонатов, имеются уникальные предметы и вещи так или иначе, связанные с животным миром. Причем в этнографической коллекции особое внимание сосредоточено на орнаментированных вещах. Любой орнамент носит знаковый характер, имеет глубокий смысл и тайное значение, он изначально возник как информация о родовой принадлежности тех, кто его создавал. У коренных народов Севера это еще и результат долгих наблюдений за окружающим миром.

Как правило, орнаменты располагаются по полам одежды, а также подолу и рукавам; на передней части обуви, для украшения женских сумок.

Самая разнообразная и многочисленная «подборка» из них связана с Медведем — он имеет философскую мифологему и особую этническую интерпретацию в традиционных воззрениях народов: как божество (в частности, умирающее и возрождающееся), основатель традиции, тотем, дух-охранитель, зооморфный классификатор, звериный двойник человека, помощник шамана.

Медведь — один из главных героев животного эпоса, сказок, быличек, песен, загадок, поверий, заговоров и др. С образом Медведя — первопрядка связано и представление о нём как о первом культурном герое: обские угры связывают с бурым Медведем, а ненцы — с белым Медведем. Медвежьи черты усматриваются в облике таких высших богов, творцов вселенной и прародителей людей, как Нуми-Торум у обских угров, Нум у ненцев. Распространено представление, что медведь прежде был небес-

ным существом, наделённым божественными качествами, но позже спущен небесным богом на землю заслушивание. Нередко бог и сам мог принимать образ медведя, когда хотел показаться людям на земле.

«Рассудительность ценнее красноречия», «мудрость не переносит шума», «птица ночи, символизирующая время суток, когда нас окружает тишина, и мы можем сосредоточиться и привести в порядок наши мысли». Образ пернатой ночной хищницы охватывает удивительно широкий спектр важнейших символических значений, от самых позитивных до наиболее мрачных. Культурологический аспект очень широк. Сова занимает особое место в миропонимании, культурных традициях и народов Севера и представлена яркими необычными образами в древнем искусстве. Она — герой многих мифологических сюжетов и эпосных доминант. Например, в тазовской притче о «Духе Белой Совы» птица является божественным духом, которому поклоняются ненцы из рода Пуйко.... Хранящиеся в фондах МВК изображения сов из раскопок древнего святилища Усть-Полуй представлены изображениями птиц, отлитыми из бронзы, костяную и деревянную скульптуру.

Достаточно много сюжетов связано с Оленем. Наиболее древний образ лося/оленья играл в представлениях народов Сибири роль модели Вселенной. У большинства северных народов Сибири (кеты, ненцы, ханты, эвенки) в мифе рассказывается об охотнике — стрелке в космическую лосиху, уносящую на своих рогах солнце в небесную чашу. Северные земли хранят множество артефактов, раскрывающих взаимосвязь человека и оленя. Разнообразные предметы, отражающие хозяйственное и культовое значение этого животного, демонстрируют соседство и дружбу человека с оленем, почитание его народами Обского Севера. Олень — это корм и кров, это жизнь. Поэтому так разнообразно культурное наследие, связанное с оленем, выраженное предметами быта и культа, орудиями труда, костюмом и игрушкой, а также произведениями древнего и современного искусства.

В коллекциях МВК хранятся изделия из кости, в том числе детали оленьей упряжи; скульптурные изображения этого животного на различных предметах — ложках, рукоятках,

проколках; отливки из серебра и бронзы, изображающие северного оленя, культовые этнографические вещи.

Антрополог Клод Леви-Строс подчеркивал, что образ не может быть идеей, но может играть роль знака или, точнее, сосуществовать с идеей в знаке. Мифологема и особая ипостась животных широко представлена в региональной истории — от государственной символики (герб ЯНАО и гербы муниципальных образо-

ваний) до произведений яркого неординарного декоративно-прикладного и косторезного искусства. А фигурка медведя — серебряная ручка сосуда, датированная IX-XII вв., — стала брендовым знаком МВК и его логотипом.

Подвести итоги хочу словами Константина Паустовского: «Нет таких звуков, красок, образов и мыслей — сложных и простых, — для которых не нашлось бы в нашем языке точного выражения».

ОЛЕНЕГОННЫЕ ЛАЙКИ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ:
ОСОБЕННОСТИ ЭКСТЕРЬЕРА И ВЫПОЛНЯЕМЫЕ ФУНКЦИИ

Адаев В.Н.

При характеристике основных черт современного тундрового ненецкого оленеводства одной из ключевых особенностей нередко называется использование пастушеских лаек [Головнёв, 1993, с. 86; Квашнин, 2009, с. 16; Хомич, 1966, с. 50 и др.]. Известный этнограф В.А. Козьмин в своей работе обосновал версию о том, что специально обученные для выпаса собаки появились на Севере Западной Сибири лишь в период становления крупнотапного оленеводства (XVII-XVIII вв.). Причем собака являлась инструментом выпаса и окарауливания стада именно в системе меридионального кочевания, когда оленей приходилось контролировать в сложных условиях открытых равнинных тундр и пересеченной местности лесотундры [Козьмин, 2003, с. 20-22].

Оставив в стороне вопросы времени становления пастушеского собаководства у тундровых ненцев, в данной работе хотелось бы акцентировать внимание на высоком уровне специализации ненецкой оленегонной лайки. В целом, этот уровень соответствовал общему специализированному характеру ненецкого крупнотапного оленеводства и проявлялся во многих отношениях: в селекционном процессе, ограниченном функциональном использовании, особенностях содержания, дрессировки и т.д. Публикации, в которых целенаправленно и подробно рассматриваются данные вопросы, пока единичны [см.: Мухачёв, Харючи, Южаков, 2010, с. 28-31; Адаев, 2013]. В настоящей статье представлен анализ и обобщение информации по экстерьеру и функциям пастушьих лаек тундровых ненцев. Основой для исследования послужили полевые материалы, и прежде всего данные, собранные в 2012 г. среди оленеводов Тазовской тундры.

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Обычное ненецкое слово, обозначающее собаку — *вэнику*. Более специальным и локальным термином является слово «*яндю*», употре-

бляемое для обозначения разновидности лаек с короткой шерстью. По свидетельству известного советского кинолога А.П. Мазовера, *яндю* — короткошерстная помесь ненецкой лайки с русской европейской, завезенной в сибирскую тундру оленеводами-коми [Мазовер, 1954, с. 41-45]. Соответственно, термин «яндю» более типичен для западных территорий ЯНАО, в восточных районах он известен далеко не всем и имеет ограниченное использование. Из высказывания тазовского оленевода Н.О. Салиндера: «У которой меха мало — *яндю* называется. Собака с коротким мехом. В тундре тоже *яндю* попадают, но имена-то у них другие совсем».

Используемая для собак половозрастная терминология довольно проста, особенно если ее сравнивать с тем широким набором слов, который был разработан ненцами в отношении домашних оленей. Не достигшая возраста одного года собака называется *хани-вынику* (щенок), взрослый кобель — *хор-вынику*, собака женского пола — *еча-вынику*. Иногда ненцы используют для своих лаек более специальное название, *нэнэй-вэнику* (ненецкая собака), отличая их тем самым от прочих собак, *луса-вэнику* (русская собака), встречаемых в поселках и городах. Последние, как правило, мало пригодны для использования в оленеводческом хозяйстве и заметно отличаются от ненецких лаек: они часто большего размера, не имеют стоячих ушей, и что наиболее важно: не такие быстрые и выносливые, проявляют излишнюю агрессию в отношении оленей. По-русски ненцы называют своих собак лайками, нередко добавляя к этому звучный эпитет «оленегончие».

Ненецкие оленеводы часто подчеркивают свою зависимость от помощи собак: «*Без собак человек — это уже не человек, пастух — это не пастух. Какой там — на нартах оленей догнать? Нет, без собак человек не выживет*» (Тэсида М.А.). Неоднократно приходилось слышать, как характеризуя добротного хозяина, ненцы

отмечали не только его мастерство и ловкость, большой размер стада, но и наличие хороших передовых оленей и хороших рабочих собак. Соответственными были и представления о ценности рабочих лаек: в недавнем прошлом обученную оленегонную собаку можно было обменять на оленя.

ЭКСТЕРЬЕР СОБАКИ

По иронии судьбы ненецкие лайки сегодня известны во всем мире благодаря выведенной на рубеже XIX-XX вв. декоративной породе – т.н. самоедских собак (самоедов или самми). Западные арктические путешественники последней четверти XIX в. оставили восторженные описания ненецких лаек, отмечая те самые черты, которые считаются теперь характерными для породистых самоедов: плотное телосложение, «лисью» голову, густую пушистую шерсть, белую масть, развитый интеллект [Тревор-Бетти, 1897, с. 105-106; Jackson, 1895, р. 77-78; Rae, 1875, р. 259; Seeborn, 1880, р. 67 и др.]. Те же путешественники вывезли с собой небольшую группу ненецких лаек белой масти, на основе которой и была выведена порода самоедов.

На самом деле ненецким лайкам было всегда типично широкое разнообразие окраса, густоты шерсти и других показателей экстерьера. Во многом это было обусловлено теми широкими и нередко противоречивыми требованиями, которые предъявлялись ненцами к своим собакам. Нужно начать с того, что часть ненцев (малооленные и безоленные семьи, обеспечивавшие себя в основном за счет рыбной ловли и охоты) практиковала использование собак для хождения в упряжке. Для этой цели лучше всего подходили крупные и физически крепкие животные, кроме того, эти собаки активно использовались в охотничьем промысле и поэтому обладали развитым охотничьим инстинктом и необходимой агрессией. То есть, налицо были некоторые качества и особенности, которые очевидно неприемлемы для пастушьей лайки. Тем не менее, между ненцами-оленеводами и ненцами-промысловиками существовал обмен щенками, да и сами эти хозяйственные подразделения ненцев были нестабильными: обедневшие оленеводы легко переходили в категорию рыболовов-охотников и наоборот.

Но этим противоречивость требований к экстерьеру и темпераменту собаки у тундровых ненцев не ограничивалась. Оставив в стороне ездовых лаек, нужно сказать, что и в отношении пастушеских собак ненцам необходимо было широкое разнообразие размеров, густоты меха и особенностей телосложения, чтобы животные могли более эффективно справляться со своими функциями.

Для начала все-таки приведем некоторые общие параметры, типичные для ненецкой пастушеской лайки: небольшой размер (ок. 40-55 см в холке), плотное телосложение, острая морда, стоячие уши и скрученный в кольцо хвост. Распространенная особенность – наличие 1-2 прибылых пальцев (*черенча* – ненецк.) на передних и задних лапах. У оленеводов есть свои стереотипы об «идеальном» облике настоящей ненецкой собаки: *«Надо, чтобы у него шерсть короткая была, ноги вот длинные. Хвост колечком должен быть. По черенча, тоже определяем – это на задних ногах бывают два верхних коготка, лишних. Если у него есть – значит, хорошая, быстрая собака будет»*. Данное высказывание принадлежит 39-летнему пастуху П.С. Салиндеру, он же очень четко сформулировал и другой очевидный факт, касающийся пастушеских собак: *«Нэнэй-вэнику – разные они, наверное»*.

И это действительно так. Окраска ненецких лаек может быть самая разнообразная: белая, черная, серая, пестрая, рыжая, довольно часто встречаются собаки с различным сочетанием черных и белых пятен. Ненцы отмечают, что серых собак олени больше опасаются, а значит – лучше слушаются, черные собаки – успешно используются ими для приманивания гусей, белые же – считаются особенно красивыми, и в прошлом их мех шел на шитье подолов женских малиц. Тем не менее, масть оленегонной лайки, по общему мнению оленеводов, не имеет для них какого-либо принципиального значения. Точно так же, шерсть лаек может быть как короткой, так и длинной: в летнее время длинношерстные собаки быстрее устают (они страдают от жары и сильно намокают в сырую погоду), но в зимние морозы выгоднее использовать именно их. Ненцам больше нравятся длинноногие, высокие лайки, которые более выносливы, быстрее бегают и легче ориентируются в кустарнике, с другой

стороны, оленеводы признают, что неплохо иметь в своре и несколько коротконогих собак — они являются лучшими охранниками стад во время отела, так как не гоняют важенок и телят. Крупные собаки выгодно отличаются силой, но для выпаса по вязкому снегу или тонкому насту лучше подходят более мелкие и легкие лайки. Общий вывод из вышесказанного озвучил пожилой оленевод М.А. Тэсида: «*Все равно разных собак держать надо*».

В следующем разделе, мы еще вернемся к данной теме соответствия различных характеристик лайки выполняемым задачам. Здесь же хотелось бы подчеркнуть один важный момент: очевидно, что для ненцев лесотундры (и в частности, для тазовских оленеводов), в отличие от ненцев более северных тундровых территорий, было вообще исторически типично большее многообразие типов экстерьера пастушьей ненцевской собаки. Причины этого видятся как в контактном характере территории, так и в разнообразии ландшафтных условий лесотундры, в которых должны были работать оленегонные лайки. На северных ареалах тундры полиморфизм лайки представлен не столь выразительно (особенно это касается размеров собаки), но он также является одной из неотъемлемых характеристик.

ФУНКЦИИ СОБАКИ

Пастушья работа

В пастушеской работе собаки помогают оленеводу, выполняя разные задачи: поиск отбившихся оленей, собиране в стадо, перегон оленей в нужном направлении, удержание животных на одном месте (в момент, когда оленеводы отлавливают оленей для упряжки, забоя, лечения и др. нужд), предупреждение хозяина о приближении хищников.

Ненцы считают, что среди их лаек существует очевидная специализация: собаки подразделяются на отдельные группы, в зависимости от особенностей характера, физического состояния, природных способностей и выработанных навыков, позволяющих более успешно выполнять те или иные задачи. Варианты выделяемых категорий собак записанные у тазовских оленеводов, несколько различались по своей структуре и составу. Ниже представлена попытка обобщить все полученные по этому вопросу данные.

Собирающие стадо собаки (*ты-маламбада*)

— одни из наиболее ценных лаек, в работе которых ценится умение правильно маневрировать, огибая стадо оленей по периметру, и высокая скорость передвижения. Иногда собак этой категории называют также *самта* — «*головная собака, которая бежит резво, на краю ее пускаешь*». Для *самта* присуща большая энергичность в работе с оленями.

Гонящие стадо домой собаки (*ты-танава*)

— у этих лаек ценится талант управлять движением стада. Самые хорошо обученные из них знают, когда оленей необходимо активно подгонять, а когда надо дать им успокоиться, чтобы они без паники преодолели препятствие (например, при переходе через реку). Молодые и неопытные собаки, которые способны гнать оленей лишь на небольшие дистанции, называются *танырч-мыта*.

Поисковые собаки (*малта-мыта*) работают с небольшими группами оленей, они способны догнать и вернуть к стаду отбившихся оленей. В поисках беглецов собака может ориентироваться на указанное пастухом направление, либо только на собственный нюх. Хорошо обученная поисковая собака может весьма существенно облегчить работу пастуха. Например, один из оленеводов с гордостью рассказывал, что его обученная лайка перегоняла всех сбежавших оленей с противоположного берега широкой реки, куда он сам не мог переправиться без лодки.

Удерживающие стадо собаки (*мэрчо-мыта*)

— выделяемая некоторыми оленеводами категория лаек, которые особенно умело поддерживают круговое движение оленей вокруг стойбища, не давая им разбежаться в стороны.

Параллельно с приведенными категориями собак существует еще градация лаек по особенностям характера, она тоже имеет прямое отношение к рабочей специализации животных. Наиболее злобных и агрессивных собак ненцы называют *нюрчуй*, или по-русски — «волкодавы». *Нюрчуй* агрессивно бросается на оленей, может даже укусить их. Большую часть сезона такие собаки почти не используются, но в осенний период, когда олени начинают сильно разбегаться в поисках грибов, *нюрчуй* оказывается просто незаменимым для оленеводов. Как рассказывает по этому поводу П.Н. Тэсида: «*Есть вредные олени, которые слу-*

шаются только с теми, которые кусаются. Они сразу потом идут. Им нужно, чтобы немножко покусали их. Не сильно, но чтобы припугнули. Сейчас вот олени не слушаются, сейчас нужны такие собаки». «Волкодава» оленевод нередко возит привязанным на нартах, выпуская его, лишь чтобы проучить особенно непослушных важенок. Число *нюрчуев* в своре оленеводы всегда стараются сводить к минимуму.

Противоположностью *нюрчюя* является спокойная собака – *енна*, которая никогда не будет громко лаять и азартно гоняться за оленями. Только *енна* может работать со стадом во время отела. Из высказывания П.С. Салиндера: «На *важенках* спокойные собаки нужны. Пусть его пригнать и все. Незлая собака должна быть, которая гонит на короткие дистанции. Далеко погонит – *важенка* может испугаться или своих детей оставит». Спокойные собаки нужны также, чтобы отогнать оленей на пастбище. Лайки могут быть *енна* с самого рождения, но часто в эту категорию переходят ослабевшие возрастные собаки от 8-10 лет и старше. *Енна* также считаются хорошими учителями для молодых собак.

Существуют и другие термины в отношении собак, которые позволяют судить об особенностях их работы. *Чёрши* – безголосая собака, работающая без лая. Отсутствие голоса считается ненцами пороком для пастушеской лайки, так как олени гораздо лучше слушаются лающую собаку: «лучше всего собака со звонким голосом, которая постоянно орет». Тем не менее, безголосых собак, если они справляются со своей работой, оленеводы обычно не отбраковывают. *Чёрши*, как и *енна* обычно хорошо подходят для зимнего выпаса стада, когда олени особенно пугливы и держатся компактно, не разбредаясь. *Пэдава-винико* – самые выносливые собаки, способные долго работать без усталости. Неутомимость, высокая скорость, трудолюбие и послушание считаются ненцами лучшими качествами для оленегонной лайки: «Когда олень убегает, его пускаешь, и он моментально догоняет. Еще важно, чтобы послушные такие были: крикнул – остановился, пустил – пошел» (М.А. Тэсида).

Не так часто, но случается, что одна собака может успешно выполнять несколько функций, в таком случае даже хозяева затрудняются сказать, к какой из перечисленных категорий

будет более точным отнести подобную лайку. Из рассказа Салиндера П.С.: «У некоторых собак – несколько видов бывает за один раз. Например, он может быть и дальнобойным, и на короткую дистанцию. Он и безобидный, и никого не отпустит».

В течение года порядок участия ненецких лаек в пастушеской работе выглядит следующим образом. Весной, в период отела и подрастания телят (важнейший этап оленеводческого цикла работ), наиболее спокойная группа собак охраняет важенок с телятами, часть активных рабочих лаек участвует в выпасе остального стада, а злые и неопытные собаки, способные распугать оленей, находятся на привязи. В летний период, во время высокой активности кровососущих насекомых, когда олени менее всего нуждаются в присмотре, оленегонные собаки используются минимально. Как высказывается по этому поводу Е.А. Салиндер: «Летом собаки зачем? Летом одной собаки хватает». В осенний сезон с появлением грибов и началом гона, когда олени стада начинают сильно разбредаться, оленеводы привлекают к выпасу уже всех работоспособных собак и интенсивность их эксплуатации достигает своего максимума. Если поголовье рабочих собак позволяет, пастухи берут их на выпас посменно: одни выходят на работу утром, другие – вечером. В зимний период в охране стада вновь участвует лишь незначительное число лаек, и в основном – самые спокойные. Не трудно заметить, что дважды в год происходит резкий перепад в интенсивности работы собак. В соответствии с этим, как отмечают сами ненцы, в их глазах как будто возрастает и падает ценность каждой отдельной лайки. Из высказывания ненки В.К. Пурунгуй: «Осенью все собаки бывают нужны. Хоть ленивые, хоть старые, хоть ползут. Хоть лагают немного – и то ладно, помогают. Крик сделают, оленя напугают. Стараемся собак не убирать осенью. Всех держим. Как зима – они как будто уже ненужные становятся».

Уровень взаимопонимания человека и собаки во время пастушеской работы достигает очень высокого уровня. На выпасе оленевод управляет действиями собаки, отдавая ей команды голосом или свистом, выкрикивает кличку, если нужно привлечь внимание конкретной лайки. Опытные собаки могут рабо-

тать почти без подсказок, ориентируясь лишь на жесты или кивок головы хозяина, угадывая его намерения по передвижению нарт. Высоко ценятся собаки, которые хорошо знают правильный алгоритм действий по сбору стада и могут самостоятельно его выполнять. Оленевод Тибичи В.А.: *«Некоторым вообще ничего не требуется, они сами по краю бегут. Вот у старшего брата такие собаки были. По краю если оленей всех перегнал, он дальше идет, смотрит дальше. Если нету там — он обратно уже идет»*.

Другие функции собак

Альтернативы использования собаки в хозяйстве оленеводов довольно широки, но часть из них жестко ограничивается традицией. Причем это ограничения и правила разного порядка: общененецкие, территориальные или связанные с оленеводческой специализацией хозяйства.

Первая и довольно естественная функция собаки из числа альтернативных — это «санитарная». Собаки съедают практически все остатки пищи и отбросы, остающиеся после разделки животных и рыбы, поддерживая окружающую чум территорию в относительной чистоте. Кроме того, лайки на территории стойбища активно уничтожают грызунов, которые могли бы нанести ущерб тем запасам продуктов и меховых изделий, которые ненцы хранят в чуме и на нартах. Сами оленеводы очень хорошо осознают пользу данной функции собаки и подчеркивают, что в поселениях ненецких рыбаков, где остается особенно много рыбных отбросов, она становится практически насущной необходимостью.

Такой же естественной функцией собаки, основанной на природных инстинктах, является охранная. Собаки предупреждают человека своим лаем о появлении возле стада волков или медведей, а также о приближении посторонних людей и собак к стойбищу или к чуму. Оленеводы умеют четко определять, что явилось источником беспокойства собаки по тональности ее голоса (в лае на медведя они слышат своеобразные «пугливые» нотки) или даже по ее поведению: по движению ушей своей лайки опытный оленевод может понять, что она слышит беспокоящихся оленей. Однако если в плане охраны оленей, сторожевые на-

клонности собак ненцами оцениваются высоко, то их агрессивное поведение в отношении чужих людей ненцами обычно жестко пресекается и считается вредной склонностью. Развитием сторожевых навыков лаек ненцы специально не занимаются, и по признанию оленеводов, их собаки вряд ли остались бы, например, охранять вещи хозяина, оставленные в поселке.

Довольно ограничено использование оленеводами помощи собак в охотничьем промысле. Ненцы последовательно пресекают охотничьи склонности своих пастушьих собак, чтобы те не отвлекались на диких животных во время выпаса. Особенно вредной и трудно исправимой считается привычка преследовать куропаток, так как те имеют обычное поведение подпускать лаек близко и перелетать на небольшие расстояния, увлекая тем самым собак в азартную и обычно безрезультатную погоню. Салиндер Е.А.: *«Я-то своих собак так приучил — они не гоняют куропаток. А то потом для оленей пользы не будет. Просто устанет собака и все»*. Еще одним доводом в пользу подавления охотничьих инстинктов собаки является опасение, что пристрастившийся к добыче пес начнет агрессивно вести себя и по отношению к оленям, убивать телят.

В этом отношении безопасным оказывается специфический ненецкий способ охоты, где собака выступает в качестве приманки. Ненцы давно заметили, что диких гусей по какой-то причине привлекают собаки темной масти. Весной некоторые оленеводы, заметив сидящих в отдалении птиц, специально выпускают своих черных лаек. Облаянные собакой гуси взлетают и после того, как хозяин подзывает лайку к себе, начинают ее преследовать и приближаются на достаточное для выстрела расстояние. Есть также данные о том, что подобным образом используются лайки рыжей масти, которую гуси принимают за лису и из любопытства подлетают поближе [Мартышин, 1994, с. 54]. Случается, что пастушеские собаки достают охотнику подстреленную дичь или приносят в чум пойманных в тундре подранков. Ненцы рассказывают о подобных проявлениях таланта лаек, как о местных достопримечательностях, подчеркивая всякий раз, что *«нам-то желательно, чтобы они оленегонные были, а охотничьи — все равно появ-*

ляются». По источникам XIX – первой половины XX вв. остановится очевидно, что даже в период активного пушного промысла, приносившего тундровым оленеводам существенную экономическую прибыль, они очень мало пользовались помощью собак в охоте. Редким исключением на этом фоне была травля песца лайкой, охарактеризованная В.П. Евладовым, как мало распространенный способ промысла у ямальских ненцев [Евладов, 1992, с. 185].

Можно было бы ожидать, что при подобном подходе охотничий инстинкт ненецких собак со временем в значительной степени потерял свою силу. Однако есть информация, которая опровергает данное предположение. Известно, что еще в середине XX в. тазовские селькупы приобретали у тундровых ненцев оленегонных лаек. Отмечая превосходные пастушеские качества ненецких собак, селькупы неизменно подтверждали, что эти небольшие лайки становились очень хорошими помощниками и в охотничьем промысле: *«Ненецкие собаки – они самые хорошие, и на лосей, и на соболя, и на медведя идут»* (Мороков В.Г.).

Еще более нежелательным и опасным для себя оленеводы считают использование лайки в качестве транспортного животного. Запряжка пастушьих собак в нарты, будь это сделано даже в шутку или во время детской игры, воспринимается ими как дурной знак. Потенциальную опасность такого поступка объясняет ненка В.К. Пурунгуи: *«Оленеводам нельзя. Если он начнет собаку запрягать – со временем рыбаком станет. Рыбаком – это уже плохо для оленевода. Детям даже не разрешаем»*. Точно так же взрослыми ненцами осуждаются детские игры с набрасыванием тынзяна на собак: по примете, тот, кто ловит арканом собак – оленя уже не поймает.

Отдельный вопрос – это возможность использования шкур и мяса собаки. До 1950-70-х гг. ненцы еще широко практиковали использование собачьего меха для пошива одежды. Из собачьих шкур, которые прочнее и теплее оленьих, шили кисы, внутренние чулки для обуви (чижи), подола для малиц и женских шуб. Считалось, что носить кисы с чижками из собачьей шкуры полезно при ревматизме. Особенно красивы, по мнению ненцев, подола малиц, подбитые белыми собачьими шку-

рами. Ненцы помнят, что в прошлом богатые оленеводы выменивали белых лаек на оленей, однако чаще всего на мех забивали старых и ленивых собак.

Употребление собачьего мяса в пищу не одобряется ненецкой традицией, хотя известно, что в прошлом во время сильного голода безоленные ненцы иногда поедали своих лаек [Носилов, 1997, с. 165]. Собачье мясо считается ненцами нечистым. Тазовские оленеводы, даже рассуждая о возможной пользе собачатины для излечения туберкулеза, выражали большое сомнение в том, что кто-то из современных ненцев решился бы съесть собаку: *«Ее еще надо сначала вырастить, чтобы она жирная была, и чтобы она сучку не нашла. Чтоб чистая была – вот тогда полезная она. А гулящая – это не надо. А так, нет, это не по-ненецки – собак есть»* (Тэсида М.А.).

Традиция жертвоприношения собаки, отмеченная у ямальских ненцев на священном месте у р. Юрибей [Источники, 1987, с. 118-119], носит выраженный локальный характер. Аналогичные примеры на других территориях неизвестны. В частности, современные оленеводы Тазовской тундры не только не помнят подобных случаев, но даже отрицают принципиальную возможность самого жертвоприношения собаки. Как свидетельствует по этому поводу М.А. Тэсида: *«Собак вместо оленей в жертву ненцы не могли приносить. Наши тундровые – нет. Только оленей»*.

Еще одна интересная функция собаки – это простое сопровождение человека в пеших переходах и поездках на оленях. Оленеводы редко отправляются в дорогу без своих четвероногих спутников (исключение составляют дальние выезды на снегоходах). Иногда можно услышать истории о том, как взятая с собой лайка спасла хозяина, уведя в сторону напавшего медведя, или помогла найти дорогу к дому в пургу.

Количество и принадлежность собак

По отзывам тазовских ненцев, минимальное количество рабочих лаек для одного домохозяйства (чума) – 4-6, но при этом собаки должны быть все хорошо обученные и желательны, чтобы они специализировались на выполнении различных функций. Например, две – хорошо умеющие искать оленей, две – собирать и две – гонять. У оленеводов, среди кото-

рых велись полевые исследования, среднее количество лаек на один чум обычно составляло 6-10 голов (включая щенков и старых собак). В настоящее время встречаются случаи, когда в одном чуме держат по 17-20 лаек. Пожилые ненцы утверждают, что по сравнению с периодом середины XX в., оленеводы стали держать в 2-3 раза больше рабочих лаек, и это при том, что возможности полноценного питания собак рыбой значительно ухудшились. Причиной создавшегося положения ненцы считают снижение качества рабочих способностей у современных лаек. Из высказывания М.А. Тэсида: *«Раньше 4-5 собак хватало на одного пастуха – все, максимум. Да и зачем ему больше, если ему этих хватает, если они выносливые оленегончие. Тут много не надо. Что-то собаки тоже нынче – такая порода стала слабая. Раньше, когда я начинал работать, у меня больше пятерых не было... Сейчас все больше и больше».*

Мнение ненцев о тенденции постепенного увеличения количества пастушьих лаек в их оленеводческих хозяйствах подтверждается документальными источниками. Статистические материалы 1920-х гг. по ненцам той же территории показывают, что для большинства хозяйств (в разных районах этот показатель варьировал от 45 до 80 % от общего числа) обычным количеством пастушьих лаек было 3-6, следующим по распространенности был вариант с 1-2 собаками (от 13 до 39 % хозяйств), более многочисленные своры собак были гораздо более редкими [см.: Доброва-Ядринцева, 1925, с. 38-39].

Добавлю несколько замечаний из собственных впечатлений. Наблюдая в течение недели за выезжающими два раза в день пастухами и лайками одной из оленеводческих бригад, нетрудно было заметить, что в крупных сворах оленегонных собак были и усердные, трудолюбивые работники, и хитрые лентяи. Первых хозяину нередко приходилось привязывать, чтобы они не убежали на работу в чужую смену, вторые, бодро пробежав за нартами некоторое расстояние, тут же возвращались к чуму, причем повторяли они этот несложный маневр ежедневно. Вполне возможно, что некоторые оленеводы сами причастны к снижению качества работы своих пастушеских собак, так как оставляют в живых (по причине, что собака является любимцем детей, из жало-

сти и т.д.) не самых работоспособных лаек.

Встречающиеся у некоторых сибирских народов поверья относительно благоприятности / неблагоприятности содержания того или иного количества собак, их пола, масти или размера для тундровых ненцев нетипичны. Заинтересованностью в постоянной готовности собак к работе у ненецких оленеводов продиктовано четкое ограничение: содержать одну (очень редко – две) самки на собачью свору. Это позволяем им также осуществлять надежный контроль над рождаемостью лаек. Большой разницы в послушании и качестве работы у собак разного пола ненцы не видят, считая, что эти показатели больше зависят от правильности обучения животных.

Пастушьи собаки, относящиеся к одному домохозяйству (чуму), как правило, находятся в общем пользовании мужчин-пастухов (обычно это отец и его сыновья, либо несколько братьев проживающих совместно). Собаки берутся на выпас по очереди, в зависимости от их физического состояния, сложности предстоящих задач и погодных условий, в которых будет проходить работа. Тем не менее, у каждого пастуха может быть своя, любимая лайка, с которой выезжает чаще всего именно он. Точно так же, все имеющиеся в чуме собаки могут быть условно поделены между членами семьи, как чьи-то любимцы: *«У жены собаки бывают, у детей. Ну, они ласкают своих, у меня – отдельно. И все равно – это общие».* Кормление собак осуществляется женщинами чума без учета чьей-либо «собственности».

Заключение

Представленные материалы показывают, что специализация пастушеского собаководства достигла у тундровых ненцев чрезвычайно высокого уровня. Нужно отметить, однако, что в этнографии известны еще более тесные формы взаимодействия, установленные человеком между пастушьей собакой и оберегаемыми ею животными (например, у аргентинских гаучо, использующих собак для выпаса овец). Тем не менее, тундровые ненцы смогли вывести великолепно приспособленную к выпасу тундровых оленей породу лаек, отличительной чертой которой является существенный полиморфизм. Причем полиморфизм – не как признак незавершенности процесса селекции, а

как высокоэффективный и надежный вариант адаптации в условиях Арктического Севера.

Логичным является то, что наиболее выраженное разнообразие экстерьера оленегонной лайки представлено на территориях лесотундры – в районах, отличающихся особой интенсивностью социальных контактов и разнообразием ландшафтных условий. Данный факт подтверждается и археобиологическими материалами со средневековых поселений Ямала. Так, исследования на территории Надымского городка показали, что в XVII-XVIII вв. местное население содержало собак двух отличающихся размерных

групп – средней и мелкой [Косинцев, 2006, с. 180, 212].

Тема ненецкого собаководства имеет дальнейшие широкие перспективы изучения. Наиболее актуальными направлениями продолжения исследований могут стать выявление локальных особенностей тундрового собаководства, а также фиксация ярких черт функциональной специализации лайки у разных хозяйственных групп ненцев. Немаловажно, что полученные материалы могли бы стать полезными археологам для идентификации и дифференцирования древних и средневековых общностей территории Ямала.

Библиографический список

Адаев В.Н. Оленегонные лайки в традиционном хозяйстве тазовских ненцев // *Ab origine: Археолого-этнографический сборник Тюменского госуниверситета*. Сб. науч. тр. Вып. 5. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2013. С. 120-142.

Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. 204 с.

Дарвин Ч. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1953. 562 с.

Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края: Опыт исследования экономического положения. Новониколаевск: Издание Сибревкома, 1925. 82 с.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. 282 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: ИТУ, 1987. 284 с.

Квашнин Ю.Н. Ненецкое оленеводство в XX – начале XXI века. Тюмень-Салехард: Рекламно-издательская фирма «Колесо», 2009. 168 с.

Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2003. 236 с.

Косинцев П.А. Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург-Салехард: Изд-во Уральского ун-та, 2006. 272 с.

Мазовер А.П. Племенное дело в служебном собаководстве. Москва: Досааф, 1954. 186 с.

Мартышин Т.Н. Ямал – край Земли // *Ненцы Ямала*. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. С. 19-64.

Мухачёв А.Д., Харючи Г.П., Южаков А.А. Кочующие через века: Оленеводческая культура и этноэкология тундровых ненцев. Екатеринбург: ООО Креативная команда «Кипяток», 2010. 160 с.

Носилов К.Д. На Новой Земле (очерки и наброски). Тюмень: СофтДизайн, 1997. 368 с.

Тревор-Бетти О. Во льдах и снегах (путешествие на остров Колгуев). СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1897. 122 с.

Хомич Л.В. Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.-Л.: Наука, 1966. 330 с.

Jackson F.G. The Great frozen land (Bolshaia Zemelskija tundra): Narrative of a winter journey across the tundras and a sojourn among the Samoyeds. London: Macmillan and Co, 1895. 297 p.

Rae E. The land of the north wind or Travels among the Laplanders and the Samoyedes. London: John Murray, 1875. 352 p.

Seebohm H. Siberia in Europe: A visit to the valley of the Petchora in North-East Russia. London: John Murray, 1880. 311 p.

Список информаторов

- Мороков В.Г. (1971 г.р.) – тазовский селькуп, охотник и рыболов п. Кикки-Акки.
Пурунгуй В.К. (1975 г.р.) – тундровая ненка, чумработница СПК «Тазовский».
Салиндер Е.А. (1975 г.р.) – тундровый ненец, оленевод Агрофирмы «Приполярная».
Салиндер Н.О. (1943 г.р.) – тундровый ненец, оленевод и рыболов на пенсии, пос. III-IV пески.
Салиндер П.С. (1974 г.р.) – тундровый ненец, оленевод СПК «Тазовский».
Тибичи В.А. (1984 г.р.) – тундровый ненец, оленевод Агрофирмы «Приполярная».
Тэсида М.А. (1958 г.р.) – тундровый ненец, кочующий оленевод-пенсионер СПК «Тазовский».
Тэсида П.Н. (1963 г.р.) – тундровый ненец, оленевод СПК «Тазовский».

ЭКСПЕДИЦИЯ С.И. РУДЕНКО НА ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР.

Каранетова И.А.

29 января 2015 году исполняется 130 лет со дня рождения Сергея Ивановича Руденко (1885 – 1969), известного ученого, археолога, этнографа, антрополога, гидролога, доктора технических наук, профессора Томского и Ленинградского университетов (рис.1).

Сергей Иванович Руденко принадлежал к той плеяде исследователей, которые в после-революционные годы заложили фундамент современной этнографической, археологической и антропологической школы. Энциклопедически образованный и всесторонне одаренный ученый, он внес значительный вклад не только в развитие археологии и этнографии, но и заложил основы научной и экспедиционно-собирательской музейной деятельности. Многие годы связывали Сергея Ивановича с Этнографическим отделом Русского музея, сотрудничать с которым он

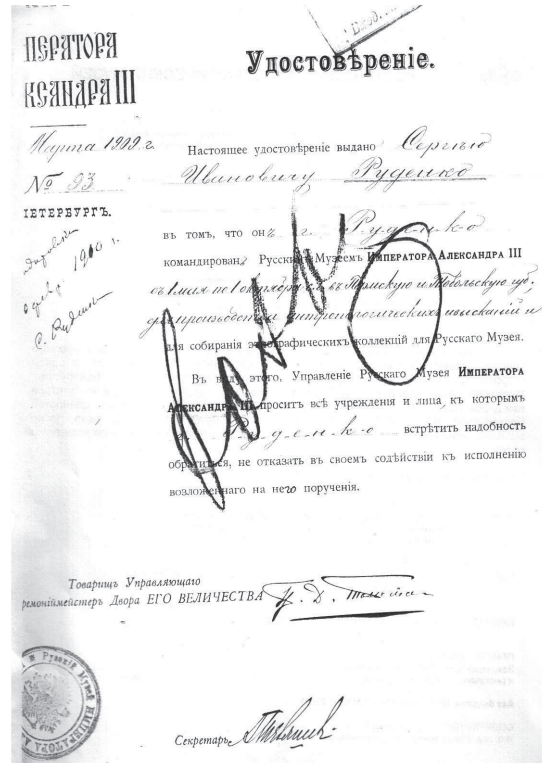
начал будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета в 1906 году. В 1921 году он был принят в штат музея сначала на должность хранителя, а затем в том же году, на должность заведующего Этнографическим отделом Русского музея, члена правления и заместителя директора. С 1906-1930 годы им было осуществлено 14 экспедиций, в результате которых Этнографический отдел Русского Музея, пополнился 52 вещевыми коллекциями по культуре башкир, чувашей, мордвы, марийцев, хантов, манси, ненцев, коми, бурят, алтайцев, русских и украинцев насчитывающими свыше 10 тысяч предметов. В экспедициях им было отснято 1290 фотографий. В 1920-е годы Сергей Иванович Руденко становится одной из ведущих фигур в науке. Ярко проявились и его организаторские способности. Всемирную известность ему приносит открытие культуры Пазырыкских курганов на южном Алтае в 1929 году¹.

Важным этапом в становлении Руденко как ученого, стала экспедиция в Сибирь на Тобольский Север. В 1908г. он получил приглашение от руководства Этнографического отдела Русского музея провести исследования и собрать коллекции для музея среди обских угров и ненцев. К тому времени за его плечами уже был опыт экспедиционной и собирательской работы: с 1906 по 1908 гг. он командировался ЭО Русского музея к башкирам, марийцам, мордве, чувашам. Серьезной научной подготовке, знанию антропологии, археологии и этнографии С.И. Руденко был обязан своему учителю Федору Кон-

¹ В 1930г. С.И. Руденко был арестован по так называемому «Академическому делу». Заключение отбывал в БелбалтЛаге. В 1934 г был досрочно освобожден. Реабилитирован в 1957 г. Подробнее о биографии С.И. Руденко см.: А.М. Решетов С.И. Руденко - антрополог, этнограф, археолог; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885-1969), Руденко С.И. Автобиография.

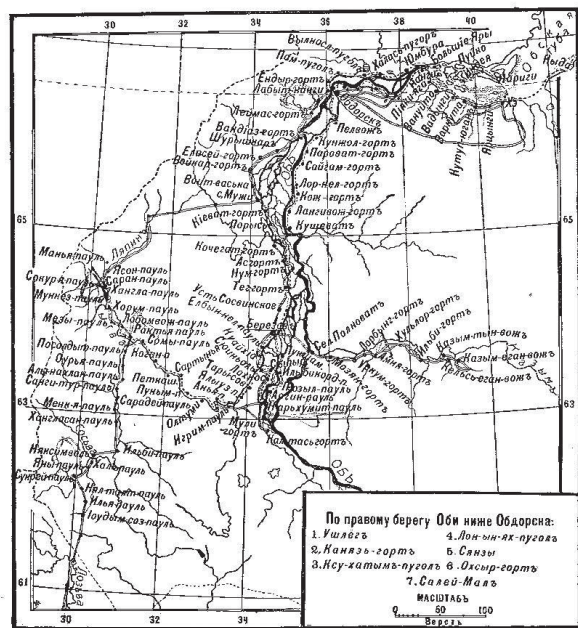
дятьевичу Волкову (Вовку) – известному ученому антропологу и этнографу, преподавателю СПб университета и сотруднику ЭО Русского музея, который во многом и сформировал С.И. Руденко как ученого. Экспедиции на Тобольский Север предшествовала основательная подготовка. Район исследования и маршрут экспедиции был рекомендован С.И. Руденко известным ученым и государственным деятелем Н.Л. Гондатти, который в 1906-1908-ые годы был Генерал - губернатором Тобольской губернии. Вот как сам он пишет об этом в своей неопубликованной монографии «Угры и ненцы Нижнего Приобья»: « В конце 1908 г. в ЭО Русского музея обсуждался план экспедиций следующего года для сбора этнографических коллекций для будущего этнографического музея. В это время в Петербурге находился Н.Л. Гондатти, в 1880-ых годах прошлого века занимавшийся изучением северных вогулов. На совещании при участии Гондатти был детально проработан план экспедиции» (Руденко СПФ АРАН:1). В задачу молодого исследователя, которому в 1909 г исполнилось 24 года, входило не только собирание этнографических коллекций по культуре остяков (хантов), вогулов (манси) и самоедов (ненцев), этому придавалось первостепенное значение, но и проведение антропологических и археологических работ для комплексного изучения коренных народов Нижнего Приобья. Помимо Удостоверения, выданного ему Русским музеем, Императорская археологическая комиссия при министерстве Императорского двора предоставила С.И. Руденко Открытый лист «...на право производства археологических раскопов в течение 1909 года на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям в пределах Березовского округа Тобольской губернии с обязательством доставить в Комиссию отчет или дневник по произведенным раскопкам, а также при особой описи всех находок, наиболее ценные и интересные из найденных предметов, для представления их на Высочайшее Государя Императора воззрение» (Руденко Архив РЭМ:135) (рис.2).

Маршрут экспедиции охватывал обширную территорию: на юге - от Калтась- горта

(нынешний пос. Калтасяны недалеко от Перегребного) до устья р. Ныда - на севере. От Верховьев Ляпина на западе, до Казым еган вож – верхнего течения р. Казым - на востоке (Руденко1914:28). (рис.3). Практически всю экспедицию Руденко провел среди манси, населявших Северную Сосьву с Ляпиным, Ма-

Маршрутная карта съ обозначениемъ всѣхъ посѣщенныхъ поселковъ.

Пунктиромъ отмѣченъ путь совершенный на лодкѣ; сплошной линией—на оленяхъ, собакахъ или лошадахъ.

лудю Сосьву и Обь; хантов, живших в долине р. Оби и на Казыме, и только август и начало сентября 1909 г. он проводит среди «низовых остяков», населявших Обскую губу, и «низовых самоедов», летние кочевья которых находились между Обской и Тазовской губой (Руденко 1914б:5). Для этого из Обдорска, он проделал путь на лодке по Большой и Малой Оби до Юмбуры, затем через Пияки яга до Хэ и далее до устья реки Ныды. В своих путевых заметках он пишет: «Здесь (в Ныде –К.И.) было большое самоедское поселение, всего я насчитал двадцать два чума» (Руденко Архив ОЭС РЭМ: 47) Зимой в январе 1910 г. во время Обдорской ярмарки он вновь возвращается в Хэ, и в течение двух недель, посещает около 70 ненецких чумов, собирая информацию и экспонаты для музея уже среди ямальских ненцев, которые «перейдя Обскую губу на южную сторону ... со всем своим имуществом и стадами останавливаются на некоторое время, чтобы накормить оленей», а затем «налегке подкочевывают к Обдорску, где вносят ясак, продают пушнину и олени шкуры, а также делают запасы необходимой провизии» (Руденко 1912:46). Сбор экспонатов для музея отнимал большую часть времени, о чем Сергей Иванович писал в письме к заведующему Этнографическим отделом Н.М. Могилянскому (Руденко Архив РЭМ:87об.), но несмотря на это ему удалось не только собрать прекрасную коллекцию по культуре хантов, манси и ненцев, но и сделать ряд интересных наблюдений и выводов, касающихся этнокультурных процессов, происходивших в данном регионе. Уже в своих первых предварительных отчетах и публикациях он писал: «В низовьях Сосьвы вогулы приходят в близкое соприкосновение с обскими остяками, миграция поэтому идет обычно со стороны вогулов. ...на прилежащей Малой Оби, в Пушкам – пауле, - Нярэхумит – пауле, Аргин -пауле, Лохпос – пауле, Ильбигорте – пауле,- вогульский элемент, если и не преобладает, то очень значителен,...вогульский язык здесь следует считать господствующим. Таким образом, здесь на востоке провести резкую границу между остяками и вогулами затруднительно» (Руденко 1914:3). Руденко считал, что одной из причин, побуждавшей манси, выходцев с верховьев Сосьвы и Ляпина, основу хозяйственного комплекса которых

составляла охота на пушных, дававшая в те годы «крупный заработок»², переселяться на Обь, где основным занятием становилась менее прибыльная рыбная ловля, была потеря зрения охотниками: «Как только у вогула заболели глаза, он плохо стал видеть, он больше уже не промышленник. Он вынужден заняться рыболовством», ввиду того, что «в верховье рек вонзевая ...рыба приходит...в небольшом количестве. Поэтому с верховьев Сосьвы и Ляпина на встречу вонзевой рыбы вогулы спускаются в низовье Сосьвы и остаются там уже навсегда. Там обычно живут и их дети» (Руденко Архив ОЭС РЭМ:73). Однако, такое объяснение этноисторическим процессам, происходившим в данном регионе, носит, на наш взгляд, скорее частный, чем универсальный характер.

С. И. Руденко обратил внимание и на тот факт, что при общности культур обских угров, отдельным локальным группам хантов и манси, присуще этническое своеобразие: «Образ жизни остяков, живущих по притокам, совершенно аналогичен таковому северных вогулов» (Руденко 1914:4). «Отличаются от своих единоплеменников по образу жизни, как и во многом другом, только остяки живущие по Казыму» (Руденко 1914: 4). «Эта народность по - видимому имеет большое влияние на культуру как сосьвинских вогулов, так и обских остяков» (Руденко, Архив РЭМ:90). Сожалея, что ему не удалось посетить небольшие реки – Сынью, Войкар, Вогулку, он отмечает, что население этих рек представляет в научном плане большой интерес, так как «...здесь каждая речка является самостоятельной культурной ячейкой со своими характерными особенностями» (Руденко 1912:49). Низовья Оби и Обскую губу он рассматривает в качестве этноконтактной зоны, где: «Провести сколько нибудь резкую границу между остяками низовьев Оби и самоедами очень трудно, так как обе эти народности на севере смешиваются между собою. Границей принято считать р. Оксарку, впадающую в Обь верстах в ста ниже Обдорска»...так как «...ниже Оксарки рыболовные угодья принадлежат уже самоедам» (Руденко 1914:4). «Оседлых и полуседлых самоедов в

² За зиму охотник манси добывал от 700 до 1000 белок, что приносило доход в 200-350 руб., кроме того за сезон добывалось от 20 до 40 соболей, при стоимости 30 руб. за шкурку. (Руденко Архив ОС РЭМ: 73)

сев. – западной Сибири мы совсем не знаем; все они кочуют со своими стадами. Бедные, не имеющие достаточного для перевозки чума количества оленей, соединяются по два, по три семейства в одном чуме; в крайнем случае, они кочуют с богатыми сородичами, исполняя обязанности пастухов» (Руденко 1914:4,5). В духовной сфере он отмечает влияние обских угров на мировоззрение ненцев: «Есть, по видимому, вполне обоснованные данные полагать, что религиозные воззрения северных вогулов и остяков, как раз уже развившиеся в известную систему с строго выработанным ритуалом, начинают влиять на воззрения самоедов, дающих широкий простор проявлению индивидуальности, и начинают укореняться в их среде» (Руденко 1914:12).

Экспедиция, длившаяся 9 месяцев, несмотря на все трудности, прошла исключительно успешно во многом благодаря личности самого исследователя, его знаниям, интуиции и такту. В своей работе он руководствовался следующими принципами: «Для успешного собирания этнографических коллекций и сведений ... прежде всего и важнее всего добиться расположения и уважения населения», а это достигается «...внимательным отношением к жизненным интересам тех, с кем приходится иметь дело. Чем лучше вы познаете их верование и обряды...даете понять, что вы уважаете их веру, а главное знаете её, тем с большим доверием они к вам относятся, тем больше вы от них можете узнать. Доброжелательность, терпеливость...и, до некоторой степени деликатность в общении – вот что необходимо иметь исследователю, желающему успешно работать среди остяков, вогулов и самоедов» (Руденко 1912:48). Надо сказать, что всеми этими качествами обладал и сам Сергей Иванович, который пользовался уважением не только среди коренного населения, но местной интеллигенции. Игумен Иринарх так отзывался о Руденко в письме к Б.Житкову: «У нас в Обдорске был еще один из молодых ученых Сергей Иванович Руденко, командированный русским музеем Императора Александра III. Очень милый молодой человек, вдумчивый, серьезный, преданный своему делу. Он - прямая противоположность Д.Т. Яновичу и, думаю, результаты его поездки к нам на север не будут бесплодны» (Мазурин 2010:93). В путевых заметках Руденко имя

Д.Т.Яновича - этнографа Карской экспедиции упоминается неоднократно в связи с жалобами на него местного населения: «Во всех последующих чумах остяки не давали мне покоя, жалуясь на Яновича за разорение могил недавно умерших родственников...», «... собралось несколько остяков, которые вместе с хозяином священной (плясовой) избы жаловались на Яновича. Последний, в их отсутствие и без их ведома, сломал избу и увез столбы с изображением ийлян... Избушка имела жалкий вид, часть столбов была снята и крыша обрушилась. У оставшихся в избе изображений илян были обрублены носы» (Руденко Архив ОЭС РЭМ: 50;95). В этой избушке совершались жертвоприношения и ритуальные пляски «...во время осеннего праздника по возвращении хантов оленеводов из тундры совместно со своими сородичами рыболовами. На этих праздниках исполнялись священные пляски в честь покровителя рода, в том числе военного характера, пляска с мечами или саблями. Празднество это, сопровождавшееся жертвоприношением оленей происходило в течение 7 дней» (Руденко СПФ АРАН: 296) (рис.4). Чтобы снять напряжение и загладить вину Яновича перед местными жителями, Руденко заплатил за разоренную Яновичем священную избу, хотя и не имел к происшедшему ни малейшего отношения (Руденко Архив ОЭС РЭМ:95).

Надо сказать, что игумен Иринарх не

ошибся, в том, что результаты поездки С.И. Руденко на Тобольский Север будут не бесплодны. Тщательное научное изучение северных хантов, манси и ненцев, проведенное Руденко, нашло отражение в коллекциях, привезенных им в Этнографический отдел Русского музея. Всего было собрано свыше 1900 экспонатов, положивших начало систематическому комплектованию фондов музея по обским уграм: 945 номеров по хантам, 474 – по манси, кроме того коллекция предметов из Обдорского могильника насчитывала 272 предмета³. Прежде всего, это различные промысловые орудия, связанные с охотой на копытных, боровую дичь, пушных зверей – это ручные и сторожевые луки, стрелы, черканы, уникальный перевес – сеть для ловли перелетных гусей и уток. Орудия рыболовства представлены в его коллекциях сетью, крючками для ловли налимов, грузилами и поплавками. Имеются в его собрании и различные инструменты для обработки дерева, бересты и кости, связанные с домашними занятиями. Вызывает интерес мужская женская и детская одежда, а также колыбели, сделанные из бересты, детские игрушки. Особый интерес представляет утварь из бересты и дерева: ковшики, ложки, корытца, а также берестяные коробки, туса, набирушки, кузовки, служившие для хранения, приготовления и употребления пищи, а также для сбора и переноски продуктов и воды, для хранения предметов домашнего обихода. Утварь богато орнаментирована в технике выскабливания и тиснения (табакерки). Огромная заслуга Руденко заключается в том, что ему удалось не только собрать все эти предметы, дающие представление о комплексе утвари, существовавшей у северных хантов и манси, но зафиксировать название орнаментов, выполненных на бересте, причем с точным указанием районов их бытования⁴. Значительную ценность представляют предметы, связанные с верованиями. Это шаманский бубен хантов, два мансийских покрывала для жертвенного животного – *ялтын* с изображением *Мир сусне хума* – За миром наблюдающего человека. В коллекциях имеются

различные амулеты и обереги, хранившиеся для счастья. Были приобретены им деревянные изображения духов – покровителей промыслов – *юх илянь* – которые устанавливались на родовых мольбищах. Значительный интерес представляют изображения умерших – *сонгыт*. Руденко писал о трудностях, связанных с приобретением предметов культа: «... эти вещи не продажные и не имеющие цены... получить их можно... в большинстве случаев при посредничестве местных людей. Иногда остяки и самоеды разрешают брать предметы культа по тем или иным причинам, но в таком случае необходимо, не скупясь давать за них известную сумму «для бога», причем можно быть уверенным, что эти деньги действительно пойдут на жертву» (Руденко 1914:48). Представляется уникальным и комплекс предметов связанный с медвежьим праздником или медвежьими игрищами. Сергею Ивановичу удалось присутствовать на медвежьих игрищах как у хантов, так и у манси и собрать коллекцию, насчитывающую свыше 20 предметов, которая включает в себя атрибуты праздника, обрядовую одежду (халат, рукавицы, головные уборы), берестяные маски, а также платок и пояс, которым украшали голову и шкуру медведя на празднике, шкуры с головы и лап медведя, хранившиеся после праздника в качестве оберегов и медвежьего черепа. В целом предметы из собрания РЭМ, отражают различные этапы проведения праздника.

Коллекция по ненцам в количественном отношении значительно уступает собранию по обским уграм. Она насчитывает 282 предмета, но представляет значительный научный интерес, благодаря уникальности собранного им материала. В ней в той или иной степени представлены основные занятия ненцев: оленеводство, охота и рыболовство. Среди предметов, связанных с охотой имеются охотничий лук и стрелы с различными наконечниками (12 шт.), а также костяные щитки, предохраняющие руку при стрельбе из лука. Рыболовство представлено неводом, деревянными поплавками, причём некоторые из них имеют знаки собственности, различными грузилами (62 шт.) из мамонтовой кости, зуба мамонта, оленьего и лосиного рога и камня. Невелика по количеству вещей коллекция утвари и предметов, связанных с домашними занятиями. Несомненный инте-

³ Подробнее см. К.Ю. Соловьева указ. раб.; РЭМ кол. оп. 1710, 1711.

⁴ Подробнее см. К.Ю. Соловьева указ. раб.; РЭМ кол. оп. 1710, 1711.

рес вызывает комплекс предметов, связанных с употреблением табака: трубки из бивня мамонта, рога дикого оленя и различные табакерки. Однако, наибольшую ценность в собрании С.И. Руденко представляет коллекция мужской, женской и детской одежды. Им было отмечено, что в отличие от обских угров, богато украшавших одежду и различные предметы, например женские сумки и мешки, меховой мозаикой и аппликацией, «в костюмах самоедов мы не находим узоров, но за то здесь всю красоту составляют пышные, из собачьих шкур панды (опушки) и бесчисленные количества узких полосок меха, подшитого красным сукном, опушки из песцовых хвостов...» (Руденко 1914:10) и этот важный момент нашел отражение в коллекциях, собранных Сергеем Ивановичем.

Представляется уникальным комплекс культовых предметов. Среди них изображения умерших *Нгытарма* и *сидрянг*, покровительницы женщин – *мяд пухуча*, изображение покровителя оленеводства – *Илибям бэртя*. Все эти вещи ему удалось приобрести благодаря прекрасному отношению с местным населением. В коллекционной описи, составленной Руденко, имеются сведения о фамильно-родовом составе ненцев, среди которых он работал, и у которых приобретал вещи: Вануйто, Езынги, Окатэтта, Пуйко, Сэр пива, Хороля, Худи, Хунида, Хунгалья, Ядне, Яптик (РЭМ, Кол. Оп. 1712). В настоящее время лишь представители 4 фамилий, из перечисленных выше, проживают в Надымском р-оне. Это Вануйто,

Окатэтта, Сэр пива, Худи и Ядне (Квашнин, 2003: 245-246).

В целом собранные Сергеем Ивановичем Руденко коллекции составляют основу фонда Российского этнографического музея по культуре народов Обского Севера. Их отличает широта тематического охвата, комплексный подход в подборе материала и чёткая научная систематизация. Коллекционные описи содержат довольно полные аннотации, свидетельствующие о высоком профессионализме собирателя, и могут служить важнейшим источником для изучения традиционной культуры хантов, манси и ненцев.

По материалам экспедиции С.И. Руденко было опубликовано несколько работ: «Предварительный отчет об экспедиции на Север Тобольской губернии» (1912г.), «Иногородцы Нижней Оби» (1914г.), «Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска» (1914г.), «Перевес» (1929г.), «Графическое искусство остяков и вогулов» (1929г.). В 1914г. выходит в печати «Антропологическое исследование инородцев северо-западной Сибири» (1914 г.). За эту публикацию он был принят в члены Императорского Русского географического Общества и удостоен премии Томского университета. Однако, его главный труд «Угры и ненцы Нижней Оби», подготовленный к печати в 1950-е гг. и хранящийся в Санкт-Петербургском Филиале Архива Академии наук так и не увидел свет на русском языке⁵.

⁵ В 1972 г. монография С.И. Руденко в сокращенном варианте была опубликована на немецком языке в Будапеште.

Список иллюстраций:

С. И. Руденко.

Удостоверение, выданное С.И. Руденко, ЭО Русского музея. Архив РЭМ ф. 1, оп. 2, д. 505

Маршрут экспедиции С.И. Руденко на Тобольский Север. Из статьи С.И. Руденко *Иногородцы Нижней Оби*.

Часть интерьера плясовой избы. Ханты. *Вытосл - пугол*. Фото Руденко 1909 г. РЭМ. Кол. 1707-136.

Сокращения:

ВА РМ – Ведомственный архив Русского музея.

Архив ОС РЭМ – Архив отдела этнографии Сибири и Дальнего Востока РЭМ.

РЭМ – Российский этнографический музей.

ЭО РМ – Этнографический отдел Русского музея.

СПФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук

Использованная литература и другие источники.

Карапетова И.А. Предметы по медвежьему празднику в собрании РЭМ//Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М. 2010,С.157-163

Квашнин Ю.Н. О семейно-родовом составе коренного населения Надымского района ЯНАО.//Угры: Материалы VI –го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С.345-346

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885-1969) //Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004, с.9-21

Мазурин А.Б. Письма из Обдорска // История Ямала: взгляд из музейных хранилищ. Вып. 1. Екатеринбург, 2010,С.81-95.

Решетов А.М. С.И. Руденко – антрополог, этнограф, археолог//С.И. Руденко и башкиры. Уфа. 1998, С.5-25.

Руденко С.И. Предварительный отчет об экспедиции на Север Тобольской губ // Отчет этнографического отдела Русского музея Императора Александра III за 1910 г. СПб.,1912. Приложение. С.44 – 50

Руденко С.И. Иностранцы Нижней Оби (Этнографический очерк)// Труды общества Земледелия при СПб Университете. Отдельный оттиск. СПб.,1914, Т.3. С.28-44

С.И. Руденко Антропологическое исследование инородцев Северо-Западной Сибири// Записки Императорской Академии наук. Петроград. 1914(6), Т. XXXIII. №3.с.1-125

Руденко С.И. Переписка с С.И. Руденко, командированного в Пермскую, Оренбургскую, Самарскую и Ярославскую губернии// Архив РЭМ Ф. 1, оп.2, д.505

Руденко С.И. Угры и ненцы Нижнего Приобья. Приложение. Путевые заметки //СПФ АРАН, ф.1004, д.66.

Руденко С.И. Автобиография// Ведомственный архив Русского музея (ВА РМ) ф.III, оп. 10, д. 466.

К.Ю. Соловьева Вклад С. И. Руденко в изучение обских угров. (по коллекциям ГМЭ народов СССР) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Ленинград. 1990, С.61-64

ТРАДИЦИОННЫЙ ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА ЯНАО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ: ТРУДОВЫЕ НАВЫКИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Туров С.В.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Тазовский район был крайне редко заселен: «Район...заселен очень слабо, временно появляющимися здесь небольшими группами кочевников-самоедов. Эти группы, хотя и родственные, но очень изолированные между собой, и расселяются на десятки и даже сотни километров одна от другой» [1, л. 50] писал в 1928 г. И.Г. Юданов. Общая численность населения Тазовского района к 1928 г. составляла около 1500 человек. Из них около трети являлись кочевниками-оленеводами, а остальные занимались рыбной ловлей и охотой [1, л. 66].

Охотоведы в начале 1930-х гг. выделяли в составе Тазовского района две промысловые зоны – «Гыдаямскую» и собственно «Тазовскую». В 1934 г. охотоведы отмечали, что в Гыдаямской зоне «наиболее освоенными охотугодьями» являлись: «...Неву-Яга и [Саилеко-итамнада] на Могуй-Сале, Ярта-Яга, Лабонката Ынянсё. В центральной части Маретта и [Айти-Пагота] в южной и западной». Особо отметили охотоведы еще одно обстоятельство: «Обусловлено это, однако, не только наличием хорошего промысла в этих местах, но и, главным образом, наличием хороших пастбищ и дров». Охотоведы отметили также, что указанные выше угодья «...не опромышляются полностью». Происходило это конечно не в силу особенной какой-то экологичности аборигенного хозяйства, а по причине банальной редкости населения [2, л. 190 об.]. По этой же причине к 1934 г. здесь не удалось создать ни одного колхоза. Тазовская промысловая зона почти полностью находилась в лесотундре. Собственно Тазовский нацсовет, покрывавший эту зону, включал в свой состав 6 колхозов [2, л. 204-206]. В общем, о состоянии Тазовской промысловой зоны землестроители высказались в том смысле, что «Освоение... происходит довольно равномерно и больших неопромышленных участков нет. Лучшими и единственными угодьями по белке являются

леса по р.р. Большой и Малой Тыдыоттам и р. Анутарма. Горностаевые и лисьи по р.р. Сямбута, Хе-Яга, Сё-Небе и др. Песцовые угодья более или менее одноценны по всему хозяйству (зоне-С.Т.). То же по куропатке и водоплавающей птице. Наиболее богата птицей Мессовская часть». Аборигены, обитавшие в районе р. Пура : «...промышляли во время зимы зверя по Пуру, на острове Находка и в местности Месо...» [1, л. 35].

Самой желанной добычей охотника-тундровика во все времена был песец. В Гыданско-Тазовской местности «наибольшая концентрация песца (по местному гнездовья)» в 1930-гг. располагалась «...в прибрежной полосе от м. Трехбугорного на севере до м. Тарон и далее вся северная оконечность Гыданского полуострова. Лучшими же песцовыми угодьями в зимнее время нужно считать р. Юрибей с притоками, Гыду и северные оконечности района (Явай-Сале и Мочуй-Сале)» [2, л. 141 об.]. Местные охотники были прекрасно осведомлены об особенностях «биологического цикла» песца. Этими знаниями они охотно делились со специалистами: «Начало течки нужно считать в южной половине в середине, в северной в конце марта, появление молодых в начале-середине мая. В отношении линьки сказать что-либо определенное весьма трудно, так как она подвержена значительным колебаниям. Еще о весенней линьке известно, что начало её приурочивается к времени начала течки, но осенняя происходит очень неравномерно и в неопределенные сроки в зависимости от климатических условий данного года. Все же целый ряд (последних) показал, что окончание её происходит в середине ноября. Но, например, сезон 1934-1935 гг. показал окончание линьки в конце декабря. Количество молодых в помете указывается промышленниками самое разнообразное, колеблющееся между 8-ю и 20-ю щенками. Все же большинство сходится на 10-12, что подтвердили и личные

наблюдения над несколькими гнездами» [2, л. 142-142 об.]. Охота на песца в тундре делилась на летнюю и зимнюю. Летом основным объектом промысла были «крестовики» и «норники» - щенки. Их промышляли как на шкурки, так и для кормления в целях последующего забоя. Охотники добывали молодняк с помощью капканов и петель, настороженных возле нор. Зверьков даже ловили руками, подкарауливая, когда они отойдут подальше от норы. Временем наибольшего появления зверя была осень (август-сентябрь). Но лучшая пушнина добывалась в январе-феврале [2, л. 149].

Горноста́й являлся вторым по значимости пушным животным в Тазовском р-не. Наибольшая концентрация зверька в начале 1930-х гг. была в южной части района, лесной и лесо-тундровой зоне. По наблюдениям местных охотников течка у самок горностая проходила в конце марта-начале апреля. Линька была в это же время «...или несколько позже». Осенняя линька заканчивалась к 15 октября [2, л. 143-143 об.]. Белка в пределах Тазовского района в начале 1930-х гг. встречалась только на самой южной его окраине, по рекам Большой и Малый Тыдыотта и Юрибей, но и здесь зверька было немного. Дело в том, что пойменные леса этих рек были не велики. Таким образом, белка не имела большого значения для зверового промысла. Тем не менее, для промысловика важно было знать, что начало весенней линьки местной белки приходилось на середину марта, а осенняя линька заканчивалась в первой половине октября. И хотя особого значения для промысла белка не имела в силу своей малочисленности, но в силу этого же обстоятельства был замечен её перепромысел [2, л. 143-144 об.]. Лисица обитала только на юге Тазовского района, то есть в лесотундровой зоне. Промысловики, впрочем, утверждали, что случались заходы зверя в тундру вплоть до р. Апти-Пагота. Опять же со слов промысловиков, начало весенней линьки зверя приходилось на середину марта, конец осенней линьки-на середину октября. Удельный вес лисицы в районном зверопромысле составлял не более 1,5%. Лисица заметно недопромышлялась [2, л. 144-144 об.]. Заяц-беляк, «со слов промышленников», как и лисица, выходил за пределы лесотундровой зоны. Так, например, его колонии (по 10-20 особей) имелись в

тундре на р. Ты-Нейво-Панте. Удельный вес зайца-беляка в зверодобыче в начале 1930-х гг. был менее 1%. Однако местным охотникам было известно, что брачный период у зверька начинается в конце марта, а осенняя линька заканчивается к 1 октября. Зайцем в значительно большей степени интересовалась лисица и отчасти песец. Однако совместных усилий лисицы и человека было явно недостаточно - заяц недопромышлялся [2, л. 144 -145]. Очень редко и случайно добывали на юге района выдру. Соболь и вовсе на территории района не водился и только изредка заходил в лесотундру. Так в 1933 г. некий промысловик добыл соболя на р. Мярино [2, л. 145 об.]. Волков в Тазовском районе было относительно немного, но ненцы их специально не добывали не по причине малочисленности зверя, а в силу того, что, как и в других районах округа, у ненцев бытовали «поверья в части бережного отношения к волку» [2, л. 146]. Однако необходимой информацией о звере местное население располагало. В частности ненцы были осведомлены о том, что волк распространен по всей территории района, но более в тундровой его части. Гнездилился зверь по берегам рек, устраивая логово в «яру». Количество щенят в помете обычно равнялось 4-5. Течка у самок начиналась в половине марта. «Значительные убытки оленеводам» волк приносил только «иногда» [2, л. 146]. Бурый медведь, как и соболю, был очень редким гостем в южной части района, по р.р. Большой и Малый Тыдыотте, и специально не промышлялся [2, л. 146 об.-147]. А вот другой хищник, россомаха, тундровиками отстреливался правда в небольших количествах, хотя и был распространен по территории всего района, вплоть до арктической тундры (Могу́й-Сале). Охотник не столько интересовался шкурой зверя, сколько мстил россомахе за порчу слопцов и попавших в слопцы песцов. По замечаниям охотников, логовища россомаха устраивала в глубоких оврагах. «Количество молодых в помете определяется ненцами в 2-3 штуки» [2, л. 147]. Белый медведь обитал на самой северной оконечности Гыдынского полуострова (побережье Явай-Сале и Могу́й-Сале) и на островах Шокальского и Оленьем (Минина). «Приходит, по словам промышленников, со льдом осенью и уходит весной». Добывали белого медведя только случайно и промыслового

значения он не имел. Более того, по мнению специалистов, белый медведь на территории района «подлежал охране как вымирающий». «Подлежал несомненной охране» и морж, добыча которого была еще более случайной [2, л. 147 об.- 148]. Так же от случая к случаю добывали морского зайца, который подходил к побережью Могуй-Сале и Байдарацкой губы. Самым распространенным видом ластроногих, водившихся в водах, омывавших Тазовский район, была нерпа. Вот нерпу, хотя и не слишком регулярно, но все же добывали более или менее целенаправленно. Во всяком случае, в каждом прибрежном колхозе имелся «латты» - специальный щит, предназначенный для скрадывания нерпы на льду. Добыча колебалась от 2 до 5 нерп на хозяйство.

Северная часть района, полоса арктической тундры, и прилегающие острова (Шокальского, Олений) являлись еще в 1930 гг. местообитанием дикого северного оленя. Кроме того, олени постоянно заходили в восточную часть района с Енисея. В 1933 г. , со слов местных охотников, «...получилось некоторое отклонение от этого правила, в результате которого получилось массовое появление оленя в центральной части района, где до этого обычно оленя не бывало (р.р. Тапам, Ярта-Яга, Няву-Яга, Халовой-Яга и др.). Пришел олень из Енисейского края и переселение его вызвано, очевидно, каким-то стихийным бедствием в прежних местах зимовок (гололеда, волки и т.д.)». Специалисты-охотоведы находили в начале 1930-х гг., что дикий олень подвергался «беспрерывному истреблению» [2, л. 149-150]. Из промысловых птиц в Тазовском районе обитала белая куропатка. Впрочем, под этим названием подразумевается два вида (белая и тундровая). Куропатка в 1930-х гг. была распространена по всему району, но в большей мере в лесо-тундровой зоне. Как замечали промысловики, куропатка мигрировала по территории района. Происходило это в октябре с установлением снежного покрова «...когда уже становится невозможным добывать себе пищу из под снега и кроме того образующаяся плотная снежная корка не позволяет устраивать лунки на время ночёвки». Время тока у тазовской куропатки наступало в конце апреля-начале мая. В середине-конце августа окончательно вырастали и крепи птенцы.

Специалисты считали в начале 1930-х гг., что в районе имел место «громадный недопромысел» куропатки [2, л. 150-151]. Также недостаточно добывали и гуся (гуменника). К «гусям» относили местные ненцы и все виды казарок, из которых более всего добывалось белолобой казарки. При этом местные охотники прекрасно изучили «биологический цикл» гуменника. «Места гнездовой гуменника-полоса арктической и тундровой зон. Наибольшее количество гуся в гнездовой и линный период отмечается по следующим угольям-центральная и южная часть Могуй-Сале, Полуостров Явай, Хассейн-То, р. Юрибей с притоками. Места наибольшего пролета проходят в районе Анти-Панта и идут дальше на север по побережью Обской губы и тундрой на вершину Юрибея. Время прилета в Тазовском нацсовете-первые числа июня, Гыдоямском-середина июня. Осенний отлет из северной части начинается в середине сентября и заканчивается в конце этого месяца» [2, л. 151-152]. Уток по видам ненцы также не различали и добывали их мало. Недопромысел водоплавающей птицы в целом обуславливался отсутствием в районе больших водоемов, что делало невозможным, например, массовый лов линной птицы при помощи сетей [2, л. 153].

Тазовские охотники-аборигены в начале 1930-х гг. на охоте чаще всего применяли различные капканы. Капканы были «исключительно фабричного производства самых разнообразных размеров и конструкций, но нами грубо подразделяются на две категории-больших (песцовых) и малых (горностаевых)», отмечали специалисты-охотоведы в это время. Самое широкое распространение из «больших» в это время получили «двухпружинный язычковый капкан и круглый большой русский капкан». Большинство охотников предпочитали круглый капкан без зубьев, при этом «...насторожка употребляется исключительно нитяная. Полотно, также и обычная язычковая насторожка не употребляются, за исключением мелких капканов при ловле горностаевых». В «большие» капканы ловили песка, лисицу волка, росомаху. «Мелкими» капканами добывали горностаевую и птицу-куропатку, гуся, утку; изредка настораживали такие капканы на щенков песка-«норника». «Со слов промышленников», наиболее добычливой и распростра-

ненной была капканная ловля песка у нор. На «приваду» (приманку) шел только «проходной зверь и то не каждый год». В качестве привады чаще всего использовалась рыба и значительно реже мясо оленя. Причем, характер используемой привады определялся опытным путём. Недели за две до промысла разбрасывались различные виды приманок. Та из приманок, которая охотнее поедалась песцом, становилась основной привадой на данный промысловый сезон. Возле одной привады обычно ставилось 2-3 капкана. У норы всегда выставлялся один капкан. Постановка горностаевого капкана осуществлялась в специально сделанном для этой цели шалашике из снега, или же в углублении на «подуве» около пенька и т.п. Приманка укладывалась непосредственно в капкан и далее капкана вглубь снежного шалашика. Капканый лов горностая и лисицы начинался сразу же по выпадении достаточно для постановки капканов количества снега. Дело в том, что эти два вида вылинивали достаточно рано и равномерно. Лов этих зверей продолжался до поздней весны (конец апреля). До тех пор пока не становилась заметна весенняя линька. Со сроками ловли песка все обстояло значительно сложнее. Дело в том, что этот зверь линяет неравномерно. Общим недостатком капканного промысла было то, что крепились капканы в тундре при помощи якоря из оленьего рога, за неимением железных, в результате до 10% песцов уходило [2, л. 164-166 об.].

Традиционными ловушками давящего типа являлись «пасть» и «слопец». Слопец и пасть различались пол способом насторожки. Кроме того, боковые стенки у пасти выполнялись в виде сплошной доски, а у слопца делалась загородка из колышков. Слопец в принципе являлся усовершенствованной пастью. Пасть к началу 1930-х гг. употреблялась очень редко, только стариками-ненцами. Приманка в слопец выкладывалась в виде накрошенной мелко рыбы или мяса, примороженных к полу слопца, чтобы песец, отскребая её лапой, мог задеть сторожевую нитку и тем самым спустить слопец. Кстати слопец имел перед капканом целый ряд преимуществ. Прежде всего, к ним относилась простота постановки. Пойманный в слопец зверь, в отличие от капкана, уйти не мог. Кроме того, опять же в отличие от

капкана, слопец не заносился снегом. К недостаткам слопца относились его громоздкость и невозможность его переместить на местности. Пойманный зверь часто становился добычей хищника [2, л. 169-169 об.].

Специальные ловушки применялись в охоте на куропатку. В северной и центральной части района чаще всего применялась сетка их фельдикосовой тонкой нити белого цвета длиной около 10 метров. Высота сетки составляла около 70-80 см., ширина ячеей-40-45 мм. В северной части района сеткой ловили всю осень, до тех пор, пока кустарник не заносило снегом. В центральной части ловили всю зиму. Сетка растягивалась на кольях. Сетка была не самой удобной снастью - малодобычлива, дорога, часто обледеневала и заносилась снегом. Гораздо уловистей и надежней были «пленки», которые применялись в южной части района, то есть собственно на территории Тазовского сельсовета. Лов пленками начинался с первого снегопада и продолжался всю зиму. Пленками отлавливалось 90 % всей добываемой куропатки, а 10% на ружейную и капканную охоту [2, л. 170-170 об.].

Из звероловных ловушек в Тазовском районе употреблялся еще черкан, но крайне редко [2, л. 171]. В начале 1930-х гг. на Тазу использовались ружья трех видов-центрального боя, «шомпольные» и винтовки. Первые чаще всего являлись одностволками систем «Иж» и «Бердана» 20-го, 16-го и 24 –го калибра. Шомпольные ружья также обычно были одноствольные. Винтовки чаще всего были системы «Бердана». Только-только начинала появляться у охотников мелкокалиберная винтовка. С дробовым ружьем охотились чаще всего на все виды водоплавающей птицы, белку иногда на куропатку и песка.

Винтовка чаще всего использовалась как орудие защиты оленей от волков. На охоте винтовку применяли, когда шли на дикого оленя или морского зверя. С «малопульками» охотились на птицу. Все оружие находилось в «крайне плохом состоянии». Ремонтировать оружие было некому. Наиболее интенсивно ружейная охота проходила весной-летом по водоплавающей птице, причем и по выводкам. С начала осени до снега - по куропатке и морскому зверю, а зимой - по дикому оленю. На самом севере района (о. Шокальского, Оле-

ний) на дикого оленя охотились и летом [2, л. 166 об.-168 об.].

Важнейшей составляющей охотничьего промысла во все времена являлся транспорт, при помощи которого охотник добирался до промысловых угодий и вывозил добычу. Тазовские ненцы отправлялись на охоту в легкой 3-х оленьей упряжке и с обязательной грузовой нартой. На которую грузились, приманка, капканы и прочие охотничьи принадлежности-«латы» (уже упоминавшийся щит для скрадывания дикого оленя и морского зверя), чучела уток, «правилки» для правки шкур, лыжи [2, л. 171]. Таким образом, для охоты были необходимы 5 оленей и 2 нарты. Летом охотник передвигался исключительно по рекам на лодке колданке.

Извечным спутником охотника была собака. В Тазовском районе в начале 1930-х гг. охотничьих лаек было мало. Лайки были самых разнообразных видов, «привозившихся из близлежащих таёжных районов (остяцкие, вогульские), но уже в большинстве утратившими чистопородность». По мнению охотоведов, такое «невнимание к охотничьей лайке» было вызвано тем, что охотничий промысел в Тазовском районе особого значения не имел [2, л. 177-177 об.].

Примечания

1. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 88.
2. ГА ЯНАО Ф. 12. Оп. 1. Д. 115

ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВЗГЛЯД АНТРОПОЛОГА

Мартынова Е.П.

Традиционно хозяйство оленеводов-ненцев не было ориентировано на рынок. А.А. Дунин-Горкавич заметил: «Тобольский самодед требует от оленя только одного, – чтобы он давал ему самое необходимое для его неприхотливой жизни, т.е. пищу и одежду; он нисколько не заботится об увеличении числа оленей и извлечения из своего стада денежных выгод» (Дунин-Горкавич 1996: с. 113). Торговля велась преимущественно с русскими купцами на ежегодных ярмарках. Однако, по словам М.А. Сергеева, внешние экономические связи малочисленных народов Севера «носили весьма ограниченный, односторонний характер и далеко не охватывали все хозяйство в целом... у многих групп они сводились исключительно к пушным операциям, которые и служили единственной связью хозяйства с рынком, единственным источником получения извне ограниченного набора немногих необходимых или привычных товаров (оружия, огнеприпасов, чая, табака) (Сергеев 1955: 93.). Внутренний обмен традиционно существовал между оленеводами и рыболовами, но он не являлся собственно торговлей, т.к. происходил в самых простых, натуральных и прямых формах (меняли мясо на рыбу и т.п.), в которых можно усмотреть немало следов традиционных обычаев взаимного гостеприимства и взаимодарения (реципрокности). Справедливости ради нужно отметить, что, не будучи «рыночниками», ненцы вели частное оленеводческое хозяйство, обеспечивающее их всем необходимым для жизни в тундре.

В годы советской власти хозяйство северных народов было встроено в плановую социалистическую экономику, в которой торговля почти полностью находилась в руках государства, а частное оленеводство было сведено к минимуму. Нужно отметить, что на протяжении 1930 – 1980-х гг. ненцы сохраняли поголовье личных оленей, прибегая к различным хитростям, чтобы скрыть истинное число жи-

вотных в собственных стадах от социалистического учета: отгоняли дальше в тундру оленей во время компаний по их учету, называли чиновникам цифру, которая допускалась «законом» и т.п.

В 1990-е годы, в ходе трансформации социалистической системы, народы Севера оказались в «стихии рынка». К настоящему времени уже можно говорить об их опыте адаптации к нему. В данной работе автор рассматривает различные аспекты вовлеченности тундровых ненцев-оленевонов в рыночные отношения. Источниками для написания статьи послужили полевые материалы, собранные в 2008, 2011, 2012 гг. в Тазовском, Ямальском районах ЯНАО в ходе проведения этнологических экспертиз (совместно с Н.И. Новиковой) и в 2013 г. в г. Салехард, пос. Мужы в ходе проведения исследования по изучению социокультурной адаптации коренных малочисленных народов Севера к процессам глобализации (совместно с Е.А. Пивневой). Данные оперативной статистики были получены в Департаменте по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО.

В наши дни ненецкое оленеводство в ЯНАО развивается как частное (семейное, личное), общинное и в рамках оленеводческих предприятий. Все три формы встроены в рыночную экономику.

Оленеводческие предприятия (в основном это акционерные общества) имеют закрепленные пастбища, цеха по убою и переработке мяса оленей, различные строения, технику. Работают они на основе планов, в которых определяются основные показатели: сдача мяса, валовый выход мяса на 100 январских оленей с учетом его качества, сохранность взрослого поголовья оленей, деловой выход телят на 100 январских маток, выход основного поголовья на конец года. Основной доход предприятия получают от сдачи оленины. В условиях рыночной экономики они заинте-

ресованы в увеличении сбыта оленеводческой продукции и добиваются этого за счет развития инфраструктуры переработки. В последние годы большую роль в этом играют убойные комплексы с холодильными установками, построенные и строящиеся в округе (в селах Сеяха, Антипаюта, Паюта, Ныда, вахтовом поселке Юрибей). Переработка оленьего мяса ведется на предприятии «Ямальские олени» в п. Яр-сале и в г. Салехард в цехе по переработке оленьего мяса в колбасу и мясопродукты. Производство мясных продуктов, изготовление изделий из оленьего рога, пантов, шкур, получение из крови оленей сырья для медицинских и косметических препаратов приносит дополнительный доход предприятиям. Повышение экономической эффективности оленеводства способствует не только повышению доходов работников, но и росту престижа оленеводческих хозяйств.

Общинные хозяйства появились в ЯНАО в конце 1990-х гг. Большая часть их была создана при поддержке местных властей. «Общинное движение» активно развивается после создания в 2003 г. Государственного учреждения «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера». Так, если в 2000 г. в округе было всего 7 общин, в 2004 г. – 23, то в 2013 г. – 90. Главной сферой деятельности общин КМНС является оленеводство (оно указано как ведущее направление при регистрации большинства общин), затем идут рыболовство, охотпромысел, изготовление сувенирной продукции, развитие этнотуризма. Около половины зарегистрированных общин успешно развиваются. Так, в 2013 г. доля общин в сдаче продукции оленеводства составила около 60%. «Объединение по экономическому развитию коренных малочисленных народов Севера» помогает развитию общин малочисленных народов Севера в условиях рыночной экономики. В частности, предоставляет услуги по разработке, внедрению и сопровождению бизнес-проектов общин; проводит консультации по бухгалтерским, налоговым вопросам; занимается организацией семинаров, совещаний; проводит обучение и курсы повышения квалификации работников.

Общины получают дотации на оленей из окружного бюджета, местные власти помогают им кредитами. Как и предприятия, общи-

ны имеют задания по оленепоголовью и производству мяса на убой. Связь оленеводческих общин с рынком в основном осуществляется через фактории, которые ведут активную торгово-закупочную и заготовительную деятельность. Общины аборигенов заинтересованы в дальнейшем развитии переработки продукции оленеводства для получения большей прибыли. В связи с этим в округе предусматривается строительство мини-цеков и холодильных установок по переработке продукции оленеводства, рыболовства, охотпромысла и дикоросов. Такие цеха будут заниматься первичной переработкой, упаковкой и подготовкой к хранению продукции, с последующим вывозом ее в крупные населенные пункты в периоды завоза товаров на фактории.

В связи с бурными темпами промышленного развития в округе происходит значительный прирост населения, повышается спрос на продукцию традиционных отраслей. Поэтому необходимо использовать имеющиеся ресурсы и возможности роста производства продукции через развитие инфраструктуры ее переработки и реализации. Власти округа видят перспективу повышения эффективности традиционного сектора экономики в оптимизации транспортных расходов на доставку сырья в пункты переработки, а конечной продукции – потребителям.

Для этнолога наибольший интерес представляет вопрос о вовлеченности в рыночные отношения самих аборигенов, т.е. оленеводов-частников. К настоящему времени они имеют солидный опыт не только выживания, но и развития традиционных отраслей хозяйства в условиях рынка.

По данным Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО за 2013 г., в округе кочевой образ жизни ведут более 16 000 человек, что составляет около 40% коренного населения. В целом по округу доля частных оленеводов – 47% от числа кочевников (45% кочевых хозяйств). По доле личных оленеводческих хозяйств лидирует Приуральский район – 82% хозяйств КМНС и 85% от численности кочевого населения. В Тазовском доля частных – 49% от числа хозяйств КМНС, 50% от численности кочевого населения; в Ямальском – 36% и 38% соответственно. Нужно отметить, что юридически

семьи оленеводов-частников не имеют прав на пастбища и ведут выпас оленей по сути незаконно, они официально нигде не трудоустроены, не получают заработной платы, не имеют трудовых книжек, им не начисляется трудовой стаж. Хотя реально они действительно работают – ведут оленеводческое хозяйство, получая доходы от реализации его продукции.

Обычно оленей забивают «на мясо» и сдают в декабре на забойных пунктах. Для собственного потребления семья из 5-6 человек забивает 2-3 оленя зимой и еще 2-3 оленя осенью (осенние шкуры оленей необходимы ненцам для пошива одежды). В стаде от 100 до 200 голов на продажу забивается 5-6 оленей; при поголовье в 250 оленей и более для собственного потребления и на «коммерческий» забой оленеводом отводится около 10% от общего числа животных. Обычно это происходит, когда денежные средства необходимы для закупки продуктов на новый сезон или для приобретения дорогостоящей техники (например, снегохода). *«Если деньги надо будет – пару оленей забиваю. Можно сдать по 150 руб. за килограмм, еще лучше – по 180-200 руб. частникам продать. Олень дает мяса 50-60 кг, значит – выручаешь 8 – 10 тыс. Двух оленей забил – 20 тыс., а можно и больше, если хорошо продать»* (ПМА 2011).

В наши дни важной составляющей жизни в тундре стали частые и постоянные контакты оленеводов с представителями промышленных предприятий, ведущих работы в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных народов. Обычно тундровики имеют налаженные периодические связи с рабочими – продают или выменивают у них оленье мясо, рыбу на продукты или бензин. Такие сделки нелегальны, но они широко распространены в тундре. Один из наших информантов заметил: *«Сейчас у каждого чума есть свой вахтовик»* (ПМА 2013). Неформальная торговля с «газовиками» и «нефтяниками» ведется регулярно и приносит оленеводческим семьям существенные доходы. Можно сказать, что ненцы убедительно продемонстрировали готовность к встраиванию в рыночные отношения на уровне мелкой торговли, способность адаптации к стихии рынка.

Нужно отметить, что оленеводы получают денежные доходы не только за счет реализации продукции оленеводства. Существенным

вкладом в семейный бюджет является торговля рыбой. Ее реализуют через так называемых «коммерсантов» – заезжих дельцов с «большой земли». Пик нелегального торгового оборота приходится на зимний период, когда действуют «зимники», по которым большегрузные машины могут добраться до ямальской глубинки и вывезти рыбу в замороженном виде. Часто представители аборигенного населения самостоятельно добираются на оленях или снегоходах до вахтовых поселков, где и продают рыбу по приемлемым для них ценам.

Многие говорят, что нелегальный сбыт рыбы служит основным источником доходов семьи. Можно сказать, что представители коренного населения преуспели в таком виде «коммерции», имеют хорошо налаженные регулярные контакты либо с торговцами, либо с вахтовиками. *«У меня в мобильнике много телефонов друзей. Они мне звонят, когда рыба нужна». «Сейчас у всех своя клиентура. Прямой товарообмен хорошо налажен. Без этого мы не сможем жить. Работы же нет»* (ПМА2012). Большой наплыв «приезжего» населения в округ повышает спрос на рыбу и тем самым стимулирует коренное население на занятие коммерческой деятельностью такого рода. Расчет при таких сделках происходит сразу же в момент продажи, а не после окончания сезонной путины, как на предприятиях. Получение «живых денег», с одной стороны, стимулирует активизацию торговой деятельности, с другой – дает возможность сразу покупать необходимые вещи.

Развитие торговых связей сказывается на существенных изменениях в быту жителей тундры. Так, уже давно стало обычным явлением наличие современных транспортных средств, электростанций, бытовых приборов. В зимнее время тундровики пользуются оленьими упряжками в основном при перекочевках, а для осмотра стада и дальних поездок чаще применяют «Бураны». Образ «настоящего» ненца-тундровика в малице и на снегоходе вместо традиционной нарты уже никого не удивляет.

Современную жизнь кочевников невозможно представить без использования бытовой техники, в частности, сотовых и спутниковых телефонов, портативных бензиновых электростанций, телевизоров, DVD-проигрывателей

и др. Все это используется в основном в зимний период, т.к. на легких летних нартах тяжело перевозить электростанции, а без электричества приборы не работают. Не только молодежь, но и представители среднего поколения оленеводов не только позитивно воспринимают такие бытовые «новинки» как мобильный телефон, фотоаппарат, DVD, но и пользуются ими. По свидетельству наших респондентов, новые видеофильмы, популярная музыка распространяются по тундре «от чума к чуму» с большой скоростью. Нам рассказали случай, когда молодые пастухи, успешно наладили свое товарное оленеводство. *«Они успешно крутятся. Сдают мясо, рога, и не только от своих оленей, а у других скупают. Живут хорошо — работают и зарабатывают. Они знают, куда и сколько чего продать. Общаются через интернет. Отдыхать ездят в Турцию»* (ПМА 2013).

За последние два-три десятилетия существенным образом изменилась материальная культура ямальских оленеводов. В быту сохраняется ограниченное число традиционных вещей и инструментов, в основном это предметы, связанные с рукоделием (швейные сумки, сухожильные нити, швейные доски и др.) и оленеводством (аркан, хорей, инструменты для изготовления нарт и др.). Широко используются покупная посуда, туалетная бумага, памперсы. Некоторые оленеводческие семьи стремятся обустроить чум наподобие дома: делают окно, покупают поролоновые матрасы, подушки. Традиционная (ненецкая) одежда бытует только в зимний период, причем только верхняя (малицы, совики, ягушки, шапки, пояса, меховая обувь), что объясняется ее оптимальным соответствием суровым природным условиям. Мужская традиционная нижняя одежда вышла из употребления еще в 1970-е годы, женская — в 1990-е. В летний сезон ненцы чаще носят одежду, приобретенную в магазинах: противоэнцефалитные костюмы, куртки и штаны из прорезиненной ткани, головные уборы с противомоскитными сетками, резиновые сапоги, платья, кофты, брюки, пиджаки, куртки, шапки и т.п. Оленеводы считают, что трата денег на приобретение одежды — дело престижное. *«Особенно престижно тратить деньги на одежду для детей. Родители следят, чтобы их дети не ходили в интернате в ношеном. Если ты одет в свое, купленное ро-*

дителями, — ты хорошо одет. Если родители купили одежду — это показатель богатства» (ПМА 2013).

Гораздо разнообразнее стал пищевой рацион оленеводов за счет расширения ассортимента покупных продуктов. Если есть возможность «отовариться» в поселке или у «газовиков», кочевники покупают не только хлеб, крупы, масло, сладости, но и сыр, овощи (лук, морковь, картофель, капусту), фрукты. В тундре молодые хозяйки стремятся готовить блюда «как в городе» — котлеты, блины, плов, используются разнообразные приправы. *«Престижно тратить деньги на богатый стол, есть разные продукты, а не только мясо и рыбу. Про того, кто живет на мясе и рыбе, могут сказать — бедный»* (ПМА 2013).

Такие инновации, безусловно, способствуют интеграции оленеводов в современное сообщество. Оленеводы, которые носят одежду, не отличающуюся от «городской», слушают те же песни, смотрят те же фильмы, что их родственники и знакомые в поселке, в меньшей степени чувствуют себя оторванными «от цивилизации».

Втягивание в рыночные отношения влечет за собой изменения в ментальности тундрового населения, прежде всего представлений о богатстве. Для многих оленеводов понятия «денежный» и «богатый» неоднозначны: *«Деньги любой, кто захочет, может заработать и будет с деньгами, а богатый — тот, у кого оленей много»* (ПМА 2012). *«Деньги зарабатывают на рыбе, а наше богатство — олени. Деньги для нас не так важны. Рыбу можно поймать, а оленя — нет»* (ПМА 2012); *«Для ненцев деньги — как вода. Долго не задерживаются, протекают сквозь пальцы»* (ПМА 2012). Многие оленеводы считают, что продавать живых оленей можно только в тяжелой жизненной ситуации. *«Мы оленей не продаем, это же наше богатство. Это только в крайнем случае. Один мужик в Гыде продал оленей и купил квартиру. Теперь у него оленей мало, он бедный. На мясо сдавать — это другое дело. На мясо продаем оленей, рыбу тоже продаем, деньги выручаем, потом покупаем то, что надо»* (ПМА 2012). Небогатые оленеводы стремятся уменьшить число забиваемых оленей, обеспечивать семью за счет других источников, прежде всего рыболовства, сохраняя, таким образом, поголовье оленей. Информан-

ты говорят: *«Мы без рыбы, без мяса не можем. Если рыбы не будет – придется оленей забивать. Жалко. Когда рыбу поймал – олень на улице живой гуляет»* (ПМА 2011). Сегодня традиционные представления о богатстве дополняются новыми суждениями. Так, олени расцениваются как капитал: *«Олени у нас как сберкнижка. Если что нужно купить серьезное – забиваем на мясо и продаем»* (ПМА 2012).

Информанты говорят, что богатством для ненцев является «то, что движется» – снегоходы, моторные лодки и т.п., поскольку *«ненецкое богатство с ногами»* (ПМА 2012). Наличие в семье такой современной техники как видеомэгафон, мобильный телефон не считается показателем богатства. Prestижным среди тундровиков считается иметь импортный лодочный мотор «Yamaha» или «Suzuki», а также зарубежные модели снегоходов «Yamaha» и «Scandic».

Хотя и медленно, но традиционная система ценностей тундровых ненцев меняется. В частности, для некоторых информантов понятие «богатый» означает, прежде всего,

«денежный». Трансформируются традиционные представления о престижности занятий рыболовством и оленеводством. Если раньше у ненцев богатыми считались оленеводы, то сейчас некоторые высказывают точку зрения о том, что рыбаки стали богаче, т.к. *«зарабатывают больше оленеводов»*. Меняются и представления о престижности рыбацкой работы: *«Раньше из оленеводов переводили в рыбаков как наказание. - А сейчас трудно устроиться в рыбаки на постоянную работу, т.к. на рыбе можно хорошие деньги заработать, если не пить»* (ПМА 2008). *«Оленеводы всю жизнь богаче считались, а сейчас рыбаки лучше обеспечены. У них балки лучше благоустроены. Они имеют генераторы, телевизор, мобильнее телефоны. Они детей лучше обеспечивают»* (ПМА 2012).

Ненецкие оленеводы успешно адаптировались к рыночным отношениям благодаря сохранившейся традиции частного оленеводства. Развитие товарно-денежных отношений является мощным фактором изменений в разных сферах их жизни и быта.

ЛИТЕРАТУРА:

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3-х т. Т3. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1996. – 208 с.

Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXVII. М.; Л., 1955. - 218 с.

ОГОНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА.

Сязи А.М.

Обрядовая культура и мировоззрение тесно взаимосвязаны, о чем говорят определения этих понятий, данные известными исследователями словесности. Приведем определение значению слова «обряд», данное в словаре Ожегова: «Обряды – совокупность действий (установленных обычаем или ритуалом), в которых воплощаются какие-нибудь религиозные представления, бытовые традиции» (Словарь Ожегова). В Большом Энциклопедическом словаре отмечается также социальный характер обрядовой деятельности, сопровождающей важные моменты жизни человеческого коллектива (БЭС).

Любой этнос имеет сложившийся и сохранившийся, в той или иной мере, обрядовый комплекс и естественным основополагающим фактором степени его сохранения является среда, в которой существует этнос. Многие обрядовые действия, традиции, сопровождавшие народ на протяжении длительной истории, уходят в прошлое, становясь пережитками и частично функционируя вне урбанистической среды.

Особое место занимает обрядовый фольклор, обеспечивающий проведение обрядов, ритуалов, традиционных праздников. Более широко известен песенный, танцевальный и музыкальный фольклор, привлекающий внимание своей необычностью во время ярких выступлений на обрядовых праздниках национальных ансамблей народов Севера. У хантов и многих других народов Сибири во время варки нельзя пробовать пищу из поварешки, а также есть из общего котла. Поясняя запрет, сами ханты говорят – «душа будет плакать», так как только на поминках едят из общей посуды. Практическое объяснение также заключается в необходимости соблюдения санитарных норм – чтобы не занести возможную индивидуальную инфекцию в общую пищу.

Много обрядовых праздников связано и с использованием огня. Со времен каменного века человек научился использовать природный огонь, разжигать и поддерживать костер.

Поддержание неугасимого огня подготовило переход людей на следующей ступени развития к его искусственному добыванию. Появление «рукотворных» способов получения огня исследователи относят к эпохе неолита. «Приручение» огня можно считать началом «неолитической революции», первым освоенным человеком цивилизационным благом, а сам огонь древнейшим артефактом цивилизации, направившим человечество по пути культурогенеза.

Огонь как первоэлемент Вселенной. Наряду с субстанциями трех других стихий – Земли, Воды и Воздуха, огонь выступает как первоэлемент Вселенной, непосредственно задействованный в акте космогонического творения. Первооснова огня связана с раскаленным огненным Солнцем, олицетворяющим жизнь. В мифологической картине мира коренных народов Сибири огонь относится к материнским культам вместе с другими рождающими началами, от которых зависит человеческая жизнь: Земли-матери и Воды-матери.

В свою очередь, мифы коренных народов рассказывают о том, как люди научились добывать огонь путем трения, причем в качестве дерева-материала используется лиственница, растущая на вершине большой горы. Данная мифологема позволяет прочитывать контекстуальную метафору сказания как триединство образов-архетипов Мировой горы, Мирового Древа и Огня: «Во время всемирного потопа скрылась земля под водой. Люди на плоту приплыли на вершину горы, где огонь явился им из лиственницы. Бог научил людей звать мать-огонь из лиственницы. Так жили люди на горе в чуме, и мать-огонь жила у них. Когда ушла вода, спустились люди вниз и унесли с собой огонь». [Дыренкова 1927, 66].

К «деревянному» огню, полученному трением лучкового сверла, у отдельных народов Сибири отмечается особое отношение, он считался огнем «от земли». Сакральная значимость такого огня выражалась в том, что ему приписывались целительные свойства, он мог

зажигаться в случае тяжелой болезни соплеменника: «Косвенно в этих представлениях актуализируется защитная функция Матери-Земли и, возможно, идея исходной общности двух космогонических начал - Земли и Огня» [Алексеев 2005, 711]. Так, миф народов Севера, объясняющий мотив появления огня у людей, ничего не говорит о его происхождении: костер изначально горит на земле, а Бог-творец мира только указывает замерзшим людям, где его найти.

Добывание огня посредством использования камня, в свою очередь, могло быть связано с культом священных гор. Много тысячелетий насчитывает почитание огня, особенно домашнего очага. У хантов есть сказка: «Муж с женой пошли в тайгу, остановились на ночлег, развели костер, переночевали. Утром мужчине случайно на руку уголек от костра упал, обжег руку. Мужчина рассердился и стал топором рубить костер. Жена сказала, что нельзя этого делать. Пошли дальше. Вечером остановились для ночлега и не могли разжечь костер. У них девочка была.

Огонек маленький разгорелся и сказал, что его изранили и теперь нужно отдать ему девочку – больно ей не будет. Они в огонь девочку поставили, она засмеялась и куда-то потерялась».

У многих народов Сибири огонь представлялся женщиной в красном халате, которая требовала определенных правил обращения с ней. Считалось, что огонь предсказывает большие события, разговаривая треском, писком. Были даже особые специалисты, которые могли с ним общаться. В огонь, по повериям хантов, нельзя бросать мусор или плевать, нельзя трогать железными предметами – все это оскорбляет его или причиняет боль. За непочтительное отношение к себе огонь может наказать пожаром. Для задобривания ему приносили жертвы: брызгали жиром или вином, лили немного крови, бросали кусочки пищи или красные платки. Матери всех огней щорас най анки на Югане приносили в жертву оленя белой масти.

За огнем признавалась способность защитить и очистить. Считалось, что он не даст войти в дом злым духам, снимет «нечистоту» с оскверненных предметов. По всей вероятности, огонь для предков хантов был одним из первых богов: не случайно в приведенной сказке имеется указание на человеческое жертвоприношение.

Родовой огонь является одним из древнейших родоплеменных культов, восходящих к эпохе первобытно-общинного строя. Судя по

данным археологии, культ родового очага имел универсальное распространение на территории Сибири. Само понятие рода ассоциируется как с понятием о едином происхождении, кровном родстве, так и общем огне, очаге. В ненецких эпических сказаниях, когда под ударами врагов гибнет стойбище Ябтонэ, героиня просит оставить в живых хотя бы люлечного младенца, чтобы «не погас очаг» Ябтонэ [Головнев 2004, 49].

Огонь внутренне спланировал общину, выражал ее единство, «общность крова и крови. Таким образом, огонь в фольклорной традиции сибирских народов, являясь знаком освоенного, «окультуренного» человеком пространства, противостоящего «чужому» миру, выступает также элементом этнического самосознания.

Погребальный огонь коренные народы Сибири по-разному использовали, у своих усопших, которых надо отправить в другой мир, и тип погребения у каждой культуры был свой. Но выделяется и общая закономерность: многие захоронения обнаруживают свидетельства архаического культа огня. Роль огня как архаического компонента космологической системы древнего сибирского населения особенно явно обнаруживается при изучении ритуальных комплексов. Следы огня встречаются почти во всех древних могильниках Сибири от рубежа неолита и бронзового века до средневековья [Косарев 1984].

Родовой огонь полагался человеку в его посмертном существовании. У собирателя ненецкого фольклора А.В. Головнева находим запись просьбы старого ненца, сделанную на родовом святилище и отражающую форму и сущность жертвенного поминального обряда: «Когда я умру, сделайте мне костер каждый год» [Головнев 2004, 48].

Жертвенный огонь - это огонь-«вестник», огонь-«посредник» в общении между людьми и богами, так как без его помощи ни одно божество не могло «вкусить» жертвующей ему пищи. От яркости, высоты и чистоты его пламени зависит, примут ли небожители земную жертву, в качестве которой традиционно выступал баран (у кочевников тундры - олень) особой, как правило, светлой масти.

Обряд жертвоприношения, как правило, возглавлял шаман. Фигура шамана не случайно выступала в качестве посредника между людьми и духами в ритуалах принесения жертвы, так как дух огня считался одним из главных его помощников. «Ни один шаман не со-

гласится идти ни к какому духу без разрешения матери-огня» [Дыренкова 1927, 71].

Семейный огонь возглавляет не только родовой, но позднее и семейный культ. Огонь живет вместе с домом, обогревая его, охраняя обитателей от злых духов, зондируя внутреннее пространство дома. [Дыренкова 1927, 68].

Собирательный образ женщины-огня позволяют реконструировать примеры фольклора северных народов: огонь, наши древние народы, представляли «женщиной в красном халате», которая требовала определенных правил обращения с ней. У многих почтенных родов огонь до сегодняшнего дня священен, приехавшему постороннему человеку нельзя разжигать костёр или топить печку. Девушка - невеста, которую берут в жены в данный род, должна бросить в огонь монету и попросить «разрешения» у огня, разжигать и топить костер данного рода. За непочтительное или хорошее отношение к себе «огонь» мог наказать или поощрить хозяйку, её род, детей.

Внутреннее место домашнего очага рассматривается в качестве основного и важнейшего элемента жилища, определяющего его пространственную организацию. При этом месту, где в жилище горит огонь, отводится роль сакрального центра, соединяющего миры. Таким образом, приведенные примеры позволяют рассматривать родовой (семейный) огонь как вариант образа священной вертикали. Как корни и крона Мирового древа, дым и жар очага «скрепляют» миры, принимая функцию медиатора в трехчленной структуре мифологического пространства. Жилище северных народов с очагом в центре моделирует картину мифологического космоса. Являясь покровителем людей, огонь выступает связующим звеном между божествами и человеком.

Поскольку огонь считался посредником между миром людей и миром предков духов Вселенной, а также непосредственным покровителем семейного счастья, любви, согласия и всяческого благополучия человека, к нему обращались в различных жизненных ситуациях. Отношение к огню как к живой субстанции, и, более того, как полноправному и уважаемому члену семьи, с которым хозяева обязательно разделяют домашнюю трапезу, демонстрирует фрагмент хантыйского сказания. При этом в тексте не делается акцент на то, что «кормление» домашнего огня - акт приносимой ему жертвы, скорее элемент повседневного быта. Каждая се-

мья или род имели свой огонь, который нельзя было смешивать с огнем другой семьи или рода. «Огонь замыкал собой кольцо родственников и членов семьи» [Токарев 1999]. В любой семье в первую очередь продукты ставят вначале богам и тут же огню, только после этого ритуала люди сами прикасаются к данной еде. Отсюда можно сказать, что свадебные обряды сибирских народов предполагают обязательный ритуал приобщения невесты к новому семейному очагу, «знакомства» с духом огня. Данный ритуал, как правило, также сопровождается «кормлением» огня маслом (жиром), от соприкосновения с которым пламя вспыхивает высоко вверх чума - знак того, что огонь принимает жертву.

Огонь семейного очага имеет непосредственное отношение к рождению и воспитанию ребенка. В селькупском чуме на «чистое», «священное» пространство за очагом напротив входа под покровительство семейных духов помещали маленьких детей, если они оставались без присмотра. Селькупы также верили, что за непочтительное отношение мать огня могла забрать себе ребенка [Тучкова 2005, 339]. К огню обращались с молитвами, прося о покровительстве детям. Каждая мать старалась договориться с матерью огня, чтобы та «присмотрела» за детьми в ее отсутствие.

Наиболее распространенной в среде многих народов является традиция особого поведения по отношению к огню. К огню нужно относиться максимально уважительно — «Прежде чем приняться за трапезу, покорми огонь». Существует множество запретов в отношении огня: нельзя плевать в огонь — обидится; нельзя поправлять поленья в костре чем-либо острым — поранишь ноги бабушки-огня; нельзя кидать в костер рыбы кости — поранишь глаза бабушки-огня и т.д. Культ огня в мировоззрении народов Севера тесно связан с образом антропоморфного существа, чаще всего доброй старушки, реже седого старца. Культ огня является проявлением самых древних человеческих воззрений, возникших еще в «доэтническую» эпоху, когда древние обитатели земли только начинали познавать своим молодым сознанием окружающий мир. Влияние цивилизации стерло следы этого древнего культа из духовной культуры большинства развитых этносов, в то время как аборигены тайги, тундры, саванны и тропических джунглей сохранили древний культ огня в практически неизменном виде.

Литература:

1. Алексеенко Е.А. Кеты: Мировоззрение, культы, ритуалы // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. — С. 706-719.
2. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор — Екатеринбург: УрОРАН, 2004.
3. Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VI. - Л., 1927. — С. 63-78.
4. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. - М.: Наука, 1984. — 243 с.
5. Кудияров А.В. «Боктук-Кириш, Бора-Шэлей»: Комментарии к переводу // Тувинские героические сказания. — Новосибирск: Наука, 1997. — С. 539-558.
6. Лагунова О.К. Феномен творчества русскоязычных писателей ненцев и хантов последней трети XX века. — Екатеринбург, 2007.
7. Неркаги А.П. Анико из рода Ного: Повесть // Современная уральская повесть. Т. 5.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987.— С. 391 — 489.
8. Тихонова М.В. Энцы // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. — С. 486-544.
9. Токарев С.А. Символика огня в истории культуры // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. - С. 36—41.
10. Тучкова Н.А. Селькупы: Мировоззрение, мифология, культ // Народы Западной Сибири. М.: Наука, 2005. — С. 368-377.

**ЖИТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ВЕРИТЬ
В БУДУЩЕЕ**

Коль в Верхнем Мире все хорошо,
То и в Среднем Мире должно быть ладно
(афоризм из древней легенды).

Недавно мне пришлось погостить в чуме у оленеводов из древнего рода «Еквошаньёх», где хозяйкой является Ёханне Парашь (Прасковья). Она сидела около костра и варила жаркое из оленьего мяса. Рядом с ней сидела её внучка Матя нэ (Машенька) - дочка её сына Микиты (Никита). Ёханнэ очень шустрая, расторопная и аккуратная женщина. В её руках все спорится. Она живет со взрослыми детьми (трое сыновей и семеро дочерей), муж у неё умер, пасут своих оленей и оленей из совхоза «Горковский». Кроме ведения хозяйства, шитья одежды своей семье, она любит рассказывать своим внукам различные легенды, сказки, мифы своего народа. Глядя на свою внучку и на горящий огонь, она говорит, что в каждой сказке - легенде есть различные приметы, предки одухотворяли природу, считали, что все явления имеют душу и могут испытывать разные чувства. «Дорогая моя внученька, - говорит она - мне хотелось бы сегодня рассказать тебе о значении огня у нашего хантыйского народа». Глядя на плавающий огонь в костре, и на свою внучку, она говорит ей: «Посмотри на наш костёр, что ты видишь и

чувствуешь, когда смотришь на него?» — она с любовью смотрит на свою внучку и снова говорит ей: «Внученька, без огня на севере ни один народ жить не может — огонь у народов Севера имеет большое значение. Наш народ, по-особенному относился к огню, считал, что огонь, может, предсказывает ближайшие события. Заходишь с улицы в чум и сразу чувствуешь, как горит огонь в чуме. Иногда, смотришь на огонь, а из огня аж искры разлетаются по чуму на мужские или женские места, это говорит о том, что приедут гости (мужчины или женщины, может быть и семья). Иногда огонь сильно щёлкает и трещит, значит, что-то произошло (хорошее или плохое событие). А если искры мечутся в костре и издают сильные звуки то произошло или произойдёт именно плохое событие. Вот видишь внученька, сколько всего можно рассказывать только про огонь». Наклонившись над костром, Ёханнэ снова взяла речь и говорит своей внучке Матя нэ: «Дорогая моя внученька, огонь наши древние народы, представляли «женщиной в красном халате», которая требовала определенных правил обращения с ней. У многих почтенных родов огонь до сегодняшнего дня священен, приехавшему постороннему человеку нельзя разжигать костёр или топить печку. Девушка - невеста, которую берут в жены в данный род, должна бросить в огонь монету и попросить «разрешения» у огня, разжигать и топить костер данного рода. За не

почтительное или хорошее отношение к себе «огонь» мог наказать или поощрить хозяйку, её род, детей. Сейчас я расскажу тебе моя внученька легенду «Порнын кев» (горы, связанные с Бабой Ягой), где огонь также сыграл большое значение в жизни этого рода. Здесь огонь связан с «Порнын ими» (с Бабой Ягой), ему (огню) отдают злополучный камень, который портил отношения между братьями и их семьями, и весь ужас в этой семье прекращается, после того как огонь «принимает» этот камень у людей и «снимает» все проклятья с этого рода».

«Порнын кев».

Это было давным-давно, много с этих пор воды с Гор утекло, много ветров сточило камни скал, много людей поменялось с той поры...

Жил в те давние годы один старик, бабушку - свою спутницу, потерял при рождении их четвертого сына.

Произошло это осенью, когда олени становятся сильными, мощными, здоровыми. Она с ёра (место загона оленей) выводила четверых быков. Вдруг взлетели куропатки, напугали быков. Быки скрутили верёвку вокруг (беременной) женщины и волоком дёрнули упавшую женщину по камням, кустам.

Когда олени совсем перепутались между собой, остановились, их поймали оленеводы, распутали, но женщина уже не дышала, на ней не было ни единого целого места, она была вся побита.

Старики вызвали шамана из соседнего стойбища, он пошаманил с бубном и ножом вокруг костра целый вечер, и на утро сказал: «Вы находитесь рядом с «Порнын кеват» (горы, связанные с Бабой Ягой). Это она - хозяйка этих гор, отправила вам нечисть, потому что вы прикасались на эту чум-стоянку, и на следующий день не забили в жертву белого оленя, как того требуют обычаи наших народов».

Этого старика, у которого случилось это несчастье, звали Пилькув (Филипп). В данное время у него было трое взрослых сыновей, старшие были женатыми.

О старшем сыне можно сказать, что его звали Микул (Николай), он был рослым, широкоплечим, смугловатым, сильным и коренастым с косичкой на голове, косичка была до лопаток.

Его жена: Вушца (Ульяна), родом от сын-

ских оленеводов – хантов. Когда её сватали, она была очень молчаливой, неразговорчивой, платком закрывалась от сватов.... Но когда стала хозяйкой у Микула – так сразу у неё прорезался голос, всё что не сделает она, всё делает наоборот, ругается, ссорится со всеми членами семьи...

У Микула с Вуштой было двое сыновей и одна дочь. Девочка была маленькой, ела из груди матери молоко. Внуки любили дедушку Пилькува, он им рассказывал сказки по вечерам, легенды, былины.

Второго сына дедушки Пилькува звали Петра (Пётр) он был худощавым, светловолосым, голубоглазым, но его руки были как тиски – крепкими, сильными. Он мог натягивать такую тетиву на луке, которая не посильна ни одному из братьев. Жёну он взял из рыбацкой семьи, родом из селения на реке Собь, которая впадает в реку Обь. Звали её Парашь (Прасковья). У них был один сын - Антун (Антон). Он часто играл с двумя братьями, но Вушца как увидит их вместе, сразу начинает разгонять детей на две стороны. Объединял их только любимый дедушка Пилькув.

Младший сын дедушки Пилькува - Поркув (Борис), ему на днях исполнилось восемнадцать зим. Родился он тогда, когда светила луна, когда были короткие дни и длинные, длинные ночи. По характеру он вспыльчивый, косичка у него короче старшего брата, закрывала шею, под носом появились рыженькие редкие усики, он любил охотиться на диких оленей.

Однажды вечером дедушка сказал: «Завтра с утра нам надо каслать, чум поставим там, где похоронена ваша мама, надо бы помянуть, да забить оленя». Сделав небольшую планировку дня на завтра, семья улеглась спать.

На утро сыновья собрали стадо, хозяйки сняли свой одинокий чум, загнали быков в ёр (место для загона оленей) и завязали каждого быка на своё место на аргише. Первым тронулся аргишь старика Пилькува, за ним старший сын Микул, за ним его жена с тремя ребятами, четвертый аргиш - Парашь с сыном Антоном, а Петра и Поркув тронули стадо вслед за четырьмя аргишами. К вечеру прикасали на чум - стоянку, отпустили оленей в стадо, а женщины совместно со своими мужчинами стали ставить чум.

Через часик уже из чума выходил густой столбик дыма.

За чаем дедушка сказал своим сыновьям пригнать завтра с утра стадо, чтобы забить оленя, а то матушка может разгневаться на свою семью за то, что они забыли про неё, ведь она всё видит так как «её душа» находится на Нум турме (на небе).

Младший сын Поркув говорит: «Отец, может, сегодня забьем оленя, вдруг на завтра погоды не будет, ведь рядом «Порнын кеват» (Горы Баба Яги), и на этих местах бывают часто туманы».

Петра говорит: «Ты, Поркув, постоянно торопишься. Папа сказал завтра, значит, завтра и сделаем это дело». Его слова подхватил и старший сын Микул.

После вечерней трапезы Поркув взял свой лук со стрелами и перед выходом из чума говорит: «Вы как хотите, а я пошел искать «дар» для моей мамы и отдать дань «Порнын кеват». Отец его не пускал, но юного пастуха ничего не могло остановить, и он пошел на поиски дикого оленя.

Вечер, солнце катилось к западу, его дорогу - тропку освещали последние лучи октябрьского солнца. У подножья гор «Порнын кев» он увидел силуэт оленя, подкрался поближе, натянул тетиву на луке и выпустил стрелу с костяным наконечником. Стрела вонзилась в левое бедро, а испуганный олень рванул в гору от страха и боли. Охотник стал преследовать раненую добычу. Пока гнал, не заметил, как осенняя мгла ночи затянула небо. И решил юноша идти обратно домой. Начал спускаться с Горы. Вдруг позади себя слышит женский человеческий голос: «Поркув - сынок, иди ко мне, мы с твоим братиком ждем тебя, вот только зря ты его ранил, ведь он выходил с Гор, чтобы увидеть тебя, своего брата. Сынок, остановись, вынь стрелу из братика».

Поркув не стал слушать человеческую речь, не оборачивается, только и думает, что это ему все кажется, ведь мама умерла шестнадцать лет тому назад, а не родившегося братика никто не видел.

Испуганный голосом матери Поркув мчится с Горы, что есть мочи, падает, поднимается, спотыкается и снова встает, и все торопит спуск свой.

Падая среди камней, сломал лук, растерял свои стрелы, но тетиву с переломанными стрелами он не бросает. Мокрый, потный, весь в

крови к утру пришел в чум. Отец его издали увидел и сказал снохам - невесткам, чтобы ему растопили костёр и ни о чем не спрашивали. Говорит отец - старик в чуме: «Поркув идет с охоты, вид его не пастуха, не оленевода, а вы сделайте, так, как будто вы его не видите и не слышите. Если будете с ним говорить, то у него не выдержит сердце, он может умереть». Только Пилькув договорил, двери берестяного чума «распахиваются» и буквально на самом деле заваливается Поркув. С ходу дошёл до деревянного ковша, набрал воды и залпом выпил.

Поркув кашлянул после выпитой воды и тут же испугался своего голоса, ему кажется, что его всё еще преследует мама.

Снял Поркув мокрые вещи. Люди все потихоньку выходить из чума стали. Парашья растопила огонь и тихонько вышла, Вушта с дочкой остались. Дед глазами и жестами Вуште показывает, чтобы она вышла с ребенком, а она начала смеяться над стариком: «Что ты, дед, на меня так смотришь и размахиваешь тут своими руками! Я не выйду, сам выходи! А ты, Поркув, зачем раздеваешься? Где ты ходил всю ночь? Небось, невестку ходил высматривать в соседнее стойбище? В это время заплакала грудная девочка, Поркув оглянулся и увидел, перед ним сидит его мама с неродившимся братиком. Тогда он сказал: «Мама, я тебя в горах слышал, а теперь ты пришла за мной в наш чум. Сейчас я позову папу, он обрадуется. А мне говорили, что ты отправилась на Нум Туром, когда мне было ещё два годика».

А злая сноха стала над ним по всякому издеваться. Она знала лишь одно - если избавиться от одного брата, то со вторым сводить счёты будет легче, и тогда всё стадо достанется ей и её мужу.

Поркув выскочил на улицу и закричал: «Отец, мама с братиком дома, идите все в чум».

Забегал в чум. От радости, ничего не понимая, забрал у матери ребенка, стал прыгать. Вбежавший брат сбесился оттого, что брат себя так ведёт. Вушта на весь чум кричит: «Поркув хочет убить нашего ребенка, в него вселился бес - милый, убей его!».

Микул, оттолкнув братишку, пытается забрать ребенка. А тот все свое твердит: «Мамочка, братик - они не верят и не хотят меня отпустить к вам, я хочу быть рядом с вами!»

Старший брат бьёт его ладонью по щекам и говорит: «Это Порнын ими (Баба Яга) тобою овладела, она, как убила нашу маму с братиком, так и хочет расправиться со всей нашей семьей».

А жена старшего брата все твердит одно: «Что ты объясняешь ему, видишь он весь не в себе, вынь свой нож - щёхры из ножен, убей его!»

Посмотрев брату в глаза, резко развернулся, посмотрел на жену и произнёс краткую фразу: «По-моему, настоящая Порнын ими это ты!» и бросил на улицу свой острый, заточенный нож (щёхры).

К ним на их ссору заходит в чум старик Пильку. Посмотрел грозно на сноху Вушту, перевёл взгляд на двух сыновей и разгневанно говорит: «Эта беда меня преследовала всю мою жизнь, как умерла моя жена. Я все во сне вижу, что у меня в чуме находится гадкий червь и постоянно кусает меня, хотя я каждый день в костер брызгаю водой, а теперь я свой разгадал сон. Этот червь - ты!» - показывает на сноху пальцем. Подошёл к снохе и выбросил её приданную сумочку - тучан, на улицу. Сумочка упала, а оттуда из тучана выпал камешек. Находящийся на улице Петра увидел хрустально сияющий камешек. Находку подобрал и с женой Парашь зашёл в чум. Камешек тот показал отцу. Отец взял в руки камешек и говорит: «Откуда это у тебя, Петра? Этот камешек с гор Порнын кеват».

Петра говорит: «Услышав вашу ссору, хотел зайти. А из чума как вылетела сумочка «тучан», из которого выпал камешек».

Камешек, как радуга, переливался. Ноги Пильку-отца онемели. Обращаясь к невестке, тихо стал спрашивать: «Дочка, ты не виновата. Скажи, пожалуйста, откуда это у тебя?», «Это мне подарили сваты, приехавшие до Вас. Они сватали меня три года. В первый раз, когда мне было 14 зим, во второй - в 15 зим, а в третий - 18 зим. Родители соглашались меня выдать в 15 зим, но я не хотела за старого, богатого вдовца, у которого жена умерла, когда мне было 13 зим. Этот камушек пришила к тучану мне его мама, а его бабушка сказала, что это мне на память от первых сватов. Как бабка пришила к игольнице, так она у меня и висит на тучане». Вушта заплакала и продолжала: «Ведь я его не любила, как бы я за него выходить посмела. Он мне казался отцом, я люблю только Микуля. Как его увидела, он мне сразу понравился».

Старик покрутил все семь граней камушка, пробормотал какие-то непонятные слова и бросил его в огонь. Камушек, попав в огонь, начал «лопаться», вспыхивать разноцветными искорками.

Пилькув приговаривает: «Бери, Порнын ими, свою потерю, свою частицу, нам, твоего не надо! Огонь - очаг тебе её передаст, ведь вы с ней все можете, а ветер донесет этот дым до тебя, и ты больше не будешь тревожить мою семью и дай спокойно лежать моей жене с сыном! Не тревожь их!».

После этих слов костер разгорелся ещё сильнее, и пламя огня доходило, до киёв (поперечные палки в середине чума). После всего этого костер издал ужасный писк и дед сказал: «Камень Порнын ими забрала и дала об этом знать всем нам».

А сейчас сходите втроем и приведите стадо! Но с собой ничего не берите: ни аркан, ни луки со стрелами».

Братья все посмотрели друг на друга, но никто ничего не сказал, кроме Поркува, он говорит: «Отец, я свой лук поломал, когда спукался с гор, тетиву и сломанные стрелы и лук положил на священное место».

Отец вытащил остатки лука, посмотрел и сказал: «Вы идите в стадо, а с поломкой я сам разберусь».

Братья послушались отца, развязали своих собак, завязанных на улице, и пошли пригонять стадо, которое паслось у подножья гор «Порны кеват».

Вскоре уже слышно было, как где-то недалеко гонят пастухи стадо, ветер доносил лай собак. Вот уже к полудню стадо пришло к чуму, Микуль сказал отцу: «Отец, присоединилось два диких оленя - важенка и теленок, у которого с левого бока стрела Поркува торчит. Они, эти олени, так и хотят увести стадо. Петра и Поркув сейчас охраняют стадо, чтобы дикие олени не увели наших оленей». «Микуль, возьми арканы братьев, отдай каждому, свой аркан и выловите диких оленей, поймайте в начале важенку, а потом теленка».

Братья взяли арканы и выловили диких оленей. Старик Пилькув взял свой аркан и поймал самого белого, здорового быка - минуря жирного оленя, которого держат для еды, потом поймал черную яловую (важенка без теленка) важенку, у обоих спина как стол - жирная.

Минурья завязали со стороны священного места чума, а чёрную яловую - напротив двери. После всего этого Пилькув подошёл к сыновьям и говорит: «Микуль и Поркув, завяжите диких оленей на конец своих арканов, забейте. Поркув, ты вытащишь стрелу и обдерите с них шкуры. Петра, ты забьешь минурья, а я - черную яловую».

Вскоре со всех четырёх оленей были сняты шкуры. Мясо диких оленей закопали в землю, и отец говорит: «Теперь, мои дорогие, спите спокойно! С этой поры Ваш вечный сон никто не потревожит. Порнын ими забрала свой камень и вас она теперь оставит в покое. Это она забирала ваши души и перенесла в диких оленей». В сделанный снохами Вуцтой и Парашь на улице костер, старик бросил в огонь шкуры диких оленей.

Белого быка в жертву принесли «Нум Турому» (Верховному богу), а черную яловую забили богам «Нум Турома».

После ритуала, старик говорит: «Я, когда был совсем маленьким, слышал от своего отца, что они когда-то со своим другом ходили на охоту на поиски диких оленей. Мой отец убил дикого хора. Пока его разделявали, стало темнеть. Отец пошёл с добычей в свое стойбище, а его друг пришёл утром такой же, как Поркув - мокрый от пота, в крови от ссадин, голодный. Его семья увидела отца, и стала ставить чай, накрывать стол. Он зашел в чум, его они стали расспрашивать, а он начал свою речь. Мол, пока ходил, выискивая дикого оленя, забрался на вершины скалы «Порнын кев» и не заметил, как стало резко темнеть и закрыло всю землю внизу туманом. Увидел много разноцветных камней, такие все привлекательные. Подумал, раз не нашёл дикого оленя, можно взять и красивый камень, и показать своей семье и родственникам. Но при этом так и не может разжать ладонь правой руки, а жена его с сыном говорят, мол, где твоя находка? Тут он разжимает ладонь и, посмотрев на камень, падает прямо на пол без чувств. В окровавленной правой ладони засверкало светило с разноцветными гранями - красивый камешек. Через несколько минут, парень приходил в себя и говорит: «Когда я спускался с гор, Порнын ими говорит в затылок: «Оставь камень, оставь камень!», я её не послушался и решил, показать людям то, чего они никогда не

видели, и не имели никогда возможности увидеть такой красивый камень» и сказав ещё что-то, этот парень ушёл в иной мир. А его жена, видимо, забрала этот камушек и от обиды и скорби решила мстить другим людям.

«Вот какую историю об этом камушке я слышал от своего отца», - добавил старик Пилькув.

Над костром, в котором сожгли шкуры диких оленей, теперь уже висел семейный, чугунный котёл, наполненный жирной оленьей. Сваренное мясо разложили по деревянным корытцам для мяса, и семья дружно помянула маму с братиком. Старик Пилькув запретил сыновьям, внукам ходить в сторону гор «Порнын кев».

«Зло сгорело - дети, будьте все счастливы, сыновья, снохи - невестки, внуки» - так окончил свою речь дед Пилькув. Семья дружно сидела у костра: ели мясо, запивали жирным бульоном.

Огонь в костре продолжал спокойно гореть, жаркое из оленьего мяса сварилось. Ёханнэ Парашь улыбнулась и сказала своей внучке: «Сказок и легенд я знаю очень много, их рассказывал своё время твой дедушка, а ему его отец, а отцу его отец. Я слушала тогда и запоминала многие сказки и легенды, которые могу сейчас рассказывать тебе, для того, чтобы ты, когда вырастешь, рассказывала своим детям. Помнишь, я тебе задавала вопрос, как ты реагируешь на огонь в нашем чуме?». Матя нэ ответила: «Бабушка, костёр в нашем чуме сейчас горит очень спокойно и мне приятно смотреть на неё. У меня хорошее настроение и я могу думать и удивляться тому, сколько всего интересного оставили наши дедушки нам, своим внукам». Ёханнэ не выдержала и, поучая, снова говорит своей внучке: «У нас в народе, иногда, говорят, что огонь горит так сильно, как будто два сердца рядом поставили, как будто два ярких пламени горят и стучат в одном костре и не просто так горят они, а о чём-то «говорят». А «говорят» моя внученька о том, чтобы жизнь твоя, также горела, как два ярких пламени, чтобы ты всегда стремилась быть справедливой, быть лучше, чтобы людям рядом с тобой было интересно жить, а также помогала братьям и сестрам».

СТРОЙКИ 502 НА ЯМАЛЕ НЕ БЫЛО

Гриценко В.Н.

С того времени, как в обществе начались разговоры о «сталинке», укоренился миф, что после войны на полуострове Ямал велась железнодорожная Стройка 502 от Полярного Урала (а точнее – от станции Обская) до Мыса Каменного на берегу Обской губы. Кто это придумал первым – нам неизвестно, но многие подхватили, исходя, видимо, из логики. Ведь начальный участок от станции Чум на Полярном Урале назывался «Стройкой 501», а последний заканчивался у берегов Енисея Стройкой 503. Значит на Ямале, то есть, условно говоря, «в середине», конечно, должна была быть 502-я? На самом же деле ни документов, ни свидетельств очевидцев о такой нумерации железнодорожного строительства на полуострове Ямал никто не представил. Впрочем, было одно исключение. Это доцент Тюменского госуниверситета А.С.Пиманов, который в монографии «История строительства железной дороги «Чум – Салехард – Игарка» (1947-1955)» сослался на Приказ МВД СССР от 28.04.1947 г.. Якобы, в тексте приказа упоминается и «строительство 502 ГУЛЖДС МВД, ведавшее строительством порта»¹.

Но это была ошибка исследователя или его опечатка. Ведь упомянутый приказ знаком и нам. Речь в нём идет о Строительстве 503, но не о 502.

Согласно Приказу МВД от 28.04.1947 г. планировалось строительство «морского порта в Обской губе на Мысе Каменном и участка железнодорожной трассы ст. Чум (Новый) – Обское – Яр-Сале – Новый Порт восточнее Уральского хребта»². Уже 1 мая того же года развернулись изыскательские и строительные работы, а 14 апреля следующего, 1948 года Совет Министров СССР утвердил направление

железнодорожной линии к морскому порту на Мыс Каменный по прибрежному варианту: станция Чум – Елецкое седло – Обская – район Яр-Сале – район бухты Находка – район Нового Порта – Мыс Каменный.

«Протокол первой партийной конференции Северного управления МВД СССР», состоявшейся 22 марта 1948 г. в пос. Абезь, сообщал, что на это управление «возложено строительство новой железной дороги от ст. Чум до будущего морского порта в Обской губе. Для осуществления этой важнейшей задачи было образовано Северное управление и Строительство 501». В протоколе говорилось также, что «поставлена задача начать освоение островным порядком участка трассы железной дороги в районе станции Песчаный Мыс на 426 км, где будет создан новый железнодорожный Ярсалинский лагерь со списочным составом ... примерно в 3-4 тысячи человек». И ещё протокол добавлял: «Кроме того Северному Управлению поручено Строительство 503, т.е. морского порта в Обской губе и в этом году на освоение и начало строительства Правительством отпущено 30 миллионов рублей. Таким образом, в Каменном Мысу мы должны организовать в этом году самостоятельный лагерь...»³.

Направление и детали трассы Строительства 501 на полуострове Ямал были, в частности, отражены в сделанном Северной проектно-изыскательской экспедицией ГУЛЖДС «Производственном и техническом отчёте о проектно-изыскательских работах за 1947-1948 гг.»⁴.

Приказом МВД № 00512 от 06.05.1948 г. строительство порта и судоремонтного завода на Мысе Каменном было возложено на Запо-

³ ГАСПИТО, Ф.1571, Оп.5, Д.1, Л.29,30).

⁴ Фонды Центрального музея железнодорожного транспорта, г.Санкт-Петербург, Ед. хр. 7384 // МВД СССР, ГУЛЖДС-Желдорпроект, Северная проектно-изыскательская экспедиция ГУЛЖДС «Производственный и технический отчёт о проектно-изыскательских работах за 1947-1948 гг.». Книга I-II, 1950 год.

¹ Пиманов А.С., История строительства железной дороги «Чум – Салехард – Игарка» (1947-1955), Тюмень, 1998. С.7.

² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960. Справочник. М., 1998. С.226

лярный ИТЛ и Строительство 503, а восточного участка железной дороги – на Байдарацкий ИТЛ. Приказ гласил: «Границу Обского и Байдарацкого ИТЛ установить в зависимости от характера распределения по трассе и условий транспортировки и разгрузки материальных ресурсов (Приказ МВД № 00513 МВД от 06.05.1948 г.)⁵.

Байдарацкий (он же в некоторых документах – Байдарский) исправительно-трудовой лагерь (Байдарлаг) был организован Приказом МВД № 00513 от 06.05.1948 г., а закрыт Приказом МВД № 0591 от 29.09.1948 г.. Приказ устанавливал: «Ликвидировать... для оздоровления финансов. ... с 01.10.1948 г. руководство ... возложить на Северное Управление лагерей железнодорожного строительства. Производство: строительство восточного участка линии от ст. Чум через Обское, Яр-Сале к Новому Порту»⁶.

Организационная (а соответственно и документальная) история послевоенного строительства на полуострове сложна и запутана. Так в наиболее полном информационном издании на тему: в справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960» сообщается, что Мыс Каменный с 10.09.1947 был местом дислокации «Заполярного ИТЛ и Строительство 503». Производством его было «строительство морского порта и судоремонтного завода Главсевморпути на Мысе Каменном». По данным составителей справочника закрыто оно было «между 01.10.48 и 05.02.49»⁷

Количество заключенных-строителей непосредственно на полуострове Ямал установить пока не удалось. Известно только, что их общее число вместе с участком от станции Чум до Мыса Каменного достигало 36935 человек.⁸

Строители трассы и порта на Ямале до глубокой зимы вынуждены были ночевать в палатках и наспех вырытых землянках. Как гласила одна из докладных записок, строительство бараков тормозилось «недостатком пиломатериалов, гвоздей, кирпича, стекла и других материалов, послуживших основной

причиной задержки».⁹ И даже к марту 1949 года, когда планируемые бараки были возведены, но снегу оставалось быть нарастающим ещё три месяца, под жильё заключенных по-прежнему использовалось 30 палаток, а в построенных бараках не хватало более трети нар, не говоря о прочем. Большинство зон здесь, в условиях полярной ночи не было даже освещено электричеством. При этом во многих зонах отсутствовали вышки, вахты и изоляторы. Так что от эсковых побегов предохраняла в основном суровая до жестокости природа Заполярья. И, между прочим, на 1 января 1949 года в бегах числилось 49 человек.¹⁰ «Докладная записка о состоянии и обустройстве лагерей Строительства № 501 и № 503 Северного Управления Лагерей и ж.д. строительства МВД СССР, в частности, сообщала: «Условия заполярной скоростной стройки резко отличаются от большинства другихстроек и лагерей. Так, например, полное отсутствие дорог в заболоченной тундре не дает возможности производить своевременный завоз необходимых ресурсов для строительства домов, бань, прачечных и т.п., из-за отсутствия которых в период освоения новых участков белье не стирается долгое время, обмундирование не сушится, прет от грязи и постоянной влажности, от повышенного количества атмосферных осадков, быстро изнашивается от ночевки у костров или в палатке на голых нарах из местных жердей, от работы в болотистой тундре, покрытой местами колючим ерником... Причем, необходимо отметить, что суррогатные и керзовые ботинки в болотистой тундре абсолютно не пригодны и расползаются буквально через 2-3 недели их носки».¹¹

Узнав из сухих официальных документов отдельные штрихи картины, хочется сказать, что невозможно представить степень тяжести для заключенных не только труда, но и простого их нахождения в ямальской тундре, их ночевки и перемещений.

К 1 января 1949 года был уложен путь, и открылось движение поездов от станции Чум до станции Лабытнанги. В Северном управлении организовали строительные подразделе-

⁵ Система ... С.341

⁶ Там же, С.153

⁷ Там же, Л.100, 101, 102, 110, 111.

⁸ Там же. С.341.

⁹ ГА РФ, Ф.9407, Оп.1, Д.1171, Л.99

¹⁰ Там же, Л.100, 101, 102, 110, 111.

¹¹ Там же, Л.116, 117.

ния, расположенные в поселке Новый Порт и на Мысе Каменном. После детальных работ 1948 г., проведенных Портовой экспедицией ГУСМП, были выявлены весьма сложные и тяжелые природные условия для строительства морского порта на Мысе Каменном, которые влекли за собой большой объем строительных работ, сложность их выполнения и высокую себестоимость. Вопрос о строительстве морского порта на Мысе Каменном был коренным образом пересмотрен. 29 января 1949 Постановлением Совета Министров СССР строительство морского порта, судоремонтного завода и жилого поселка было перенесено в район города Игарка на реке Енисей.

Преобразование «Строительства 503» как строительство порта на берегу Обской губы в районе Мыса Каменного в создание железнодорожной магистрали от города Игарка на реке Енисей до реки Пур и сооружение порта на Енисее фиксировалось, в частности, «Объяснительной запиской к отчету по капитальным вложениям Северного Управления и Строительства № 503 МВД СССР за 1949 год». Документ сообщал: «Строительство № 503 организовано в марте месяце 1949 года на основании постановления Совета Министров СССР от 29 января того же года, изменившего направление железнодорожной линии Чум – Обская – Щучье - Каменный Мыс на новое направление Чум – Обская – Салехард – Ермаково - Игарка»¹²

Применение в данном случае словосочетания «Строительство № 503 организовано» было явно некорректным, оно позднее запутало практически всех исследователей темы. На наш взгляд, гораздо более подходящим ситуации было бы выражение «Строительство 503 перенесено». Но, так или иначе, теперь на бывшее ямальское мыскаменское Строительство № 503 было возложено сооружение железнодорожной линии от города Игарки Красноярского края через поселок Ермаково до правого берега реки Пур общим протяжением 601 км и создание морского и речного порта, судоремонтного завода и жилого поселка в городе Игарке на реке Енисей (Там же). А на полуострове Ямал «подлежали ликвидации все строительные и подсобно-вспомогательные

подразделения, находившиеся на трассе Обская – Излучина – Щучье - Новый Порт - Каменный Мыс». Приказ МВД предусматривал «с наступлением навигации 1949 года приступить к вывозу людских и материальных ресурсов из Мыса Каменного, Нового Порта, Находки и Яр-Сале и закончить её не позже 1 октября 1949 года».¹³

Так на полуострове Ямал в сталинскую эпоху заканчивалась история железнодорожного строительства, которое в общественном мнении позднее ошибочно получило наименование «502-й стройки».

Мы познакомились с проектной документацией железнодорожной линии на Ямале, в нашем распоряжении имеются сканированные документы. Например, титульный лист «Жел.-дор. линия № 501. Подробный инженерно-геологический продольный профиль. Участок ст. Обская – ст. Щучья. Салехард, 1948»¹⁴, или угловой штамп чертежа «Технического проекта железнодорожной линии № 501. Участок ст. Обская – ст. Каменный мыс», датированный 23 ноября 1948 г.¹⁵

Бывший заключенный на 501-й стройке, а затем житель города Надыма, инженер-дорожник Иван Дмитриевич Марманов тоже в 2006 году заявлял: «Хочу с уверенностью сказать, что 502-й стройки на севере Тюменской области не было. Но несколько этапов с 502-й в Надым прибывало в 1951 году. Мой друг «Лама» - Цурен Цуренов – прибыл как раз с 502-й. То ли с объекта «Улан-Удэ – Улан-Батор», то ли с дороги «Тайшет – Абакан».

Строительство дорог и аэродромов велось под большими (сотенными) номерами. Такие железные дороги, как «Ивдель – Обь», «Абакан – Тайшет», железная дорога на р. Лену, «Дербент – Каракум», железные дороги в Монголии – все они были под номерами. Даже такие маленькие, как «Богословск – Кадлинск».¹⁶

Одним из многочисленных подтверждений сказанного И.Д.Мармановым может служить документ под грифом «Совершенно секретно»: «Сведения о побегах заключенных из

13 ГА РФ, Ф.Р-9401, Оп.12, Д.154, Т.2, Л.535.

14 Фонды ОАО «Ленгипротранс», г. Санкт-Петербург

15 Там же

16 Полевые материалы В.Н.Гриценко. // Интервью с И.Д.Мармановым, г.Надым, 12.06.2006 г.

12 ГА РФ, Ф.Р-9407, Оп.1, Д.1079, Л.1.

ИТЛ, УИТЛК, ОИТК МВД-УМВД по телеграфным данным за декабрь 1949 и 12 месяцев 1950 г.».¹⁷ В данном документе фигурируют стройки СССР под номерами 505, 506, 507. В других документах нам встречались упоминания о стройках 500, 508, 509, 510, 511, 513, 514, 560, 565 и т.д., вплоть до 1418. Например, Строительство 500, учрежденное в 1943 г., явилось очередной формой организации

строительства Байкало-Амурской магистрали, которую начинали возводить ещё в 1932 г. Стройка 505 с 1947 по 1953 гг. являла собой сооружение железной дороги Улан-Батор — Улан-Удэ.

Мы допускаем, что где-то была и Стройка 502. Может быть, очень недолго. Вероятно, в Восточной Сибири или на Дальнем Востоке. Но не на полуострове Ямал.

¹⁷ ГА РФ, Ф.Р-9401, Оп.6, Д.18. Л.220.

СОВЕТСКИЕ ПРОГРАММЫ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА:
ФАКТОР ЧЕЛОВЕКА*Карнов В.П.***Последовательность советской северной политики**

Советский Союз на протяжении большей части XX века отличали от других стран огромные географические размеры государства и стремительно растущий индустриальный вес районов нового освоения восточнее Урала – в Сибири и на Дальнем Востоке. Они в народнохозяйственных планах традиционно рассматривались как единый макрорегион. Решающую роль в освоении новых районов играло государство. Это было обусловлено не только спецификой «плановой социалистической экономики», но и всем многовековым опытом движения России на северо-восток.

Сдвиг на Север происходил в связи с форсированной индустриализацией, растущим спросом на сырье и энергию. Затратный характер советской экономики обусловил и в последующем стремительное развитие добывающих отраслей, а наиболее крупные месторождения угля, черных и цветных металлов, нефти и газа, а также других полезных ископаемых сосредоточены на окраинах страны, в северных или приравненных к ним районах. Это Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, северные районы Томской области, северная часть Красноярского края, северные районы Иркутской, Читинской, Амурской, Сахалинской областей, Бурятской республики и Хабаровского края, Магаданская и Камчатская области, Якутская автономная республика. Реализация крупных социально-экономических программ разворачивалась в основном именно на этих территориях.

Хотя преследовались, прежде всего, военно-политические задачи, были достигнуты и существенные экономические, научно-технические результаты. Затратные в краткосрочной перспективе проекты обернулись значительным выигрышем в последующем. Эффективность северной политики СССР подтвердила Мировая война, когда промышленные предприятия, построенные в 1930-е годы, внесли важный вклад в победу, а Севморпуть,

ставший главным инструментом освоения Севера в предвоенные годы, стал еще более востребованным в ходе войны и послевоенный период.

Проблемы индустриального освоения Севера имели, безусловно, большую специфику по сравнению с развитием старопромышленных районов. Общеизвестно, что большие трудности на северо-восточном направлении создавали огромные расстояния при низкой плотности населения, неразвитость инфраструктуры в РНПО, зачастую полное отсутствие местных индустриальных кадров, ухудшение природно-климатических условий по мере продвижения в высокие широты. Однако «являясь, в сущности, крупнейшей в мире корпорацией, советская экономика умело использовала присущие любой крупной корпорации сильные стороны: возможность планировать и осуществлять долгосрочные планы, использовать колоссальные финансовые ресурсы для развития приоритетных направлений, осуществлять крупные капиталовложения в короткие сроки, тратить большие средства на научно-исследовательские работы и т.д.» [1].

Возможно, не бесспорной, но заслуживающей внимания является точка зрения, объясняющая саму возможность советского варианта модернизации страны естественно-природными факторами и экстенсивными резервами роста экономики. «Никогда не удалось бы построить «социализм в отдельно взятой стране», – пишут географы В. Шупер и А. Трейвиш, – если бы эта страна (СССР – В.К.) не обладала огромной и разнообразной территорией, где представлены почти все природные условия и почти все мыслимые ресурсы» [2].

После прихода к власти большевиков для подготовки районирования сибирской территории было создано Сибирское бюро, которое при поддержке плановых, хозяйственных и научных организаций проводило подготовку как теоретико-организационных основ экономического районирования Сибири, так и его непосредственного проведения на местах.

В освоении арктических территорий Сибири большую роль сыграло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 июля 1934 г. «О мероприятиях по развитию Северного морского пути и северного хозяйства», которое намечало к реализации обширную программу хозяйственного и социального развития сибирского Севера.

Масштабные проекты в Сибири в 1930-е и 1950-е-80-е гг. были реализованы в результате мобилизации государством беспрецедентных ресурсов под прямым руководством Политбюро ЦК КПСС, использующего рычаги партийного и государственного аппарата. Сдвиг в сторону восточных районов привел к тому, что только за 1939-1989 гг. население Сибири и Дальнего Востока увеличилось более чем в два раза — с 15,6 до 32,1 млн. человек. На ранее безлюдных территориях появились современные города, почти в пять раз выросло число городских жителей [3]. В конце 1980-х гг. Сибирь обеспечивала в СССР практически весь прирост в добыче нефти и газа, угля, производила значительную часть продукции черной и цветной металлургии, химии и нефтехимии, глубокой переработки древесины.

Личностный фактор

Преемственность задач экономической политики на северо-восточном направлении не отменяет роли неэкономических факторов в определении того или иного варианта развития событий. Успехи или неудачи в разработке и реализации государственных программ во многом зависели от роли отдельных руководителей государственного и местного уровня, качества политической и хозяйственной элиты, степени готовности общества участвовать в решении поставленных властью задач. Р.Г. Пихоя подчеркивает, что особая роль Политбюро как центра всей государственной системы управления СССР приводила к тому, что каждый член Политбюро означал больше, чем государственный чиновник высшего ранга, — он являлся еще и непосредственным источником власти для многочисленных подведомственных ему партийно-государственных структур. В этих условиях субъективный фактор, отношения в Политбюро, определение симпатий и антипатий имело политическое значение, а расстановка сил в органе, представлявшем

нервный узел всей государственной системы управления, определяла вектор государственной политики страны [4].

Ярким примером этого может быть принятие решения по Урало-Кузнецкому проекту, ставшему прообразом будущих территориально-производственных комплексов СССР. По вопросам реализации проекта развернулась острейшая политическая борьба. Ряд лидеров РКП(б)-ВКП(б) во главе с Л.Д. Троцким выступали за специализацию Сибири в области производств, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье на экспорт и создание путей сообщения, отказывая ей в необходимости иметь тяжелую промышленность. Противниками Урало-Кузбасса были и руководители ЦК КП(б) Украины во главе с Л.М. Кагановичем, добивавшиеся признания за Украиной исключительного права на развитие черной металлургии. Поддерживали программу Урало-Кузнецкого комбината (УКК) Ф.Э. Дзержинский, В.В. Куйбышев, К.К. Орджоникидзе. Важную, если не определяющую, по мнению профессора М.М. Ефимкина, роль сыграл И.В. Сталин, занявший решительную позицию в поддержку УКК [5].

Личностный фактор в реализации советских проектов играл большую роль и в последующем. Известно, что «при одних и тех же исходных ресурсах и условиях, доставшихся по наследству от прошлого, можно по-разному действовать и распоряжаться этим наследством» [6]. Документы из тюменских архивов свидетельствуют о том, что со второй половины 1970-х гг. высшее руководство страны вяло реагировало на предложения Тюмени, касающиеся ЗСНГК. Об инертности стареющего Политбюро ЦК КПСС в принятии принципиальных решений по ЗСНГК вспоминает бывший член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев. «Да, в конце 70-х гг. накопились нерешенные проблемы. Руководство уклонялось от принятия кардинальных мер», — пишет он [7]. Более резкую оценку ситуации дает Ю. П. Баталин. «Тогда же (в 1970-е годы — В.К.), — пишет бывший заместитель министра нефтегазового строительства СССР, — для меня стал проявляться весь трагизм положения... более или менее серьезные решения по стратегии и тактике социально-экономического развития страны принимались «коллективным разумом

партии», где преобладал так называемый интеллект Брежнева, Кириленко, Подгорного, Сулова...» [8].

Учёные задаются вопросом: «Не являлась ли сама деградация уровня государственного руководства в этот период неизбежным следствием пороков советской политической системы, которая не генерировала талантливых руководителей, а предпочитала им удобных посредственностей типа Хрущева и Брежнева?» [9]. Бесспорно одно: уязвимость советской политической системы заключалась в том, что принятие судьбоносных для страны решений зависело от очень узкого круга лиц — членов Политбюро ЦК КПСС.

Не отрицая ведущей роли высших партийных и государственных инстанций в реализации политического курса, Е.Т. Артёмов определяет численность должностных лиц, причастных к принятию стратегических решений, в десятки тысяч человек. Но быть причастным и принимать решение — не одно и то же. Не случайно Е.Т. Артёмов называет метким замечание П.Грегори, касающееся роли последнего руководителя КПСС в развале советской экономики: «Горбачёв создал худшее, что можно было придумать, — безголового монстра, потерявшего ориентацию. Оставленный на произвол судьбы, этот монстр топтался во тьме, не направляемый ни министерствами, ни рынком. Экономика оказалась в состоянии свободного падения» [10].

Конечно, о гомогенности управленческой системы можно говорить лишь с определенной долей условности. Ее институты обладали известной самостоятельностью. Ответственность за проведение государственной политики на местах несли, в первую очередь, региональные партийные лидеры, которые на этапе подготовки решений (постановлений ЦК КПСС и СМ СССР) могли существенно влиять на судьбу того или иного проекта. От их позиции очень зависело взаимодействие общегосударственных, региональных и ведомственно-отраслевых групп интересов, разрешение возникавших при этом конфликтов. Обращаясь к предыстории ЗСНГК, можно увидеть, что в отношении Тюмени также обсуждались разные сценарии развития. Профиль индустриализации региона в конце 1950-х — первой половине 60-х гг. зависел от исхода ожесточенного про-

тивостояния гидроэнергетиков и нефтяников. Не исключено, что именно в связи с планами создания каскада гидроэлектростанций на Тюменском Севере Москва в 1961 г. назначила на должность первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербину, имевшего опыт партийного руководства сооружением Иркутской ГРЭС. Хотя Щербина и называл себя «повивальной бабкой» тюменского нефтяного «Муромца», в конфликте сторонников и противников строительства Нижне-Обской ГРЭС он никак себя не проявил. Зато другого тюменского руководителя — первого секретаря Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протозанова (в 1963-64 гг.) по праву называют сегодня лидером тюменской нефтегазовой революции.

Благодаря «волевым» (по определению председателя Средне-Уральского совнархоза В.В. Кротова) действиям Протозанова появилось знаменитое Постановление Совета Министров СССР «Об организации подготовительных работ по промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений и о дальнейшем развитии геологоразведочных работ в Тюменской области» (4.12.1963 г.), был создан Главтюменнефтегаз с правами совнархоза (1965 г.), ускорился весь комплекс работ по созданию ЗСНГК [11]. Таким образом, выбор решения по Тюмени был во многом обусловлен личностным фактором.

Теория и практика

В плановой социалистической экономике акцент был сделан не на план, целесообразность которого очевидна, а на мобилизационную роль государства, как единственного субъекта плановой политики, монополиста плановости. В соответствии с пониманием руководящими органами «высших интересов» задавались параметры пятилетних и долгосрочных планов, на основе которых принимались предписания различной степени детализации, «что, где, когда и как» делать [12].

А.И. Тимошенко отмечает, что в силу объективных и субъективных причин РНПО существовали как бы в двух измерениях: идейно-теоретическом, заключавшем в себе главные стратегические идеи и проекты, разрабатываемые порой в течение десятилетий, и реальном, связанном с практикой (конкретными пла-

нами) строительства предприятий и населенных пунктов [13]. Теория, как правило, расходилась с практикой. В Программе КПСС, принятой на XXII съезде (1961 г.), записано: «Города и поселки должны представлять собой рациональную комплексную организацию производственных зон жилых районов, сети общественных и культурных учреждений, бытовых предприятий, транспорта, инженерного оборудования и энергетики, обеспечивающих наилучшие условия для труда, быта и отдыха людей» [14]. Партийно-государственными директивными документами запрещалась застройка городов и поселков в РНПО без утвержденных схем районной планировки.

На деле в РНПО Тюменского Севера стихийно реализовалась ведомственная модель градостроительства, предусматривавшая возведение городов и рабочих поселков непосредственно у месторождений. Так в 1980-е – начале 1990-х гг. появились города Мегион, Нягань, Когалым, Лангепас, Радужный, Белоярский, Пыть-Ях, Лянтор, Покачи, Югорск – в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО), Губкинский, Муравленко, Ноябрьск, Тарко-Сале – в Ямало-Ненецком (ЯНАО). С досадой по этому поводу вспоминал главный архитектор Тюменской области В.А. Бешкильцев: «В 1980-е годы из-за беспринципной позиции Центра: “стройте что хотите и где хотите”, нефтяники все-таки добились строительства небольших городов-поселков» [15].

Термин «плановая» часто интерпретируется в литературе как «научно-обоснованная». Однако известно, насколько произвольно «задирали» плановые задания первых пятилеток Сталин. При этом использовались огромные возможности тоталитарного государства, способного жертвовать краткосрочными интересами населения. А в «позднем» СССР о научной обоснованности планов трудно говорить по другой причине: советская мобилизационная модель столкнулась с таким ростом масштабов экономики и усложнением хозяйственных связей, когда планировать и контролировать все процессы из одного центра стало просто невозможно. Как вспоминал начальник подотдела нефтяной промышленности Госплана СССР В.П. Патер, в 1980-е гг. годовые планы уже не соответствовали пятилетним, а реальные показатели отличались и от тех, и от других» [16].

Со временем производственно-идеологическая машина управления превращалась во все более громоздкую и сложную, а ее «узлы» и «детали» обуславливали всё большее число «увязываний» и согласований. Следствием этого стало разрастание управленческого аппарата. Проведенные в 1983–1984 гг. Тюменским областным финансовым управлением проверки вскрыли сотни сверхштатных работников в аппаратах управления ведущих главков ЗСНГК: в Главсибтрубопроводстрое – 182, в Главтюменгазпроме – 262, в Главтюменнефтегазе – 956 (!) [17].

Произвольные корректировки планов как причина экстремальных условий производства

Постоянные корректировки плановых заданий сопровождали всю историю создания ЗСНГК. В Постановлении Совета Министров СССР от 19 мая 1962 года «О мерах по усилению геологоразведочных работ на нефть и газ в районах Западной Сибири» ставилась задача в 1970 г. добыть 5 млн тонн нефти. Но в том же 1962 г. Тюмень принимает решение добыть в 1970 году не пять, как определено правительством, а десять млн тонн. В 1966 году при подготовке Директив XXIII съезда по восьмой пятилетке (1966–1970 гг.) обком увеличивает эту цифру вдвое – 20 млн тонн. Фактически же в 1970 г. было добыто 28 млн тонн, то есть почти в шесть раз больше намеченного в 1962 г. [18].

Очевидно, что в соответствии с цифрами плановой добычи нефти определялись и задания по приросту жилья, соцкультбыта, строительству дорог, росту трудовых коллективов, поэтому изменения планов в сторону произвольного увеличения вели к дезорганизации всей жизни в РНПО. Перед началом XI пятилетки (1981-85 гг.) нефтяников ориентировали на то, что в Западной Сибири в 1985 г. будет добываться 340 млн. тонн нефти. Под этот уровень были спланированы объемы строительства, энергоснабжения, выпуска техники, утилизации попутного газа, обеспечения кадрами, социальное развитие. В ходе пятилетки задание по приросту добычи неоднократно увеличивалось и с 40 млн. тонн возросло до 80 млн. т. Планы же смежных отраслей существенно поправлены не были. О том, как это отразилось на организации производства и труда сказал первый секретарь Томского обко-

ма КПСС А.Г. Мельников: «Нефтяникам Сибири часто приходится работать, как говорят, в экстремальных условиях. Это верно! Но немало таких условий создается не природой, а самими людьми» [19].

Планы одиннадцатой пятилетки (1981-1985 гг.) по добыче нефти, как показывали расчеты сибиряков, были невыполнимы. К началу 80-х гг. в нефтегазодобывающих районах накопилось отставание в обустройстве новых месторождений, в строительстве промышленных дорог, жилья, объектов соцкультбыта. Но Москва не принимала никаких возражений территории. «Тюмень оценивают в первую очередь по тому, как добывается здесь нефть... Самая большая просьба и требование ЦК партии, Совета Министров СССР – обеспечить бесперебойное снабжение народного хозяйства нефтью... [20]. – Так закончил свое выступление перед делегатами XX Тюменской областной организации КПСС в декабре 1985 г. заместитель председателя Совета Министров СССР (в прошлом 1-й секретарь Тюменского обкома КПСС) Б.Е. Щербина.

Социокультурный фактор

Советские лидеры связывали успехи страны с экономическими достижениями. Однако они не учитывали необходимую связь между экономическим ростом с одной стороны и духовной, политической свободой и научным творчеством – с другой. Советская экономика была экономикой «дешевого» человека. Пренебрежение его интересами было особенно заметным в районах нового промышленного освоения. Вот только одно, но яркое свидетельство в подтверждение. Илья Эренбург, побывавший на строительстве Кузнецкого металлургического комбината (КМК) в начале 30-х гг., написал о бытовой повседневности строителей: «День и ночь рабочие строили бараки, но барачников хватало. Семья спала на одной койке. Люди чесались, обнимались и плодились в темноте. Они развешивали вокруг коек трухлявое зловонное тряпье, пытаясь оградить свои ночи от чужих глаз, и бараки казались одним громадным табором. Те, кто не попадали в бараки, рыли землянки...» [21].

Несмотря на то, что уже при создании Урало-Кузнецкого комбината стало понятно, что производство не может долгое время ра-

ботать эффективно без решения социальных проблем, те же просчеты повторялись при реализации Ангаро-Енисейской программы в 1950-е гг. и Западно-Сибирской нефтегазовой – в 1960-80-е гг. В 1970 г. город тюменских нефтяников Урай писатель К.Я. Лагунов увидел таким: «Землянки прилепились к крутому берегу речки Колосы, как ласточкины гнезда к карнизу. Невообразимо живописные строения из тарных дощечек, горбылей, шифера, кусков жести и теса. Над заваленными снегом крышами, дымящимися окурками торчат трубы... Эта шеренга землянок называлась улицей Пионеров» [22]. Картина, увиденная тюменским писателем, очень напоминает ту, что на 40 лет раньше описал И. Эренбург.

Со временем у людей накапливалась усталость от мобилизационного режима. Менялось и само общество, уровень его образования, общая культура, отношение к коммунистической идеологии. В 1970-е — 80-е годы на настроении северян не могли не отразиться эти перемены. Другим, более прагматичным становилось поведение людей. Сомнению подвергалась целесообразность столь высоких темпов развития нефте- и газодобычи в условиях нарастающего отставания социальных и производственных тылов. «Ухудшалось самочувствие населения, - пишет М.Г. Ганопольский. – Люди, еще недавно не только именовавшиеся, но и по-настоящему чувствовавшие себя первопроходцами, покорителями северных просторов, героями трудовых будней, понимают, что превратились в заложников процесса освоения. Многие из них, приезжая на Север, хотели использовать возможность начать новую жизнь на новом месте. Теперь они приходят к выводу, что использовали их самих» [23].

В 1950-80-е годы государственная политика становилась более человеческой, уровень жизни, безусловно, вырос, но приоритеты сохранялись неизменно: сначала завод, потом город, дороги, жилье, магазины, поликлиники... Количество таких «жилищ» как балки и вагончики на Севере практически не уменьшалось. В Ямало-Ненецком округе их насчитывалось в 1962 г. 12 978, а в начале 1990г. – 12 179, число проживающих составило соответственно 43 448 и 44 319 человек [24]. Михаил Горбачев, в сентябре 1985 г. посетивший г. Нижневартовск, был удивлен социальными проблемами

«нефтяного города»: «Как же так – в двухсот-тысячном городе нефтяников, добывающих на Самотлоре едва ли не половину советской нефти, нет элементарного кинотеатра, а население выпивает водки в три раза больше, чем молока!» [25].

Для оправдания однобокой, топливной ориентации развития Севера использовался тезис о том, что от расширения сырьевой базы выигрывает вся экономика СССР. Преодоление же односторонней специализации РНПО относилось в будущее. Утверждалось, что по мере развития производственной инфраструктуры произойдет «быстрое нарастание их комплексности, что приведет к «более рациональному территориальному распределению общественного труда». Даже на излете советской эпохи это утверждение почти дословно повторяло формулировки в предвоенных планах правительства. На практике и в позднесоветской экономической системе РНПО оставались поставщиком стратегических сырьевых продуктов, отдавая Центру гораздо больше, чем получали обратно [26].

Смягчение диспропорций в территориальном перераспределении ресурсов постоянно закладывались в пятилетние планы. Однако их задания в отношении восточных районов не выполнялись. Причиной тому был ведомственный характер освоения Севера. Мерилом оценки деятельности министерств и ведомств был объем производства определенных видов продукции, а «стратегические цели, общегосударственные нужды и пропаганда успехов коммунистического строительства интересовали их в гораздо меньшей степени» [27]. Издержки односторонней, транспортно-энергетической специализации Севера не удалось преодолеть и современному Российскому государству. Приоритетом остается добыча и, в лучшем случае глубокая переработка сырья, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры.

Неусвоенные уроки

В постсоветский период сложилась крайне неэффективная система хозяйствования, неадекватная как современным закономерностям экономического роста, так и ценностно-смысловым мотивам поведения подавляющего большинства населения [28]. «При всех

свирепостях и нелепостях советской власти ей удалось создать очень мощную научно-техническую цивилизацию, которая сегодня разрушается», пишет директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг. Ссылаясь на результаты анализа, осуществленного его институтом, Гринберг еще в 2010 г. предупредил, что до окончательного разрушения отечественной экономики осталось всего 7-8 лет [29].

Критикуя негативный советский опыт, нельзя, во-первых, отрицать значимость для современного социально-экономического развития страны теории комплексного и системного развития производительных сил государства, рационального и планового использования природных ресурсов. Недра РФ должны служить росту благосостояния всего российского общества, а не обогащению кучки дельцов и отдельных кланов. Во-вторых, нельзя повторять негативный опыт в той его части, который касается роли человеческого фактора в хозяйственном развитии. Объективное состояние человеческого потенциала советской экономики не предвещало столь резкого падения экономической активности в период постсоветских реформ. Современные проектанты, похоже, плохо знают историю, потому что исповедуют старый принцип: «минимум затрат – максимальная прибыль», игнорируя необходимость «удорожания человека». Само понятие «минимум затрат» обосновать инженерными расчетами невозможно. На практике реализация этого критерия всегда в конечном счёте приводит к экономии на человеке. Задача заставить работать реальный сектор экономики, науку и образование России с эффективностью финансовых институтов или шоу-бизнеса, т.е. в соответствии с названным выше принципом, по мнению экспертов, не имеет решения [30].

При обосновании стратегических проектов развития Сибири и всего Севера России, включая Арктику, нельзя применять только рыночные критерии. Советский опыт показывает, что окупаемость «северных» и тем более «арктических» инфраструктурных проектов может проявиться лишь через 20-30 лет, а ставка на достижение «сиюминутных выгод» грозит в последующем существенными потерями для страны [31].

Примечания

1. Цит. по: Бодрова Е.В. и др. Нефтегазовый комплекс в контексте реализации государственной научно-технической и промышленной политики СССР и Российской Федерации (1945-2013 гг.). М., 2013. С. 63.
2. Трейвиш А., Шупер В. Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23.
3. Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Сборник научных трудов. Вып. 1. Новосибирск: Сибирское научное издательство. 2010. С. 7.
4. Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985-2005. М., 2007. С. 120-121.
5. Ефимкин М.М. Формирование индустриальной базы на Востоке России в XX столетии: необходимость и закономерность // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Вып. 1. С. 43.
6. Красильщиков, В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 136.
7. Лигачев, Е. К. Подвиг века // Нефтяная эпопея Западной Сибири / Редкол.: Крол М. М. и др. М., 1995. С. 60.
8. Баталин, Ю. П. Маршрут выбирает инженерная совесть // 100 лидеров промышленности и науки содружества. Очерки, репортажи, диалоги по итогам конкурса: «СНГ: директор года». Кн.8. М., 2003. С. 8.
9. Цит. по: Бодрова Е.В. и др. Указ. соч. С. 64.
10. Артёмов Е.Т. Экономическая стратегия в советской модели модернизации // Российские модернизации XVIII-XX вв.: взаимодействие традиций и новаций: Сб. науч. статей ИИиА УрО-РАН и УрГУ/ отв. ред. Е.Ю. Казакова-Апкаримова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. С. 111, 120.
11. Карпов В.П., Колева Г.Ю. Александр Протозанов, Борис Щербина и тюменская нефть // Нефтяное хозяйство. 2013. № 9. С. 126-128. Артёмов Е.Т. Экономическая стратегия в советской модели модернизации. С. 114.
13. Тимошенко А.И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950-1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. С. 158.
14. Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 391. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М.: МЦА «Суханово», 2004. С. 199.
16. Славкина М.В. Байбаков. М., 2010. С. 150.
17. Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. С. 96.
18. Карпов В.П. Б.Е. Щербина – организатор создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. 2011. № 6. С. 85-86.
19. Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. С. 105. Карпов В.П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Тюмень: ТюмГНГУ, 2005. С. 114. Цит. по: Исаев В.И. Формирование населения Новокузнецка в процессе советской урбанизации // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – начале XXI вв. Вып. 1. С. 107, 109. Лагунов К.Я. После нас... // Наш современник. 1989. № 5. С. 104. Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие. Тюмень: ТюмГНГУ, 1998. С. 121. Фатеев А. Как ликвидировать бараки // Тюменские известия. 2011. 7 дек. С. 3. Славкина М.В. Время не ждет. М: «Центр», 2009. С. 176. Артёмов Е.Т. Восточные регионы России: историческая преемственность экономической политики // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 4 (96). С. 188.

27. Там же. С. 189.

28. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 2010. С. 208.

29. Гринберг Р.С. Контуры новой экономики: мировые тенденции и российская специфика // Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке / отв. ред. А.Н. Аринина. М., 2010. С. 178.

30. См.: Велихов Е.П., Бетелин В.Б., Кушниренко А.Г. Промышленность, инновации, образование и наука в России. М., 2009. С. 4.

31. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории / отв. ред. В.А. Ламин, В.Ю. Малов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 182.

**ШИРОТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ РОССИИ:
АРКТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

В.Ю.Малов.

Освоение арктических регионов России немислимо без осуществления «транспортного прорыва» на эти территории. Основой водного широтного транспортного коридора является Северный морской путь. Среди наиболее перспективных широтных железнодорожных магистралей первой половины 21 века в России следует выделить Северосибирскую: Ванино –Лесосибирск – Сургут - Архангельск (или Индига) и Полярную: Салехард – Норильск – с продолжением до порта Хатанга или до Якутска.

Идея создания Великого Северного пути, связывающего исключительно по территории России два океана – Северный Ледовитый и Тихий – была высказана еще в начале 20 века, когда Транссиб оказался на грани своих провозных способностей, а вектор промышленного развития неумолимо смещался на Север. И проекты новой широтной железнодорожной магистрали от Белого или Баренцева моря до незамерзающих портов Японского моря предлагались с завидной регулярностью. Сегодняшняя ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке имеет много общего с аналогичной ситуацией вековой давности, однако при совершенно других исходных позициях. Здесь уже почти два десятилетия идёт постоянный процесс убывания, а не роста населения, что стимулируется слабо развитой инфраструктурой российского Севера, в первую очередь, транспортной.

Если посмотреть на карту железных дорог России восточнее Урала, то легко заметить, как от Транссиба на Север тянутся несколько ответвлений – железных дорог к ресурсам, соединение которых по широте и дает представление о будущей Северо-Сибирской магистрали (Севсибе). Соединение Севсиба, БАМа и далее продолжение железной дороги от Ханты-Мансийска на Запад представляет будущую Северо-Российскую железнодорожную магистраль.

Вдоль этого Северного широтного коридора уже действуют и имеют хорошие перспек-

тивы нового развития ряд интегрированных производственно-транспортных зон разных отраслей и компаний, ориентированных преимущественно на добычу и первичную переработку природных ресурсов. Такая, сырьевая ориентация отдельных регионов страны не кажется нам бесперспективной. Как показывает опыт Норвегии, Канады, Финляндии, Австралии, инновационная экономика не обходит стороной и сектор добывающих отраслей, если, конечно, для этого созданы соответствующие институциональные условия. Вероятно, более важно добиваться строгого выполнения природоохранного законодательства и соблюдения норм социальной обеспеченности работников и их семей в сложных природно-климатических условиях, чем ратовать за непрерывное создание здесь заведомо убыточных перерабатывающих производств.

Полярный широтный транспортный коридор также представляется как один из вариантов ВСП, отвечающих реалиям уже XXI века. Восстановление брошенной в 1953 г. дороги Лабытнанги – Салехард – Игарка – Норильск с вероятным продолжением от Норильска до порта Хатанга, а от Игарки через Мирный и Якутск на Магадан и, возможно, на Камчатку и далее на Чукотку. Безусловно, этот коридор должен сооружаться участками, по мере актуализации потребностей в ресурсах и/или геополитических задач страны. Первоочередным, по нашему мнению, является участок Салехард – Игарка, позволяющий существенно расширить возможности и добычи углеводородов и, что не менее важно, расширить территории поиска новых месторождений в перспективной части Западной Сибири, пока еще не имеющей никакой транспортной инфраструктуры. Этот участок железной дороги уже включен в стратегию развития РЖД на период до 2030 г., хотя потребность в нем ощущается уже «вчера».

Основой Арктического широтного коридора является Северный морской путь, обеспечивающий замыкание «транспортных ци-

клов» (по С.Тархову) в российской транспортной системе, повышая тем самым надежность и маневренность ее функционирования на десятилетия вперед. Являясь самым коротким морским путем из Азии в Европу, СМП, тем не менее, вряд ли сможет конкурировать с вариантом через Суэцкий канал за значительные объемы международного транзита. По нашим оценкам, объем транзита может достигнуть к 2020 г. максимум 100 тыс. контейнеров ДФЭ (из 10 млн. прогнозируемых на этот период). Более вероятные грузы для СМП имеют отечественное происхождение: вывоз сырья и полуфабрикатов и/или завоз разнообразной продукции для производств и жителей регионов в зоне его влияния. Тем не менее, имея возможность использования разных вариантов транспортировок, грузоотправитель получает шанс более активных переговоров за выгодные для себя условия транспортировок, пусть даже по маршрутам, проходящим вне России. Кроме того, различные варианты транспортных связей предоставляют большие возможности маневра в использовании тех или иных ресурсов в разных регионах: расширение добычи или наоборот, консервация части месторождений в соответствии с колебаниями спроса.

Строящийся завод по сжижению газа на Ямале расположен в непосредственной близости от месторождений, промышленные ресурсы (а не только запасы) которых исчисляются триллионами кубометров. Поэтому срок его функционирования исчисляется многими десятилетиями. Это означает, что гарантирован груз для газозавозов большой вместимости, что резко поднимает эффективность транспортировок морем. Для этих целей и создается порт Сабетта. Кроме того, здесь же на основе местных ресурсов возможна переработка нефти и конденсата для получения разнообразных нефтепродуктов. Объемы продукции оцениваются в 3-5 млн. тонн в год. Часть из них может быть направлена на экспорт, а часть в виде горюче-смазочных материалов сможет удовлетворять основные потребности приарктических территорий, преимущественно в восточном крыле Северный морской путь (СМП). Последнее позволит отказаться от дорогостоящего и не всегда гарантированного т.н. «северного завоза» этих продуктов. В сумме объем мощности порта Сабетта может быть

оценен в 18-20 млн. тонн (на перспективу 2030 г.). Таким образом, значимость порта Сабетта как одного из важнейших на СМП доказывается уже только одной углеводородной составляющей грузопотока. Важно отметить и то, что функционирование порта Сабетта возможно и без строительства железнодорожной ветки от Бованенково: подвоз строительных материалов и модулей возможен с моря (Обской губы), как это и осуществляется в настоящее время. В любом случае, порт Сабетта может стать реальным «импульсом» для нового этапа развития Северного морского пути, что, как «цепная реакция» обязательно потребует возрождения как старых портов на СМП (Амдерма, Певек, Тикси, Диксон, Дудинка, Хатанга), так и, возможно, создания новых пунктов прибрежной инфраструктуры в ресурсных регионах арктической зоны России. Например, порто-пункта в устье реки Анабар (северо-запад Якутии) для освоения Томторского уникального месторождения редкоземельных элементов. Понятно, что многие из портов на СМП будут (и уже имеют) двойное назначение: и хозяйственное, и оборонное.

Превращение порта Сабетта в многофункциональный – т.е. обслуживающий и угольные, и лесные, и контейнерные грузы – на сегодня не является однозначно определенным. Возможно, что другие варианты новых портов на Белом и Баренцевом морях для этих видов грузов будут предпочтительнее. Но на сегодня в них еще нет непосредственной заинтересованности реальных инвесторов. Здесь предстоит большая работа по исследованию потенциальных грузополучателей в странах Европы и Юго-Восточной Азии, а также оценка тарифов на использование мощностей разных портов. Сабетта может «заиграть», если будет активизировано завершение создания Полярной дороги на участке Надым – Салехард с железнодорожным переходом через Обь, что позволит направлять грузы от Сургута на Север – в Сабетту и далее.

Потенциально Россия может быть самодостаточной практически по всем видам ресурсов: геологическая отрасль в годы существования СССР наработала большой задел, который используется сегодня едва ли на 10%. Основной источник собственных ресурсов России –

ее северные территории и ее Азиатская часть. Их эксплуатация существенно затруднена (и физически, и, в условиях рынка — экономически) отсутствием развитого транспортного комплекса, что делает добычу ресурсов мало-рентабельной и поэтому неконкурентоспособной даже у отечественных потребителей. И только в последнее время государство, осознавая возможность снижения уровня экономической безопасности, постепенно начинает восстанавливать свою роль как «стратегического партнера» для различных сфер единой российской экономики, в том числе и таких, как ресурсодобывающей и транспорта¹.

Российский Север является макрорегионом крупномасштабного международного экономического сотрудничества, объектом международных соглашений о разграничении континентального шельфа и использовании экономической зоны между Россией и сопредельными странами. В геостратегическом плане созданный социально-экономический потенциал Севера необходимо рассматривать как базу для наращивания хозяйственной деятельности в Арктике, где сосредоточиваются интересы многих государств.

Среди важнейших целей создания новых широтных транспортных коридоров по линии Восток — Запад по территории России можно выделить:

-геополитическую — организация нового широтного хода с Запада на Восток страны исключительно по территории России, «дублирующего» Транссиб, но без пересечения гра-

ниц и без зависимости от другого государства;

- экономическую — позволяющую освоить новые перспективные районы с ценными для экономики страны природными ресурсами, обеспечить внутриотраслевую конкуренцию за грузоперевозки (снижение тарифов), а также усилить роль России в организации международного транзита по линии «Западная Европа — Юго-Восточная Азия»;

- социальную — создание новых рабочих мест по всей трассе и, учитывая мультипликативный эффект — по всей территории, сохранение единого социального пространства страны (обеспечение регулярно действующих транспортных коммуникаций между северными и восточными ареалами проживания населения страны с южными и западными регионами).

При гипотезе о минимальном — 2% ежегодном приросте экономики РФ до 2030 г. возможный дефицит провозных способностей железных дорог на 2030 год без учета возможного международного транзитного контейнерного потока составит (млн т,)

между Дальним Востоком и Восточной Сибирью	15-18
между Восточной и Западной Сибирью	25-30
между Западной Сибирью и Уралом	20-25

Этой величины грузопотока (заметим — при минимальном темпе роста экономики страны) достаточно, для начала проектирования и строительства как минимум однопутной электрофицированной железной дороги.

¹ Последние 2-3 года рост транспортных тарифов существенно меньше роста цен в других отраслях экономики. Кроме того, для таких массовых грузов, как , например, уголь, лес или металл, или грузов, перевозимых на дальние расстояния действуют особые системы скидок, что, безусловно способствует оживлению российской экономики. Предложение В.Путина по «обнулению» транспортного тарифа (декабрь 2008 г.) на перевозку автомобилей отечественного производства на Дальний Восток — один из элементов активной государственной региональной политики по выравниванию объективных различий между регионами страны.

ЯМАЛЬСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.

На состоявшемся 2 апреля 2014 г в Салехарде заседании Консультативного совета по вопросам этноконфессиональных отношений Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н. Кобылкин отметил, что межэтнический мир в регионе основан на исторической общности людей, которые осваивали природные ресурсы Ямала. «Но история не стоит на месте, поколения меняются, — отметил Глава региона. — Основой идеологии укрепления общности, считаю, может стать история Ямала. ... Наша задача — сделать всё, чтобы эта атмосфера ямальской общности людей, взаимного уважения, взаимовыручки и других традиционных наших северных качеств передавалась новым поколениям первооткрывателей Севера и прививалась вновь приезжающим».

Действительно, протекающие сегодня в Ямало-Ненецком автономном округе этнокультурные процессы уходят своими корнями в историю. Они обладают собственной спецификой, которая запечатлена в облике регионального межэтнического сообщества. Это сообщество интегрирует различные этнические культуры. Исторически сложившиеся в региональном сообществе межэтнические отношения, рассматриваемые в процессе своего развития, могут стать объектом прогнозирования и управленческого воздействия на основе социокультурного подхода.

С точки зрения социокультурного подхода отдельный социум является ансамблем этнокультур. Это представление позволяет оценить ограниченность доминирующих подходов к социокультурной динамике социума. Политика гражданской нации, как правило, переоценивает интегрирующий потенциал доминирующей этнокультуры. Политика мультикультурализма недооценивает значимость целостности социального организма, «сонастроенности» входящих в него этнокультур. Между тем важно представлять социокультурную динамику межэтнического сообщества,

прогнозируя тектонические подвижки в нем и их отдаленные социокультурные последствия. Поэтому развитие регионального межэтнического сообщества может быть описано как социокультурный процесс.

Социокультурный процесс как таковой, в его абстрактной всеобщности, эмпирически репрезентируется развитием общества как социокультурного процесса в масштабе Земли, т. е. глобальным социокультурным процессом. Составляющие глобальный социокультурный процесс конкретные подпроцессы (различного уровня и масштаба) могут быть эмпирически выделены, соответственно, посредством их локализации, т. е. привязки к ландшафтам, которые осваиваются и культивируются населяющими их этносами. Такой подход позволяет зафиксировать целостность локального сообщества, а его развитие — как процесс и результат взаимодействия этнических групп. Описание социокультурного процесса, следовательно, должно включать описание взаимозависимого развития нескольких этносов, составляющих локальное (региональное) межэтническое сообщество.

Территориализация региональных социокультурных процессов может выступать одним из объективных оснований для их маркировки. Наиболее известен в этом отношении европейский процесс — процесс интеграции национальных государств в рамках Европейского Союза. Концепт европейского процесса в его современной интерпретации содержит интуицию региональной интеграции, конституирующей единую Европу из множества соперничающих и конфликтующих национальных государств. Поэтому интерпретация регионального развития как локального процесса подразумевает как единство, так и раскол, антагонизм в общественной жизни региона, противопоставление друг другу его отдельных территорий. Противоречия между локальными субъектами регионального сообщества выступают источником и движущей силой регио-

нального процесса.

Поскольку развитие межэтнических отношений во многих регионах обладает исторически сложившейся конкретной спецификой, то локальные социокультурные процессы воспроизводят и разрешают в своем развитии базисные для регионального межэтнического сообщества социокультурные противоречия. Так, применительно к Южной Сибири можно говорить, на наш взгляд, об Алтайском процессе, в настоящее время направляемом Международным координационным советом «Наш общий дом — Алтай». Несомненно, могут быть выделены и стать объектом регулирования Саянский процесс, Байкальский процесс и другие подобные процессы, в рамках которых на протяжении столетий развиваются и разрешаются специфичные для региональных сообществ межэтнические противоречия.

Истоки европейского процесса современности усматривают, как правило, в прошлом — вплоть до античности. Европейский процесс — является одним из социокультурных подпроцессов в системе евразийского процесса, а последний — в системе глобального социокультурного процесса. Процесс развития цивилизации совершается, таким образом, в системе региональных процессов, инкорпорирующих локальные сообщества как интегрированные целостности в универсум цивилизации. Отдельные социокультурные процессы и подпроцессы взаимосвязаны, и могут быть адекватно поняты с учетом своего места в глобальной социокультурной сети.

Можно привести другой пример. Для Ханты-Мансийского автономного округа — Югры как относительно самодостаточного и развивающегося системного образования генетически первичной клеточкой является противоречивое взаимодействие Севера и Юга. Внешняя рефлексия в Ближний и Дальний Юг — будь-то потоки инвестиций или трудовая иммиграция — является объективной необходимостью, диктуемой неотложными нуждами воспроизводства. Это воспроизводство является основанием, на котором возникают надстроечные противоречия, в первую очередь, противоречие между слабо развитыми западными и интенсивно развивающимися восточными районами автономного округа.

В региональной жизни Ямало-Ненецкого

автономного округа отмечаются противоречия между различными территориями, располагающими различными ресурсами и источниками развития. Различные этапы и направления промышленного освоения Северо-Запада Сибири формировали эшелонированную, территориально диверсифицированную структуру соперничающих промыслов и индустрий. Будучи одной из точек роста российской цивилизации, Ямало-Ненецкий автономный округ, фокусирует в себе усилия соперничающих между собой социокультурных групп, составляющих ткань многонационального российского сообщества. Продвижение «первопроходцев», ссылка по этническому признаку, делегирование союзными республиками строительных отрядов, мобилизация квалифицированных кадров в старых нефтегазопромышленных районах сформировали современный социокультурный облик автономного округа, конституировали социокультурные субъекты, консолидированные во многом по земляческому принципу.

Социокультурные противоречия прошлого и настоящего дифференцируют и противопоставляют различные категории населения. Вместе с тем эти противоречия ведут к взаимопроникновению социокультурных субъектов, интегрируя их в укрупненные социокультурные агрегации. Так, для пришлого населения все коренное население относится к административной категории коренных малочисленных народов Севера — «КМНС». Коренное население воспринимает все пришлое население как «русских», выделяя, правда, в особую категорию выходцев из республик Кавказа и Средней Азии.

В абстрактно-общем виде в региональном сообществе может быть выделено множество актуальных социокультурных противоречий. Сравнительная объективная ценность различных противоречий для Ямальского процесса может быть ранжирована по историко-генетической шкале, дифференцирующей противоречия исторически первичные, базисные и вторичные, надстроечные, опосредствующие динамику базиса и, возможно, ведущие в настоящее время. Системно-генетический анализ Ямальского процесса предполагает выявление и разрешение противоречий, как снятых в прошлом, так и подлежащих снятию в

будущем.

Под Ямальским процессом мы понимаем процесс взаимосвязанного развития этнокультурного сообщества коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа и регионального межэтнического сообщества в целом. Поддержание сбалансированной динамики Ямальского процесса предполагает оказание адресного высокоточного воздействия на развитие социокультурной субъектности того или иного народа, что может стать импульсом для позитивной социокультурной динамики других народов вследствие взаимосвязанности развития народов в рамках Ямальского сообщества.

В исторически обозримой ретроспективе Ямальский процесс был инициирован появлением на территории региона самодийского населения и поглощением легендарных «сирхиртя» — автохтонного оседлого населения охотников и морских зверобоев. Данный социокультурный конфликт был снят интеграцией ассимилированного населения в состав ненцев в статусе родов, входящих во фратрию Вануйто. Собственно ненецкие роды входят во фратрию Харючи, которая является лидирующей и в настоящее время.

Базисная модель Ямальского процесса — натиск («Конкиста») и последующая инкорпорация — была воспроизведена в рамках экспансии обских угров (преимущественно хантов). Благодаря институциональной поддержке российской администрации политическое доминирование христианизированных ханты сохранялось вплоть до начала XX века, но переход ненцев к крупнотабунному оленеводству позволил обеспечить диффузное подавление хантов («Реконкиста»), «оненчивание» хантыйских родов, закрепление за хантами более низкого социокультурного статуса.

Первоначально конфликтные отношения между ненцами и хантами создали предпосылки для матримониальной интеграции, культурного обмена — освоению ханты оленеводства и передачи ненцам достижений художественно-эстетической культуры хантов. Таким образом, угорско-самодийский конфликт трансформировался в рефлексивные отношения сотрудничества.

Продвижение русских в Сибирь стало одним из факторов, содействовавших экспансии

обских угров, которые выполняли посредническую функцию в объяснении «бродячих инородцев». По определенной оси «Север — Юг» (в т.ч. и из-за сезонных меридиональных миграций) в XX веке началось и нефтепромышленное освоение Ямала. Южные районы Ямало-Ненецкого автономного округа были связаны транспортными коммуникациями с Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и оказались в сфере его культурного влияния. Темп общественной жизни и духовная атмосфера в этих районах Ямало-Ненецкого автономного округа существенно отличаются от традиционалистской культуры западных районов. Таким образом, этнополитическое противоречие между ненцами и хантами получило развитие в производных, вторичных внутрирегиональных и межрегиональных противоречиях.

Объективно существующее и сохраняющееся социокультурное противоречие между ненцами и хантами в Ямало-Ненецком автономном округе может быть использовано в качестве источника и движущей силы развития регионального сообщества. Рефлексивное управление социокультурными противоречиями предполагает целенаправленное стимулирование одного из социокультурных субъектов, позитивная динамика которого в рамках механизма социокультурной рефлексии («национальный подъём») станет предпосылкой полагания контрсубъекта. В настоящее время перспективной представляется возможность оказания содействия в развитии социокультурной субъектности северных ханты, повышение уровня их организованности и сознательности. Повышение социокультурного статуса северных ханты в системе сложившихся отношений «жесткого обучения» станет импульсом для позитивной социокультурной динамики ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа и других этнических групп, входящих в состав Ямальского сообщества.

Дальнейшее развитие противоречия между ненцами и северными хантами в системе внутрирегиональных и межрегиональных противоречий является источником Ямальского процесса в целом. Региональное сообщество Ямало-Ненецкого автономного округа конституируется социокультурными субъектами, адаптированными к территории по принципу

«этнос — ландшафт», а также в логике межэтнической комплементарности. Продвижение через территории ханты является фактором социокультурного отбора, в рамках которого в региональных сообществах Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры оседали как наиболее адаптивные тюркоязычное население и близкие к нему по этническому характеру группы украинцев. Таким образом, базисная для регионального сообщества социокультурная структура автохтонного населения выступает моделирующим фактором адаптивного социокультурного отбора, определяющего логику одного из векторов Ямальского процесса в целом.

Особый контур социокультурной рефлексии в составе Ямальского процесса может быть выявлен при анализе взаимодействия между ненцами и коми-зырянами, определившего динамику западных районов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Истоки Ямальского процесса и его социокультурная динамика представляют интерес как основа прогнозирования его перспектив. История не пишется с чистого листа, а обнаруживает неумолимо действующие долговременные тенденции.

Выше уже говорилось о базисной модели Ямальского процесса — натиске и последующей инкорпорации. Данный такт конституирует ритмическую, волнообразную организацию Ямальского процесса, а этот ритм может быть идентифицирован конкретной музыкальной метафорой. Для идентификации европейского процесса может быть использована известная метафора «европейского концерта» — «соперничества в согласии» или «согласия в соперничестве». Динамика евразийского процесса — ритмов Евразии — может быть описана музыкальной метафорой симфонии, известной своим использованием в Византии и России применительно к сотрудничеству церкви и государства.

Для выражения ритмической специфики Ямальского процесса наиболее адекватной является метафора рапсодии. Она воссоздаёт исполнение древнегреческого певца-рапсода и отличается от других музыкальных форм эпичностью, свободной организацией, сменной и накоплением тем. В этом отношении

характерна композиция «Богемная рапсодия» английской рок-группы «Queen». Метафора рапсодии корреспондирует певческой традиции ненцев. На наш взгляд, ритмика Ямальского процесса может быть определена как *Ямальская рапсодия*.

Музыкально-эстетическая интерпретация форм социокультурных процессов позволит математически точно описать их специфику и организацию, открыть перспективы проектирования конкретных организационных форм гармонизации межэтнических отношений. При этом установка на гармонизацию перестает быть пустой метафорой и приобретает то конкретное содержание, которое выработано в различных теориях гармонии (прежде всего, музыкальной гармонии) эстетикой отдельных видов искусств.

Перспективы Ямальского процесса определяются также тем, что локальные социокультурные процессы вплетены в континентальный и глобальный социокультурные процессы. В целом особенности географической среды Крайнего Севера определяют относительно замкнутый, изолированный характер северных сообществ, которые существуют и развиваются как автономные территориальные образования. Определенная самодостаточность, относительная самообусловленность традиционных северных сообществ не всегда позволяют увидеть роль локальных социокультурных процессов в поддержании цивилизационной целостности.

В этой связи представляет интерес введенное А.В. Головным различие магистральных и локальных культур, дополнительных по отношению друг к другу. В данной модели локальные культуры осваивают территорию и ее ресурсы, а магистральные культуры связывают и интегрируют отдаленные территории. Так, по оценке А.В. Головнева, славяне умели выживать, а викинги умели побеждать. Магистральная нордическая культура норманнов интегрировала в средние века европейский мир и положила начало российской цивилизации, дальнейшее развитие которой обеспечивалось преимущественно «ордизмом».

В отношении ямальской культуры можно отметить доминирование магистральной культуры — культуры разнообразных магистралей: речных, железнодорожных, нефтяных и га-

зовых, оптоволоконных и т.п. Локальная культура Ямала является функционально подчиненной по отношению к различным магистральным культурам (включая, например, исторически сложившееся по Обь-Иртышской водной магистрали формальное подчинение автономного округа Тюменской области). На главенствующую роль магистральных культур, связывающих северян с Югом, обратил внимание Губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н. Кобылкин в отчёте о результатах деятельности Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа в 2010 году: «Долгое время округ воспринимали преимущественно как «нефтегазовое хранилище», где люди жили и работали в спартанских условиях. Мы взяли курс на изменение ситуации. Каждый рубль идет в дело и в стабильное завтра региона».

Очевидно, что «спартанство» символизирует приоритет магистральной культуры. Но в настоящее время при сохранении данного приоритета укрепляет свои позиции локальная культура. Забота о благосостоянии населения региона связывается с заботой о будущем.

Акцент на будущем важен в том отношении, что позволяет провести типологизацию культур. В западной культуре из всех модусов времени приоритет отдается настоящему. В отношении хантов и ненцев обычно также указывается на доминанту настоящего в восприятии времени. Для русских, наоборот, характерно внимание к будущему, теплое, позитивное отношение к нему.

Черты темпорального мышления разных народов интересны потому, что культуру ненцев относят к магистральным культурам. Но мышление ненцев антитехногенно, хотя и адаптивно к инновациям. Точнее говоря, ненцы болезненно относятся к бурению и другим видам хозяйственной деятельности, наносящим повреждения поверхности Земли. Отчасти это объясняется мифологическими представлениями об inferнальности подземного мира.

Отдавая должное традиционному мировоззрению ненцев и учитывая амбивалентность архетипов коллективного бессознательного, в т. ч. других этносов, в порядке поддержания баланса этноидеологий имело бы смысл обратить внимание на «героев Севера», не страша-

щихся Нга и осваивающих его владения. Практика проведения медвежьих праздников также важна в том отношении, что является культом хтонического зверя, традиционно символизирующего Россию.

Важное значение для региональной идеологии имеет историко-археологическое изучение культуры *сихиртя* — первооселенцев Ямала. Они обитали в землянках, знали кузнечное дело и занимались среди прочего морским промыслом. По легендарным сведениям, сихиртя пришли из-за моря, т.е. могут считаться «народом моря». Внимание к сихиртя знаменует поворот региональной идеологии к Арктике.

Можно утверждать, что региональному межэтническому сообществу предстоит поворот «лицом к Арктике», формирование ее позитивного образа как собственного основания развития Ямало-Ненецкого автономного округа.

В этой связи вновь обратимся к позиции Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа Д.Н. Кобылкина. В отчёте о результатах деятельности Правительства ЯНАО за 2013 год он подчеркнул значение арктических мегапроектов для будущего автономного округа: «Меня часто спрашивают, почему Правительство округа уделяет столько внимания Арктике и мегапроектам? Почему мы не можем сконцентрироваться на удовлетворении обычных ежедневных потребностей? Ответ прост: потому что нельзя жить только текущими заботами. Это в итоге и порождает разговоры о необходимости закрытия моногородов, уничтожении сёл и деревень, ликвидации небольших школ и больниц... С точки зрения сохранения и развития нашей северной территории заниматься исключительно проеданием бюджета — преступление по отношению к будущему поколению. Мы не вправе стоять на месте. Мы должны двигаться вперёд, как бы тяжело ни было. Только тогда нас ждёт победа. Только тогда мы сможем повышать благополучие ямальцев, укреплять Ямал, крепить мощь России».

Продвижение в Арктику является новым витком Ямальского процесса, традиционно ориентированного по оси Юг — Север. Современная ситуация парадоксальна в том отношении, что продвижение на Север открывает более короткий и экономичный путь на Юг. Возмож-

ность занять ключевую позицию на Северном морском пути – это возможность приобрести собственную магистраль как условие дальнейшего развития локальной Ямальской культуры и ее распространения по регионам Российского Севера. В соперничестве региональных субар-

ктических культур – от поморской до чукотской Ямал может выступить лидером. Поэтому определяющей перспективой Ямальского процесса является выход на Северный морской путь, и этот выход должен быть обеспечен региональной идеологией и политикой.

РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ТЕРРИТОРИИ ОБДОРСКОГО РАЙОНА В НАЧАЛЕ 1920-х ГГ.

Соломина Л.В.

Освоение Арктики и возрождение Северного морского пути (Севморпути) Президент России В.В. Путин назвал индустриальным прорывом¹. Открытие Северного транспортно-коридора для отечественных промышленников – эффективный способ доставки грузов в страны Юго-Восточной Азии, а для России в целом – развитие уникального конкурентного преимущества на международных торговых путях².

Вопросы развития международных путей сообщения на северной территории страны поднимались неоднократно и ранее, а необходимость «регулярного установления сообщения с Западной Европой по Великому Северному Морскому Пути»³ повлияла на образование Обдорского района в начале 1920-х гг.

Изучение архивных документов ГА ЯНАО, в том числе материалов фонда пользования, куда вошли копии документов федеральных и региональных архивов субъектов Российской Федерации, позволяют получить сведения, которые являются неизвестными, либо малоизученными. Так, в ходе административно-территориального деления в 1923 г. был образован Обдорский район. Район занимал самую северную часть Тобольского округа вплоть до Ледовитого океана и образован из трех волостей: Обдорской, Кушеватской, Мужевской, а также присоединением из Енисейской губернии «обширных северных территорий вдоль восточного берега Обской и Тазовской Губы и самого бассейна реки Таз»⁴.

Включение Туруханского края в Обдорский район было обусловлено рядом причин. В «Докладной записке по вопросу описания

внешних границ Тобольского округа...»⁵ указано, что хоть территория и считается за Енисейской губернией, но фактически никто никогда не проводил никаких границ. Для присоединения северных территорий восточного берега Обской и Тазовской Губы и самого бассейна реки Таз перечисляются следующие основания:

- кочующие по восточным берегам Обской и Тазовской Губы самоеды (ненцы) производили свои товарообменные и снабженческие операции с пароходов только со стороны Оби;

- торгующие фактории хозяйственных организаций имели сбыт и снабжение на прибрежной территории Оби;

- сферы торгового влияния и наблюдение за исполнением законности удобнее было осуществлять на территории бассейна р. Таз со стороны Обдорска, имеющего и летнее, и зимнее сообщение, а не со стороны Туруханска. Поэтому всю прибрежную полосу шириной до 100 километров решено отнести к административному центру Тобольского округа, в пределах которого находились воды Обской и Тазовской губ.

Тяготение указанной территории к Обдорску обозначил М.К. Сидоров в XIX столетии, в планах архангельского купца была организация пароходства в Березовском уезде. Из Туруханского края, где он открыл ряд месторождений, на Лондонскую Всемирную выставку в 1862 г. им были вывезены: графит, звериные шкуры, каменный уголь, соль, мамонтовая кость и другие образцы, за предоставление которых М. Сидоров получил 2 медали⁶. Для доставки за границу М.К. Сидоров организовал поиск транспортных путей, и найденные пути проходили через Обдорск: «первый путь через тундру на оленях от Нижней Тунгуски Енисейской губернии до селения Обдорска

1 Экология в приоритете. Выступление Президента России В.В. Путина на заседании третьего международного форума «Арктика – территория диалога». URL: <http://aktualno.ru/view/ynao/politics/15171> (дата обращения 10.11.2013).

2 На Ямале открыли новый международный транспортный коридор. <http://itar-tass.com/press-releases/759624> (дата обращения 11.03.2014).

3 ГА ЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

4 Там же. Л. 9 об.

5 Там же.

6 РГИА. Ф.Р-1287. Оп. 7. Д. 1876. Л. 4.

Тобольской губернии, откуда представлялись два пути: по Оби и Иртышу через г. Тобольск до г. Тюмени и другой через Урал на р. Печору и оттуда за границу.

Второй путь, водный, проходил по Енисею на р. Таз, Тазовской и Обскою губами в Обдорск. В 1863 и 1864 гг. графит доставлялся за границу⁷. В исследовании И.Л. Маньковой речь идет о доставке в Англию только 500 пудов, а остальные 4500 пудов были обречены на гибель в Обдорске⁸. Для нас в данном случае важен факт пути сообщения: графит был перевезен из Туруханска по реке Таз, а затем в Обдорск, из Обдорска речным путем через Уральский хребет в Печорский порт и далее в Лондон⁹.

В документе также сказано, «господин Сидоров обращает особенное внимание на организацию пароходства рассматриваемой территории»¹⁰.

«Отдельную» Обдорскую область с центром в Обдорске предлагал организовать чиновник особых поручений Министерства финансов Павлов-Сильванский, побывавший на обозначенной территории в 1880 г. В отчете он указывает, что «было бы выгодно в видах привлечения населения в новый городской пункт [Обдорск], допустить сюда к беспошлинному привозу некоторые заграничные товары и сделать Обдорск вроде порто-франко»¹¹. Чиновник обосновывает свое предложение следующими доводами.

Во-первых, им проанализированы объемы перевозок в этом районе, количество занятых судов и сложность судоходства. Так, торговое движение с 1877 г. по 1880 г. выразилось в следующем: было задействовано 12 паровых и па-

русных судов. В связи со сложными путевыми условиями 4 судна затонуло. В целом товарооборот составил 568 тысяч рублей, вывезено — на сумму 168 тыс. рублей.

По движению судов¹²

В приход	паровых	4
В отход	паровых	4
	парусных	4
Итого		12
Из этого числа погребло		3 парусных и 1 паровое судно

По движению товаров¹³

Привезено	Разных иностранных товаров	Количество 55 000 пудов	Сумма 400 000 руб.
Вывезено	пшеницы	80.000	32.000
	семена льняного	2 000	1 110
	льна и пеньки	600	1800
	сала	18.000	54.000
	спирта		80.000
Итого по отпуску		100.600 пудов	168.900 руб.
Всего по привозу и вывозу		155.600	568.900 руб.

Из иностранных товаров, привозимых к устью реки Оби указаны: смола, петролеум, фаянс и фарфор, игрушки, сапожная вакса, чернила, бумага, перья, жестяная посуда, сталь, олово, гвозди, весы, лампы, лопаты, пилы, топоры, ножи, прованское масло, деревянное масло, сардины, рис, кофе, перец, саго, кассии, изюм, миндаль, орехи, сушеные вишни, чернослив, сухие овощи, горчица, макароны, грецкие орехи, инжир, финики, соя разных сортов, сыр, синька, свинцовые белила, ультрамарин, краски, красильное дерево, вердегри, масляный лак, скипидар, бура, квасцы, крахмал и др.¹⁴.

Во-вторых, статский советник Павлов-Сильванский дал сведения по флоту, принад-

⁷ Там же.

⁸ Основанием для опубликованных сведений послужили «Записки о промышленных и торговых предприятиях на Севере России в 3 отделении императорского вольного экономического общества по докладам В.Л. Долинского, В.Н. Латкина, М.К. Сидорова. Спб., 1867. В нашем случае основанием является архивный документ 1882 г. РГИА. Ф.Р-1287. Оп. 7. Д. 1876.

⁹ Манькова И.Л. Печора-Обь-Енисей: поиски и исследования транспортных путей через Северный Урал, полуостров Ямал и Нижнее Приобье (XIX — начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург — Салехард, 2006. № 13. С. 161.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 342 об. Шиловский М.В. История введения порто-франко в устьях Оби и Енисея в последней четверти XIX — начале XX вв. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург — Салехард, 2005. № 12. С. 74-80.

¹² Там же. Л. 255 об.

¹³ Там же. Л. 256.

¹⁴ Там же. Л. 343-343 об.

лежавшему местным купцам, промышленникам: «Объ до острова Пуйкова можно назвать довольно оживленной: здесь снуют постоянно лодки, паузки и по временам, как мы видели, заходят пароходы»¹⁵. Рыбопромышленных судов занято до 40, из которых «каждое поднимает от 20 до 30 пудов — это баржи от 2-х до 4-х тысяч пудов — каюки и паузки, в распоряжении рыбопромышленников - до 6 пароходов, которые выходят из Тобольска за Обдорск, и наполненные рыбой приводят на буксире обратно». С участка от Березова и Обской губы рыбы в соленом виде поступало продажу до 300 пудов¹⁶.

Во-третьих, чиновником рассмотрены объемы и состав грузов, вывозимых из низовьев Оби водным путем: «до 400 тысяч шкурки белок, 10 тысяч штук песцов разных и пр.»¹⁷. В рыболовстве по низовьям участвует 10 тобольских крупных предпринимателей промышленников, купцов, и местных разноплеменных купцов — 9, мещан — 14.

Кроме того, особо отмечена роль Обдорска, который имел не меньшее значение, чем уездный город Березов: «Село (Обдорск) имеет 500 жителей большей частью мелкие промышленники и торговцы... оживляется зимою большая ярмарка, продолжающаяся с 15 декабря по 15 января»¹⁸. В это время съезжается много торговцев из самых отдаленных мест Сибири, Пермской и Архангельской губерний. И приезжают инородцы из Туруханской тундры. Оборот ярмарки составляет до 100 тысяч рублей.

Предложение статского советника об образовании Обдорской области было отклонено «до более подробного ознакомления с краем»¹⁹. Обозначенные предложения, которые в силу различных причин были отклонены, заинтересовали пришедших к власти большевиков. Нереализованность проектов царского правительства была названа «сатраповскими усмотрениями, бюрократической тупостью и косностью власть имущих верхов»²⁰. Залогом экономического и культурного развития стра-

ны виделось «горячее желание Центральной Советской власти поднять экономическое значение края, оживить его путем предоставления возможности развития путей сообщения»²¹.

Декретом Совета Труда и Оборны от 6 апреля 1921 г. организована Ямальская экспедиция, в задачи которой входило обследование Ямальского, затем Мангазейско-Туруханского водных путей, подходы к ним по Обской, Байдарацкой и Тазовской губам и пр. Командированный Президиумом ВЦИК в Ямальскую экспедицию председатель ликвидационной комиссии казачьего отдела ВЦИК Л.А. Коробов увидел жизненную важность водного пути, который «является в настоящее время не только транзитным, но и в большей степени колонизационном путем, создающим условия для самостоятельности трудовых масс и вообще оживляющим край во всех отношениях»²².

По результатам обследований в качестве одного из предложений представитель ВЦИК рекомендовал «образовать особый тундровый район, на крайнюю важность чего при районировании России совершенно не было обращено внимания, что будет особенно отвечать тундровому хозяйству, резко отличавшемуся от сельского хозяйства в других районах»²³. До образования указанной территории предлагалось временно выделить район между Обью и Енисеем с городами Березовом, Обдорском и Туруханском, и с Ямальским полуостровом, присвоив название Мангазейско-Туруханский край. Автор предложений исключительное внимание уделял истории вопроса, в том числе истории древнего города Мангазеи, на месте которого предложил устроить постоянную товарообменную факторию.

В 1923 г. среди трех волостных центров: сел Обдорского, Кушеватского и Мужы, вошедших в состав района, роль районного административного центра отводилась селу Обдорскому, которое должно было послужить в качестве перевалочного пункта «при регулярном установлении сообщения с Западной Европой по Великому Северному Морскому Пути»²⁴.

Вместе с тем дальнейшее расширение

15 Там же. Л. 300.

16 Там же. Ф. 20. Оп. 189. Д. 1876. Л. 276 об.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же. Л. 255 об.

20 ГА РФ. Ф.Р-3977. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.

21 Там же.

22 Там же. Л. 101.

23 Там же.

24 ГА ЯНАО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 43. Л. 8.

дела торговых путей в эти годы находилось в затруднительном положении. Карские экспедиции, по воспоминаниям Б.А. Вилькицкого, снаряжались «бестолково и дорого». Известный русский мореплаватель в 1923 и 1924 гг. согласился руководить 3-ей и 4-ой Карскими экспедициями, позднее, в 1942 г. писал: «... я тогда считал, что настало время для каждого из нас, кто только может, работать для России, для ее возрождения, изнутри»²⁵. Оздоровление страны задерживалось недостатком компетентных лиц во всех отраслях. В архивных документах 1920-х гг. встречаются имена людей, занимавшихся вопросом Северного Морского пути, его исследованием. Эти имена впоследствии будут забыты, как неугодные новой власти.

В протоколах заседаний Обдорского райисполкома сохранен доклад начальника Северной экспедиции Вардропера Джема Робертовича о целях его работ на Крайнем Севере. На заседании Президиума Обдорского райисполкома 13 марта 1924 г., куда Вардропер был приглашен по вопросу товарообменных операций на территории Тазовского района, Джем Робертович сделал краткий информационный доклад о работе по изысканию кратчайшего Северного пути для транспортирования сибирского хлеба за границу и других научно-практических целей. Также докладчик сообщил, что путь им найден, а также найден незамерзающий порт²⁶. Впоследствии экспедиции Вардропера были запрещены в связи с товарообменными операциями.

В документах ГА ЯНАО выявлен интересный документ об экспедиции на пароходе «Разведка». Капитан парохода докладывает председателю Обдорского райисполкома, т.к. «сведения для последнего на севере Сибири административного и общественного пункта»²⁷ могут быть важны.

Данный документ вызывает интерес не только как «уникальное» свидетельство благо-

получного перехода Северным Морским Путем из Архангельска в Обь, но и фактом, что капитаном являлся представитель царской армии — П.Б. Каминский. После прихода в Омск дальнейшая судьба капитана неизвестна. Вместе с тем, оставленный в Обдорском райисполкоме доклад капитана дает сведения о движении в Карском море в 1924 г., подтверждает руководство Карской Морской экспедицией Б.А. Вилькицким, подробно описан весь путь по часам и географическим объектам, есть данные по всем судовым элементам указанного парохода. П.Б. Каминский указывает на то, что самостоятельные походы такими пароходами нам неизвестны более 100 лет, указанный переход Северным Морским путем пароходом «Разведка» вносит в историю плавания новые благоприятные для дальнейшего развития пути данные.

Все эти сведения позволяют сделать выводы о попытке власти большевиков установить торговые пути с Западной Европой, а также о влиянии происходивших событий на образование Обдорского района с присоединением территории Обской и Тазовской Губ и самого бассейна реки Таз, т.е. границы территории района формировались с учетом планов развития путей сообщения, в том числе и Северного Морского пути.

Первый этап районирования был завершен к апрелю 1924 г. В «Докладной записке о внешних границах Уральской области» основанием для присоединения Туруханского края Архангельской губернии к Обдорскому району было прописано «единство рыбопромышленного хозяйства в Обской и Тазовской губе с центром в Обдорске»²⁸. Обострение внешней политической ситуации в середине 1920-х гг. отодвинуло развитие внешней торговли региона на неопределенный срок, но заложило основы развития Обдории, принявшей форму Обдорского района в качестве форпоста России в Арктике.

²⁵ Борис Вилькицкий. Когда, как и кому я служил под большевиками. (Воспоминания белогвардейского контр адмирала). С. 19. Электронный ресурс: <http://lib.rus.ec/b/467924/read> (дата обращения 11.03.2014).

²⁶ ГА ЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 14 об.-17.

²⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 228.

²⁸ ГА РФ. Ф.Р-5677. Оп. 5. Д. 341. Л. 202.

СУБАРКТИЧЕСКАЯ КУХНЯ НЕНЦЕВ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАМЛЕНИИ

Пушкарева Е.Т.

Совместимость региональных и этнических кухонь России – одна из компонент ее наднационального, общегосударственного единства.
С.А. Арутюнов

Мороженое из нельмы, тирамису из нельмы. Такие блюда были предложены шеф-поваром Антоном сети ресторанов «Александр» из Санкт-Петербурга 5 декабря 2013 года в г. Салехарде гостям на открытие офиса Сбербанка. Котлеты из оленины, хе из рыбы, муксун в кляре, ля гратен из оленины с соусом Демиглас, карпаччо из оленины фигурируют в меню ресторанов Ямало-Ненецкого автономного округа. Самые невероятные блюда готовят повсеместно из северной рыбы, мяса, ягод, дичи, реже из мяса морских животных [1].

Кухню ненцев относят к циркумполярной, субарктической (заполярной) кухне [2], что совершенно справедливо, но учитывая факт расселения ненцев и в таежной зоне, она, безусловно, шире, чем собственно заполярная [3]. Не пугая читателей, хочу вслед за В.В. Похлебкиным напомнить, что существует три традиционных вида употребляемого сырого мяса: 1) применение мяса в короткий период от убоа до начала *rigor mortis* (окоченение), пока не наступает денатурализация белков и мышцы сохраняют гибкость; 2) свежее, тоже почти парное мясо, но схваченное морозом (а не вымороженное) и потому не потерявшее сока – строганина; 3) мясо, сушенное на морозе и ветру [4]. Второй вид – любимое фирменное блюдо всех праздничных и официальных приемов в Ямало-Ненецком автономном округе. От себя добавлю, что эти виды относятся и к сырой рыбе.

В настоящую статью вошли полевые материалы моей поездки (1.12.04 – 15.03.05) по муниципальному образованию г. Надым и Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа [5], хотя наблюдения и дневниковые записи в районах и городах нашего округа за период с 2005 года производятся и по настоящее время.

Особенно важным представляется то, что я описывала блюда, которые семьи готовили для себя, а не для приема гостей, прежде всего официальных, и которыми угощали меня. Мне посчастливилось отведать в 31 семье 40 рыбных блюд, 41- мясное, 8 – из домашней птицы и дичи, 3 – из мяса лахтака, 1 – из мяса клеточного песца, 15 мучных изделий, 10 «русских» салатов, 7 блюд из северных ягод, 14 блюд фруктовых, 5 видов овощей, 5 видов молочных продуктов, конфеты многих наименований, 8 видов приправ, черный чай, соль, сахар, растительное масло, 23 вино-водочных изделий, в том числе тройной одеколон.

Даже из этого простого перечня видно, что основой питания ненцев все также остаются рыба и мясо, на них основе ненецкие женщины стали готовить «русские» блюда, особенно салаты.

За последние два века хлеб стал неотъемлемой частью ненецкого рациона, а в последние сто лет и чай, другие блюда и снедь являются лишь сопровождением и добавлением к этому продукту.

Во всех ненецких тундрах, тайге, поселках от Кольского полуострова до Енисея, от Ледовитого океана до сибирской тайги хозяйки сами пекут и пекут хлеб. В Надымском районе это стало особенно распространенным вторично с конца 80-ых годов XX века, когда очень сильно подорожал хлеб в магазине, в пос. Ныда в момент моего пребывания белый хлеб стоил от 12 до 14 рублей за буханку (кирпич). Серый и черный хлеб в пекарне этого поселка выпекали очень редко.

Вот так выпекали хлеб пшеничный. На 10 литровое эмалированное ведро берется 2 литра теплой воды, кладется десертная ложка дрожжей (в момент моего пребывания все пользовались французскими дрожжами «САФ-Левюр» и очень хвалили их), соль по вкусу, щепотка сахару. Все замешивается, ведро накрывают полиэтиленовым пакетом и ставится на 5-6 часов в теплое место, чтобы оно поднялось. Когда

тесто поднялось, его выкладывают в формы и ставят в духовку на 40 минут, через это время он готов.

Выпекание хлеба ржаного. На 10 литровое ведро берется 2 л теплой воды, десертную ложку дрожжей, соль по вкусу, соли чуть-чуть. Тесто замешивается очень крутое, чтобы кулак не пробивал. Его надо проверять, 8 часов держать в тепле. Когда выпекается, то нужно, чтобы корка была очень твердой, чтобы хлеб получился несырым.

Также в семьях делали торт, пирожок с капустой, пирожок с яйцом, картофелем, манник и оладьи.

В поездке я наблюдала 5 способов заварки чая.

1) В заварной фарфоровый или фаянсовый чайник насыпается 25 г чая и выстаивается 2-3 минуты, затем наливается в чашки и разбавляется кипятком.

2) В заварной эмалированный чайник засыпается 25 г сухого чая и добавляется вода до краев чайника и ставится на горячую печь и запаривается, затем чай заварной наливается в чашки и разбавляется кипятком.

3) Чай рассыпной насыпается в чашки и заливается кипятком.

4) Чай насыпается прямо в большой чайник и немного кипятится. Такой способ был очень распространен во всем Надымском районе до начала 80-ых гг. XX в. Так заваривала чай и моя мама. Ненцы старше пятидесяти лет выросли именно на чаю, приготовленном таким способом.

5) В подогретый заварной фарфоровый чайник насыпается сбор (няда ягель 10 г, харв сый – кипрей 10 г, варк нгодя – шиповник, хо взба – молодые березовые листья специального заготовления, тысячелистник (Иван не знает ненецкого названия), лэмор нгодя пангг – клистья княженики, яранзя нгамдэд вэбасавэй – цветы багульника с цветками, емзьдей взба – листья брусники, листья и цветы вероники лекарственной (ненецкого названия Иван не знает), хути пангг – дудник, ламдуй взба – листья черники, тюндь (лит.: тюнаць') – чага, нерка сябт – ивовая кора, хаер нгамдэд – корни и листья одуванчика) и для пробуждения эффекта добавляется 5 г любого листового черного чая, заливается кипятком наполовину, затем накрывается теплой тканью для парного

эффекта. Через 3 минуты наливается кипяток до полного чайника, когда травы всплывут, закрыть, накрыть тканью, выдержать 3 минуты. Когда травы начали опускаться, когда эффект выделения полезных веществ усиливается, чай разливается по чашкам и разбавляется кипятком. Пьется без сахара. В июне 2004 г. в санатории им. Артема Московской области на международной конференции чай готовился в 2-х литровом графине и пился без разбавления в кипятке. Все участники чаепития были в необыкновенном восторге, так был душист этот чай, что все отказались от водки и вина.

Северные ягоды: брусника, клюква пуровская, свежая морошка с княженикой, морошка с сахаром, морошковое варенье, клюквенный морс употреблялись практически во всех семьях. Фрукты: яблоки, апельсины, мандарины, киви, виноград благодаря спонсорам из нефтегазовых компаний, муниципалитетов, предприятий были компонентами ненецкого стола; вишневое варенье, компоты из сухофруктов, лимон в сиропе, джем, кетчуп «Акмалько» как варенье также присутствовали на столах семей, в которых я угощалась.

Сахар стал постоянным элементом питания, изредка употребляется мед. Но настоящими любимыми продуктами стали в последние 70 лет сгущенное молоко и сливочное масло (они могут стать самыми дорогими изысканными подарками для каждой, особенно кочевой или полукочевой семьи). Масло растительное (в основном подсолнечное) тоже заняло прочное место в рационе ненцев, вытесняя традиционный жидкий рыбий жир.

Салат капустный с помидорами, салат оливье, салат свекольный, салат фруктовый с йогуртом, салат колбасный. Из овощей замечены в повседневном рационе картофель, лук, зеленый горошек, красный сладкий перец, спаржа. Соль практически в той или иной степени употребляют все семьи. Пищу об этом, потому что ненецкая кухня исторически была бессолевой [6], что способствовало сохранению здоровья населения.

Специи: горчица, лавровый лист, перец, аджика, кетчуп, майонез, петрушка, соевый соус тоже вошли в кухню ненцев, но царицей в этом перечне безусловно является горчица (ненцы сами готовят ее).

Из вино-водочные изделий в семьях уго-

щались следующими: водка разных наименований (Пол-литра, Путинка, Довгань, Вальс Бостон, Пшеничная, Мужское достоинство, Тамбовский волк, водка украинская на березовых бруньках; горилка перечная Nemiroff, горилка Nemiroff, пиво Балтика, Каберне, красное вино, белое вино), красное вино «Лидия», вино десертное Монах, Канадский виски, Мартини, Шампанское, Тоник, Теколон (Тройной одеколон). Об употреблении северными народами алкоголя написано много, справедливого и несправедливого, я лишь хочу подчеркнуть, что алкоголь играет роль не только напитка для опьянения, но и напитка ритуального, священного, как и у других народов мира [7], а также напитка психотерапевтического [8] для высказывания в хмельных песнях затаенных мыслей и чувств.

Табак и табачные изделия также употребляются ненцами. Они выполняют многие ритуальные функции, лечебные (в том числе психотерапевтические) функции.

Таким образом, мы видим, что ненцы остаются приверженцами полярной кухни: они являются, как и в прежние времена, сыроядцами и любителями супов. Это относится как к тундровым и лесным жителям, так и поселковым и городским. В их рационе занял прочное место хлеб, который повсеместно выпекается ими самими. Для ненецкой кухни всех трех групп населения характерно практическое отсутствие каш при присутствии различных макаронных изделий. Достойное место в питании ненцев занимает сгущенное молоко и сливочное масло. Прочные позиции заняли горчица, соль и кетчуп. В их кухне появились условно говоря «русские» блюда на основе их исконных продуктов питания: мяса, рыбы и дичи.

Представляю несколько блюд, которые покажут читателям новые элементы северной, ненецкой, кухни. При описании блюд даны ненецкие названия блюд, авторы блюда, дата и место его приготовления.

1. Зимняя «летняя» нгаябад из муксуна – сырэй сьумбанг ибэй нгаябад (Лапсуй Г.Т., Салиндер Л.В., 1.02.05, 30 км вглубь Обской губы напротив Нгано Харвута).

Температура воздуха около - 20 С, ветер слабый северо-западный запад.

Рыба только что снята из сетей, глушится,

тут же снимается чешуя. Для того чтобы снять чешую, нужно взять рыбу за голову в районе жабер, и движением от хвоста к голове снять ножом чешую. Рыба закапывается в снег, чтобы она не замерзла. Через минут 20 она заносится в жилище. С рыбы снимается филе следующим образом: держа рыбу за голову выше описанным образом, делается надрез на глубину филе возле головы и продольный надрез по боковой центральной линии, затем со стороны головы к хвосту скользящим движением ножа снимается филе с одной половины бока, также снимаются остальные три полосы. После этого нужно снять брюшной плавник следующим образом: у основания плавника с внешней стороны сделать надрез и плавным скользящим движением ножа сделать надрез до основания плавника, ножом обогнуть его и отрезать плавник от брюшка. Теперь сделать наискосок надрез в брюшке возле головы, держа рыбу за голову, и просунув лезвие ножа под брюшко скользящим движением разрезать брюшко от головы до анального отверстия. Затем таким же образом отрезать брюшко с другой стороны, анальное отверстие всегда удаляют. Четыре пластины и брюшко разрезать наискосок на 2 или 4 куса, в зависимости от того есть ли среди едоков дети. По вкусам едоков подается к ней соль, горчица, аджика или кетчуп. Часто такое блюдо едят без всяких приправ, поскольку это блюдо практически из живой рыбы, данное филе при жевании дает некоторую упругость и хрустит.

На 4 взрослых людей нужно 10 рыб.

2. Пайха нгаябад - строганина из пыжьяна (Анагуричи М.С., 5.12.04, г. Надым).

Свежемороженую рыбу, слегка оттаивают, чтобы чешую стала чуть-чуть скользкой. После этого с нее снимают кожу следующим образом: нос рыбы упирают на твердую поверхность, но в мягкую тряпку, чтобы нос рыбы не соскальзывал, делают надрез вокруг головы, снимают скользящим движением ножа спинную часть примерно на глубину 5 см, иногда также снимают брюшко, но как правило делают 2 надреза с двух сторон брюшка. Затем, держа рыбу за хвост, снимают кожу быстрым движением, подцепив ножом кожу со стороны головы. После этого, уткнув рыбу головой в тряпочку, строгают ее тонкими узкими лента-

ми, которые обычно несколько скручиваются. Блюдо готово. Как закуска достаточно одной рыбы на 4 человека, если же рыба подается как основное блюдо нужно 2-3 рыбы.

3. Ютекангэ матормы идюрца нгаябад – «Салат» рыбный из щёкура (Сизикова И.Г., 29.12.04., пос. Ныда)

Щёкур оттаять до состояния летней рыбы. Очистить ее от чешуи следующим образом: держа за голову, скользящими движениями чистить со стороны хвоста. С вычищенной рыбы снять филе. Филе делается как в блюде «зимняя «летняя» нгаябад. Вынуть печень, желудок, нутряной жир. Филе и внутренности разрезать на кусочки размером 3х3 см и залить соевым соусом с аджикой, выдержать 5 минут и блюдо готово. 1 щекур 2-3 порции.

Соус: на 200 граммовый стакан воды соль кладется по вкусу, но столько, чтобы соль чуть-чуть прижигала язык, половину чайной ложки аджики разбавить в этом растворе

4. Халя евэй - уха ненецкая (Лапсуй Г.Т., 1.02.05, Нгано Харвута).

Из голов и внутренностей, оставшихся от филейных блюд варят уху. Если на филе ушло 10 рыб, следовательно остались 10 голов, 10 желудочков, 10 печеней, 10 скелетов с мякотью. Все это варится в воде, при закладке котла воды должно быть над рыбой толщиной 1-2 пальца, когда уха почти готова ее солят и заправляют луком. Такое количество ухи примерно на 1,5 приема пищи 4 взрослым людям.

1. Нгамза нгаябад - мясо охлажденное (Лапсуй Г.Т., Лапсуй Н.Т., 22.01.05, Нгано Харвута)

Мясо забитого 1,5 часа назад оленя нарезается кусками примерно 16х10 см, выкладывается на блюдо, откуда каждый едок берет кусок мяса и ест его, отрезая острым ножом, держа кусок за один конец рукой обычно левой, если человек правша; правой, если левша, другой конец куска держат передними зубами и куски отрезают от основного куска ножом перед зубами на расстоянии 1 см. Чаще всего такое мясо едят без соли и других приправ и даже без хлеба, но все чаще и чаще подается

к нему соль, горчица, кетчуп и аджика. В этот прием пищи мне была подана свежая почка, а другому человеку – печень.

2. Нгэвэй нгаябад - свежие олени мозги (Лапсуй Н.Т., 23.01.05, Нгано Харвута)

Суточные олени мозги 1 оленя взбивают на вилке до снятия пленки, солится по вкусу, получается жидкий паштет. Намазывается на хлеб, получается 7-8 бутербродов.

3. Нгамза я евэй - ненецкий суп-пюре с рожками (Лапсуй Г.Т., 23.01.05, Нгано Харвута)

Мясо: хэвды – ребра, юху – зоб, тыну – слепая кишка, пирчи – желудок. Ребра отделяются друг от друга. Зоб, слепая кишка и желудок нарезаются кусками примерно см 16 длиной и см 10 шириной. Зоб, желудок и слепая кишка тщательно промываются.

На 8 литровую кастрюлю 3 кг мясных продуктов, после закипания, все варится на медленном огне 2,5 часа. Когда мясо сварится, замешивают муку в теплой воле до состояния жидкой сметаны и выливают в бульон, затем кладут рожки. Когда суп готов, мясо выкладывают на блюдо или миску, откуда каждый едок берет кусок который ближе к нему или хозяйка или хозяин стола раздадут куски едокам, каждый едок мясо нарезает на кусочки удобные для употребления. Суп наливается в тарелки или миски, который едят ложками.

В юху (зоб), налив сырую воду, летом в походных условиях можно вскипятить воду, но, по представлениям наших людей, при этом нельзя смеяться, если кто-то улыбнется или засмеется, то зоб лопнет. Костер должен быть в виде свечи, огонь должен быть строго по центру.

4. Нямя, сей евэй - суп из оленьего языка и сердца (Салиндер Л.В., Лапсуй Г.Т., 25.01.05, Нгано Харвута)

Этот суп был приготовлен, как написано у меня в дневнике для церемониального стола. В 8 литровую кастрюлю сердце и язык. Когда сердце и язык сварились, в бульон кладется рожки, все солится. Когда суп готов сердце и язык вытаскиваются и мужчинами режется на кусочки, чтобы было удобно есть.

Литература

1. Наше северное меню. Дни ямальской кухни // Рабочий Надыма. 27 февраля 2004. – С. 4; Наше праздничное меню. Оленьи отбивные с брусничным соусом (4 порции). Рулеты из оленины с абрикосами и капустой (4 порции) // Рабочий Надыма. 6 марта 2004. – С. 4; Наше северное меню. Оленьи окорочка с пастой из шиповника (4 порции). 13 марта 2004. – С.4; Наше северное меню. Оленина с грибами // Рабочий Надыма. 27 апреля 2004. – С.4
2. Крупник И.И. Питание и экология хозяйства ненцев Большеземельской тундры в 20-ых годах XX века // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М., 1976; Похлебкин В.В. Заполярная кухня // Кухни прибалтийских и молдавского народов. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1997. – С. 185-189; Ёсида Ацуси. Культура питания гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация). АКД. ИЭА РАН. Спец. 07.00.07. – этнография, этнология и антропология. М., 1997. – 28 с; Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 10-17; Зубов Л.А. Записки тундрового врача // Возрождение красного чума. Нарьян-Мар, 2002. – 13-27 (Тундровое меню. С. 21-22); Пушкарева Е.Т. Кухня ненцев (по полевым материалам) // VI Конгресс этнографов и антропологов России, Санкт-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г.: Тезисы докладов / Отв. Ред. Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 226.
3. Чеботаева Н.А. Традиционное питание // Гардамишина М.И., Чеботаева Н.А., Калитенко Е.В., Саврасова Г.П. Лесные ненцы. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2006. – С. 160 – 169; Дудников Н.Ф., Самбуров Н.М. Диалектикуа ямальского быта. Кухня на любой вкус. Салехард: Санкт-Петербург: Русская коллекция, 2008.
4. Похлебкин В.В. Заполярная кухня...
5. Пушкарева Е.Т. Полевые материалы 2005 г., Надымский район.
6. Oliver William John, M.D. Primitive peoples without salt: a perspective for industrialized societies. – 1st ed., 1998.
7. Antoni Klaus. Miwa – Der Heilige Trank. Zur Geschichte und Religioezen Bedeutung des Alkoholischen Getraenkes (Sake) in Japan. Stuttgart: Franz Steiner Verlag Wiesbaden GmbH, 1988.
8. Пушкарева Е.Т. Личные песни ненцев // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. С. ГМЭ. Л.: 1990. – С 81-85.

СЕМАНТИКА УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА В ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО ДИАЛЕКТА)

Л.Г. Возелова

Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» ул. Республики д. 73, к. 607, г. Салехард, Ямало-Ненецкий АО, Россия 629008. lvozelova@mail.ru

В рамках данной работы мы попытаемся взглянуть на язык сквозь призму культуры хантыйского народа, и выявит некоторые особенности национального самосознания. Часть любой культуры – обычаи, традиции, обряды, сложившиеся на протяжении веков и сопровождающие жизнь каждого человека. Фразеологизмы позволяют нам обратиться к истокам, узнать обычаи, обряды, утраченные или потерявшие в настоящее время сокровенный смысл. В них отражён богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование фразеологических единиц придаёт речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Хантыйский язык как любой другой язык богат фразеологизмами. Исследуя фразеологический фонд хантыйского языка, отметим, что по своему составу, красоте, оригинальности он (хантыйский язык) нисколько ни уступает другим языкам.

Фразеология хантыйского языка не подвергалась специальному исследованию, но многие исследователи хантыйского языка рассматривали данную тематику в своих научных работах. Также по этой теме имеются статьи на материале казымского и шурышкарского диалекта.

М.Е. Серахова в статье « Фразеологическое поле хантыйского языка (приуральский диалект) исследовала фраземы хантыйского языка, характеризующие человека, как единицы одного фразеосемантического поля и выявила 4 микрополя: «я - физическое» обозначает физическое состояние человека, «я - социальное» обозначает положение человека в обществе, «я - духовное» выражает духовное

состояние человека, «я - трансцендентального (смысложизненного)» отражает мировоззренческие взгляды человека. Автор пронаблюдала наивную концептуальную картину мира хантов Приуральского диалекта.[7,14].

Ю.Г. Миляхова, В.Н. Соловар в статье «Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) попытались сделать первичный анализ единиц, отражающих эмоциональный и поведенческий опыт хантыйского языка. [5,44].

Лингвистика XXI века активно разрабатывает направление, в котором язык рассматривается как культурный код нации. Язык – это путь, по которому человек проникает не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Вся многовековая культура народа отражается в его языке, каждый язык специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует и отражает деятельность человека. Ф.И.Буслаев утверждал, что фразеологизмы – это своеобразные микромиры, которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». [1, 37].

Известный русский языковед Б.А.Ларин писал: «Фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражаются – как свет утра отражается в капле росы». [2, 125].

В.А.Маслова пишет: «Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.» [3, 3].

Как отмечает В.А.Маслов: Хранителем культурной информации является любой текст, а всякий фразеологизм – это минимальный текст, который и содержит определенную информацию. [там же].

В.Н.Телия, один из виднейших современных ученых-фразеологов, пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», особенно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации. [4, цит. по Маслова 2001: 82].

Фразеологические единицы отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки. М.А.Шолохов так писал о народном характере фразеологизмов: «Из бездны времени дошли до нас во фразеологических сочетаниях радость и страдания людей, смех и слезы, любовь и гнев, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков».

В центре фразеологического значения — сам человек, его воззрения на мир. Мир вещей человек сравнивает, в первую очередь, с самим собой, проводя аналогии со строением своего тела, с действиями, с качествами.

В своей диссертации Зоя Степановна Рябчикова «Соматическая лексика хантыйского языка» пишет, что в хантыйском языке наиболее употребительными во фразеологических сочетаниях являются сомонимы голова, рука, глаза, нос, ухо, сердце, горло, печень, кровь, то есть те названия частей тела и внутренних органов, роль которых в жизни человека являются наиболее важной [6, 27], например: На муй шовар сам лэсэн? 'Ты разве заячье сердце съел?'; Кев сампи ху 'с каменным сердцем человек'; Кев сэмпи 'с каменными глазами'; Самды — мохелды 'без сердца, без печени'; нёдал нуман тайдалды 'нос наверху держит'; нёдэл нюр варэс 'нос его будто прут' и др.

Многие хантыйские фразеологизмы выполняют роль символов или эталонов поведения: Эталон — это образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалий — персоной, натуральным объектом, вещь, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства: Эталонизированные представления дают нам понятия об образцах: образом глупости в хантыйском языке являются неодушевлённые предметы: ус ант тайты 'дыры не имёт'; охды от 'без головы'; ох шув

ант тайты от 'мозги не имеет'; ошды от 'предмет без головы'. Образ злости наиболее ярко представлен в хантыйском языке в названиях животных: акар — ими 'женщина - собака'; хор сэмэн вантэл 'Смотрит как бык'; апм иты хорэтэл' лаит как собака'.

Разные типы фразеологизмов по-разному отражают культуру. Чаще всего фразеологизмы указывают на сферу материальной культуры (названия предметов обихода, быта, продуктов питания, ремесел и профессий, терминов родства). По лексико-семантической группе можно выделить следующие группы: например, родственные отношения и рат сыдэн улты отат 'у одного очага живущие люди': продукты питания руц лэтот 'русская еда'; 'нетрадиционная пища (букв: русская еда)'; а кен- ашен ат лэвам лэтот 'мать-отец не употреблявшие такой пищи'; физиологическое состояние человека: сувдэл хот до гла йювалдмэл 'посох, хорей на крышу жилища (стены) закинула'; предметы быта: кеше а- лайма а йис 'с ножом — топором стала'; ирна сунан олты ловэт 'в «кривом» суне спал'; лув педает ликем, пут иты кавэрэл 'моё зло к нему, как котёл кипит'; патлэм хотэн антома ювам няврэм 'в темном доме, исчезнувший ребёнок'; одежда: молщэ а таласмэн омасэл 'сидит спрятавшись в малицу — о человеке, который безразличен к чему либо'; эмоциональное состояние: лики- сохи 'со злой шкурой'; венш сохал ид парыйал 'шкура с морды лица сыплется'.

Имена собственные с их внутренним содержанием отмечаются во фразеологизмах так, например, отшам Ванька 'глупый Ванька'. Этот фразеологизм употребляется в том случае, если хотят дать характеристику глупому, невежественному человеку, безнадежному дураку. Многие прозвища ярко и образно отображают человеческую суть, как например, каркам Илья 'шустрый Илья'. Слово «каркам» не имеет точного перевода на русский язык. Каркам- значит быстрый, всё умеющий, расторопный, так можно сказать о человеке, который всегда найдёт работу для рук и ума.

Фразеологизмы выступают и регуляторами человеческого общения. Хантыйский народ выработал фразеологизмы — этикетные формулы: пожелание счастья - Кен самэн, кен йошэн ула 'с легким сердцем, с лёгкими руками живи'; турап пидэн, ур пидэн' с Бо-

гом'; ед улты турмен, ед улты хятлэн шавимэн тайа 'дальнейшую свою жизнь береги'; йошэн хойты йам тахэна йам пормэс понэ, күрэн хойты йам тахэнэ йам номэс хайа 'в то хорошее место, куда рука твоё дотрагивается, кладёшь хорошую вещь, в том хорошем месте, куда наступают твоё нога, оставь хорошую мысль'; улты мўвен, холты мўвен ад укшамты 'землю, на которой живёшь, не погань'; при прощении мы говорим — йушэн ат ус пайды па ту 'пусть дорога будет прямой и ровной'; манты йушэн шувэ э-пуса э ат кавэрмэл 'пусть ваша дорога туманом дымом клубиться' и др.

Эмоциональные отношения мы выражаем фразеологизмами: Турамн ат шавилайан! 'пусть Бог тебя бережёт'; ешэк сорни! 'боже мой!'; сорни а ки! 'золотая мама!'; сорни не! 'золотая женщина!'; ешэк турэм! 'о небеса!'

Ритуальные формы народной культуры могут являться источником культурной интерпретации фразеологизмов. Сюда могут относиться сватовство, поминки, поверья, мифы, заклинания; перна пос понты 'крест положить'; ма охем энхилысэм камэтсэ хатэднэ 'я свою голову развязывала на несколько раз'; охем дап ярсэм 'я свою голову завязала'; ўнэл пуншты тын вохэл 'для открытия рта просит цену'; у эл пуншты 'рот=свой открыть'; па хот ойна питы 'к другому дому к счастью стать — обрести новую судьбу за мужем'; охшамэ нэ тусэм 'девушку в платке привез — женился'; ухэл партэ педэкэн ювэм нэ сахэт муй ар тын вохда 'за привезённую на нарте с левой стороны сидящую женщину немного выкупа просится'; яийн/опен ой элты манлэн 'перешагнёшь через счастье старшего брата/сестры' и др. и др.

К источникам интерпретации может относиться паремиологический фонд. Паремия - паремиологический фонд — это народные изречения, которые имеют структуру замкнутых предложений различных типов. Именно пословицы и поговорки являются отображением народного самосознания, народной мудрости, традиций и обычаев: Сэматэл, палатэл 'бросается в глаза, бросается в ухо, так говорят об очень смелом человеке развитым физическими качествами'; мув- автэн кинща муй эвмэн ул 'чем земля и природа — что нужнее, важнее и любимее есть'; талэн па муй думатлэн? 'а зимой что ты оденешь?'; юшен дап хун олса 'По-

перек дороги никто не лежит (имеется в виду, никто не мешает осуществить, пройти дорогу)'; йохды номас ант кератэл, елды номас ант па понэл 'обратно думаю не поворачивает, вперёд думаю не кладёт'; тад йошэн омасэл 'Сидит с пустыми руками'; ведал па порал 'убивает и кусает, так говорят о страшном, злом человеке'; олман нянь ант шитлэн 'спящий хлеба не добудет'; хоят муй хорпи, си хорпия ванты 'по делу человека суди'.

В хантыйском языке многие фразеологизмов связаны с религией, например: Тумтак ёш, тумтак кур 'целых рук и целых ног'; турэм пилэн ур пилэн 'С Богом'; ох понты 'голову положить — креститься'.

Во многих фразеологизмах хантыйского языка одним из компонентов являются зоонимы - животные, млекопитающие, птицы, насекомые, рыбы, ракообразные, пресмыкающиеся и черви. Животные всегда жили рядом с человеком. Главным помощником для оленевода и рыбака является собака. Поэтому в хантыйском языке есть много фразеологизмов с компонентом — зоонимом собака, например: Номпсэм ампа ант рахэл 'моя мысль у меня плохое настроение'; Ампа верты 'делать собакой - унижать'; муй амп у эл вўса лукемасэн? 'в пасть собаки разве сунул?'; дикие животные — это, в первую очередь, пропитание, без которого человек не может обойтись, например: самэл шовэр хорпи 'сердце его как у зайца'; охсар сэм эн 'лисы глаза'.

Люди подмечали поведение животных, их повадки и переносили эти свойства на человека, сравнивали поведение животных с поведением людей. При использовании названий животных во фразеологизмах народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные, например Акар ими 'овчарка-женщина', Панны хорпи 'быть похожим на налим'.

Наиболее распространённые в хантыйском языке фразеологизмы с компонентами — зоонимами — млекопитающие, птицы, насекомые, рыбы, ракообразные, пресмыкающиеся и черви, например: птицы — лўк ики 'глухарь-мужчина — о бесчуживенном человеке'; няд хот суен куккэкэн ат дуйдайаэт (ругат.) 'четыре угла дома твоего пусть кукушка обпоёт — пусть этот род прекратится'; олмэм лук иты 'как сонный глухарь', палды лук 'без

ушэй глухάρь'; сямды-мохэлды навэрнэ энэ навэрмэса 'лягúшка без сёрдца, без пёчени прыгнула на негó'; панне хорпи букв. 'быть похóжим на налúма — быть неповорóтливым, ленивым, сóнным'; лэнь хоят панне хорпи 'ленивый человек из-за неподвижности, неповорóтливости похóж на налúма'; сорт сем ал лэва, семен шúнштáды 'не ешь щúчы глаза, глаз твой мýшцами покрóбется — бúдешь плóхо вíдеть'.

Данный анализ фразеологических единиц дает основание выделить такие фразеологизмы в особый подкласс по общности компонента-зоонима. Таким образом, под фразеологизмами с компонентами-зоонимами понимаем

фразеологические единицы, имеющие в своем составе слова, называющие животных.

Итак, нами исследованные фразеологизмы показали, что фразеологический состав хантыйского языка представляет собой весьма ценное лингвистическое наследие, потому что именно в нем отражается культурно-историческое мировоззрение народа, его культура, обычаи, традиции, а фразеологизмы хантыйского языка сохраняют и воспроизводят его менталитет, его культуру от поколения к поколению. Для изучения фразеологического состава языка очень важно познать внутренние закономерности образования и развития фразеологических единиц.

Литература

1. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И.Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
2. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии / Б.А.Ларин // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977. – С.123-148.
3. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А.Маслова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
4. Телия, В.Н. О типах и способах фразообразования / В.Н.Телия // Проблемы русского фразообразования. – Тула, 1973. – С.25-43.
5. Миляхова Ю.Г., Соловар В.Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения: научно-теоритический и методический журнал. 2013.- №2(12). с.44-49.
6. Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: дисс. филол.наук: 10.02.02. Санкт-Петербург, 2007.
7. Серасхова М.Е. Фразеологическое поле хантыйского языка (приуральский диалект// Вестник угроведения: научно-теоритический и методический журнал. 2010.- №3(18). с.10-15.
8. Ширшова Н.С. Фразеологические единицы с компонеетом-зоонимом: лингвокультурный и семантический аспекты.Тобольск, 2013.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ
 КОНТЕКСТЕ ЯМАЛА

Цымбалюк Н.В.

Охарактеризовать специфику исследования литературного процесса в историко-культурном контексте - значит ответить на следующие главные вопросы: почему необходимо исследовать литературный процесс в историко-культурном контексте? как связаны литературный процесс и культура? что является историко-культурным контекстом литературного процесса? в чем специфика и трудности исследования литературного процесса в историко-культурном контексте?

В XX веке литературе коренных народов Ямала пришлось пройти ускоренный путь развития, и на этом пути были свои обретения и потери, тем не менее важнейшей является идея о типологическом сходстве развития литературы коренных северных народов с процессом литературного развития других народов Европы и Азии.

Осмысление своего историко-культурного развития писателями коренных народов представляет собой своеобразный культурный феномен, мало исследованный как с культурологической точки зрения, так и с литературно-художественных позиций. Существенный интерес представляет исследование и оценка «изнутри» представителями вышеназванных этносов проблем своего собственного прошлого, мифологического компонента культуры, её фольклорных истоков, отношения к традиционным верованиям (в частности, к шаманизму).

На Западе многие исследователи до сих пор литературу народов Севера считают искусственным сооружением, созданным по приказу правительства после 1917 года.

Венгерский учёный Петер Домоклош, изучив критические замечания в адрес литератур малочисленных народов Севера, выявил наиболее распространённые претензии западных литературоведов. Они считают, «что нельзя называть литературой такое явление или группу явлений, в которых, во-первых, очень малое количество творцов и несколько мифологиче-

ских имён, во-вторых, количество произведений минимальное, и, в-третьих, значительное количество произведений опубликовано не на языке данного народа, а на русском языке.

Но есть ещё и более серьёзные проблемы. Так например, произведения, изданные на оригинальном языке народа, так сильно различаются в диалектном отношении, что даже представители данной литературы не всегда понимают их (например, среди хантыйских литераторов Р.Ругин, П.Салтыков и М.Шульгин пишут на Шурышкарском, В.Волдин — на казымском, Г.Лазарев — на среднеобском, Е.Айпин — на сургутском диалектах, имеющих значение литературных. И фактически все шестеро представляют хантыйскую литературу).

Но Петер Домокош опровергает многие представленные выше утверждения. Он считает, что «во времена генезиса самых больших литератур ни у одной из них тоже не было слишком большого количества творцов. Теоретически литература может состоять даже из одного произведения, которое может оказаться единственным следом. Единственным памятником данного народа в языке, литературе и науке будущего». Поэтому, на наш взгляд, ямальская литература давно уже стала частью общемирового литературного процесса.

Содержательный план произведений ямальских писателей охватывает все этапы истории и развития культуры коренных народов Ямала на протяжении XX века. В них, с одной стороны, затронута сфера коллективного сознания народа («Живун» И.Истомина, «Молчащий» А.Неркаги, «Ири» Л.Лапцуй), с другой — показано формирование индивидуального сознания человека Севера, его выделение из родового мира («Анико из рода Ного» А.Неркаги, «Ланги» Р.Ругина и другие повести). Мир и человек Севера представлены как «изнутри» (Р.Ругин, А.Неркаги, Л.Лапцуй Н.Ядне, З.Лонгортова), так и со стороны (Н.Дудников, Ю.Афанасьев, Э.Тополь, и др.).

В анализируемых произведениях в боль-

шей или меньшей степени высвечены все исторические катаклизмы и этапы культурного развития коренных народов в XX столетии. Сквозь призму писательского видения рассмотрено как начало века (И.Истомин), так и его конец (А.Неркаги).

Последние дни царской России и становление советской власти воспроизведены в романе И.Истомина «Живун». Военные и послевоенные события описаны в повестях Р.Ругина. Драматическая эпопея освоения нефтегазовых месторождений в 60-80 — е годы так или иначе присутствует во всех произведениях ямальских писателей. Это краеугольный камень литературы северо-запада Сибири второй половины XX века. Наконец, критическая переоценка пройденного народами Ямала исторического пути в прошлом веке, проблема выбора дальнейшего развития становятся идейными доминантами произведений А.Неркаги, Н.Дудникова, А.Лапсуй, Н.Ядне, Н.Баскова и др. опубликованных в 80-90-е годы. Появившаяся исторически недавно, в середине XX века, и осмыслявшая вначале лишь местные реалии, к началу XXI века литература народов Ямала подошла к постановке важнейших социальных, исторических, экзистенциальных проблем.

В художественно-эстетическом отношении литература народов Ямала пуповиной связана с русской и мировой литературой. Эти связи прослеживаются как на типологическом уровне, так и в сфере взаимовлияний и заимствований. Они проявляются как в виде сознательных аллюзий и цитирований, так и на интуитивном, подсознательном уровне, в виде «общих мест», «встречных движений», бродячих сюжетов» мировой культуры (литературные сказки Р.Ругина, «сюрреализм» А.Неркаги).

Определённо можно говорить о доминировании в ранней поэзии и повестях ямальских писателей метода социалистического реализма. Творческое становление многих писателей пришлось на годы советской власти, когда этот метод был ведущим и его влияние так или иначе не могло не ощущаться в их произведениях. Тем более, что социалистический реализм как художественный метод многое заимствовал из эстетики классицизма и просветительской литературы предыдущих столетий. Риторичность

и дидактичность классицизма — необходимая ступень развития всех культур, и коренные народы в этом отношении не исключение.

Сложен вопрос о реализме писателей Крайнего Севера. Понимаемый глубинно, не в смысле «верности деталей», а в плане бальзаковского и толстовского психологизма, он пока ещё не вполне освоен ими.

Остаётся открытой проблема осмысления аборигенами циркумполярной зоны своего положения в современном мире, их взаимоотношений с русским этносом и советским миром в XXI веке.

В произведениях писателей Ямала не в полной мере прояснены специфика ментальности их народов, особенности восприятия Северного мира мужчиной и женщиной, своеобразие любовных переживаний и коллизий северян.

Как нам представляется, важным стилистическим и содержательным компонентом литературы народов Ямала является своеобразно трансформированный романтизм. Речь в их произведениях идёт не о демоническом герое, не о крайнем индивидуализме романтических персонажей (исключение составляет герой произведения А.Неркаги «Молчаший», который сродни Данко и Демону).

Не присуще героям «северной литературы» и романтическое двоемирие, однако конфликт «цивилизация — природа» одинаково близок романтикам XIX и писателям-северянам второй половины XX века, причём и в том, и в другом случае предпочтение отдаётся природному, естественному началу. В этом смысле можно говорить и о спонтанном руссоизме «северной литературы».

С романтизмом сближает литературу народов Ямала культ природы и концепция человека. Природа для писателя — это святилище, а человек — благоговейный почитатель, который добросовестно исполняет его сакральные законы и никогда не злоупотребляет дарами. Показательно, что все ритуальные действия у коренных народов Ямала проводятся не в специальных храмовых помещениях, а на лоне природы, в священных местах.

Культ природы и героика открытия новых земель, мотив бегства от прозы жизни и романтика новыхстроек, стихи и песни о тайге и Сибири одухотворяли советскую литературу

60-70 годов и, так или иначе, воздействовали на творчество писателей Севера. Однако, если в советской литературе противоречиво сплетались восхищение природой и пафос ее покорения, то для коренных писателей этой дихотомии не существовало: свой край нужно было однозначно спасать. Экологическая тема пронизывает творчество всех северных писателей, но пути решения этой проблемы нередко были идеально-романтическими.

В изображении обыденной, повседневной жизни коренных народов писатели также следуют романтической традиции. Речь идёт об известном романтическом принципе “*couleur locale*” — интересе к местному колориту, своеобразном этнографизме. Мужчина занимается исконно мужскими занятиями — охотой, рыболовством, оленеводством, женщина — его верная подруга и помощница. Следопыты, охотники и рыбаки северян в чём-то схожи с героями Ф. Купера и Д. Лондона, живущими в согласии с только им известными законами природы. Д. Лондон особенно близок северным писателям в изображении «белого безмолвия» и экстремальных ситуаций, связанных с природными условиями, в показе особой психологии человека Севера, в поэтизации отношений человека и животного на Севере.

Писатели Севера следуют романтикам и в стилистическом отношении. Обилие поэтических тропов, определённая приподнятость и пафосность повествования, героизация персонажей, резкие краски в изображении добра и зла, доля мистичности и загадочности в изображении северных реалий и традиционных ритуалов — всё это позволяет говорить о присутствии ощутимой романтической струи в северной литературе.

Наконец, та проблема выбора, которая возникает у героев северной литературы в конце XX века, в определённой степени также носит романтический характер. Показательна в этом отношении повесть Р. Ругина «Ланги», которая вся построена на принципе романтического двоимирия: противопоставление прозы обыденной жизни в городе и очищающего воздействия пребывания на лоне природы; сцены охоты, в которых человек и природа сталкиваются не на жизнь, а на смерть; мир человека и мир животного. Природное, естественное начало закономерно оказывается более чистым

и благородным, чем мир городской цивилизации, но, к сожалению, человек оказался не на высоте требований, которые предъявляет ему мир природы в облике преданного пса. Данный идейно-содержательный комплекс позволяет сблизить повесть Р. Ругина и с традицией пасторальной литературы.

Проблема судьбоносного выбора, которая возникает у героев «ямальской литературы» в конце XX века, в определённой степени также носит романтический характер и предвосхищает внутренние борения, которые им ещё придётся пережить.

Психологизм писателей Ямала ограничивается пока приёмом показа внутреннего через внешнее — тот способ, который не удовлетворял многих великих мастеров реализма уже в XIX веке. Внутренний монолог, поток сознания пока используется писателями Севера лишь для анализа самого верхнего слоя психики человека — его рациональных построений и лишь отчасти чувственных и интуитивных порывов. Проблемы подсознания, инстинкта, конфликта генетического и социального начал в личности, выявления архетипических представлений ненцев и хантов остаются пока неисследованными.

Не осмыслен, в сущности, своеобразный психологический тип коренного человека Севера. Константин Носилов ещё в конце XIX века отмечал: «Вогул гораздо меньше, чем мы, занимается личностью, страстями её, волнениями, её жизнью, а больше жизнью, окружающей его, знакомой, любимой природы, зверями, птицами, в которой действительно больше прелести и очаровательности, чем в людях... он представляет только её, характер зверей, их уловки, хитрости, страх, ужас, борьбу и смерть, смерть более героическую, более хватающую за сердце, чем даже у людей». Эта характеристика относится к человеку манси, однако, она в определённой мере применима и к другим аборигенным народам Ямала. Речь идёт о том, что только к концу XX века писатели Ямала стали осмыслять глубинное «я» собственного народа, его этническую и психологическую специфику. Многие исследователи отмечают особые мистические качества северных народов, их философичность и консервативность, которые определены условиями их существования: «Мир тундры настолько

хрупок, а слой жизни настолько тонок, что малейшие изменения чреватые не просто бедою, а грозят смертельными катаклизмами. Поэтому северный человек не может не быть философом — постоянное наблюдение за своей хрупкой вселенной заставляет думать, анализировать, всё ли сделано им для сохранения жизни. Поэтому северный человек не может не быть консерватором: жизнь в тундре опробована сотнями поколений, всё доведено до совершенства, и любое нововведение таит в себе непредсказуемые последствия».

Интересно, что и пришельцы на Севере по мере вживания приобретают отчасти некоторые черты характера и менталитета коренных жителей, их обстоятельность, неспешность, рассудительность в духе северной мудрости: «В тундре торопится тот, кто спешит умереть». Таким образом, исследование феномена северной ментальности как коренного жителя, так пришлого человека, представляет собой важнейший, но ещё мало исследованный аспект в литературе Севера. Особый интерес представляет также эволюция сознания коренного человека, который был помимо своей воли вырван из традиционной среды и оказался в мире городской цивилизации. Тема «гурона», то есть «естественного» человека, оказавшегося в цивилизованном мире, хорошо известна в мировой литературе, начиная с «Персидских писем» Монтескье и вольтеровского «Простодушного» вплоть до «Дивного нового мира» О. Хаксли. В этом смысле весьма показательна и по своему уникальна повесть Анны Неркаги «Анико из рода Ного». В отличие от Романа Ругина писательница не сглаживает драму девушки-ненки, оказавшейся между молотом цивилизации и наковальней традиционного образа жизни. Повесть А. Неркаги может быть отнесена к тому типу реализма, который доминирует в настоящее время — предельно откровенному и свободному от какой-либо идеологической нагрузки. Однако произведение ненецкой писательницы скорее исключение, чем правило в современной литературе коренных народов.

Не осознанной до конца писателями Севера остаётся проблема разграничения авторского «я», позиции рассказчика и функций персонажа. Опять же в повестях Романа Ругина происходит явное смешение образов рассказчика

и автора, в определённых эпизодах логика развития характера персонажа явно подавляется авторской позицией.

Таким образом, глубинный психологизм реализма XX в., сложные построения модернистской и постмодернистской литературы не характерны пока для северной литературы. В определённой мере первооткрывателем здесь является А. Неркаги, в произведениях которой присутствуют некоторые элементы модернистской поэтики, однако и у неё эти элементы в большей степени выполняют внешнюю, сюжетообразующую функцию, нежели касаются глубинных моментов психологии персонажей.

Воздействие биографических факторов на творчество ямальских писателей представляет собой тему отдельного серьёзного исследования. Но можно сделать один обобщающий вывод: все ямальские писатели остро ставят вопрос о будущем своих народов и путях преодоления их теперешнего кризиса.

В связи с этим возникают следующие вопросы: Выполняет ли ямальская литература функцию социализации человека? Включена ли она в процесс воспитания подрастающего поколения?

Данные опроса свидетельствуют, что количество юношей и девушек (до 30 лет), читающих своих национальных писателей очень мало. Лишь каждый третий может пересказать хотя бы одно произведение. Почти половина не только не знакома с произведениями, но не знает даже имён и фамилий. И это при том, что во всех школах округа ведётся преподавание предметов национально-регионального компонента (культура ЯНАО, география ЯНАО, история ЯНАО литература ЯНАО, этнология региона и др.).

Анализ этой культурологической драмы обязывает литературоведов дать чёткий и обоснованный ответ на вопрос о степени близости, “родственности” русской литературы и культуры и литературы и культуры коренных народов Ямала. Это вопрос чрезвычайно сложный, остро воспринимающийся русским национально-культурным сознанием, активно дискутирующийся на Ямале и в России последние тридцать лет. Чрезвычайная сложность этого вопроса заключается даже не в самой сложности определения степени близости русской и ненецкой, хантыйской, селькуп-

ской культур и литератур, а в сложности нахождения меры, оснований, критериев для их сопоставления; ведь прежде чем определять, насколько близки эти литературы и культуры, необходимо определить параметры, по которым мы будем судить о степени их близости. А эти литературоведческие параметры очень расплывчаты.

Известный российский писатель Захар Прилепин, посетив в марте 2014 года город Ноябрьск, в своём интервью «Разрыв шаблона» сказал ямальским журналистам следующее: «Когда мы все увидим, что Россия

– это круто, все мы с удовольствием признаем себя её детьми и потянемся к ней. Надо только увидеть. И очень важно – помочь увидеть».

Поэтому можно сделать вывод, что залогом дальнейшей успешной социализации коренных народов ЯНАО и развития литературы является благоприятное решение их социально-экономических и культурных проблем. Только свободный человек на принадлежащей ему земле может получить хорошую отдачу от столь хрупкой материи, коей является литературное творчество.

«ПОМНИМ И СКОРБИМ»
100 лет с начала Первой мировой войны

Степанченко В.И.

В своей статье я хочу кратко остановиться на таком важном событии в истории России, как Первая мировая война, 100-летие с начала которой отмечается в текущем году. Эта война и подвиги русских солдат, казаков и офицеров незаслуженно забыты. В России до настоящего времени нет достойного памятника их подвигам. Настала пора воздать должное тем людям и событиям, в которых принимали участие наши предки.

Кратко остановлюсь на истоках самой войны и её начале. Прошло 100 лет, но, к сожалению, западные политики не успокоились. В качестве примера можно привести последние события на Украине, в которых явно просматриваются аналогии тем далёким событиям, когда Россия защищала свои национальные интересы.

Поводом к развязыванию Первой мировой войны стало обострение ситуации на Балканах, где Австро-Венгерская дипломатия довела дело до раскола балканских стран и войны между Болгарией и остальными странами региона. В 1878 году завершилась русско-турецкая война. Босния и Герцеговина формально остались под властью Османской империи. Но в 1908 году после революции в Турции, император Австро-Венгрии Франц Иосиф ввел в эти страны войска и объявил их частью Австро-Венгрии. Славянские народы были возмущены этим актом агрессии и надеялись на вмешательство России и Сербии. Но Россия после русско-японской войны (1904-1905гг), была ослаблена, а у Сербии других союзников для борьбы с Австро-Венгрией не было.

Ненависть к австрийским захватчикам в балканских странах росла. Это привело к тому, что 28 июня 1914 года сербский студент Гаврила Принцип, член тайной националистической организации «Млада Босна» в Сараево убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену. В этом Венский двор обвинил Сербию и начал

войну. События в центре Европы стали развиваться стремительно. Напряженность росла. С целью повлиять на позицию Габсбургов, Россия, как гарант сербской независимости, объявила у себя мобилизацию. В ситуацию вмешалась Германия, и кайзер Вильгельм II потребовал от русского царя Николая II прекратить мобилизацию. Начавшиеся переговоры Вильгельмом II были прерваны и 1 августа 1914 года он объявил России войну. А уже 3 августа Германия объявила войну Франции. Поддерживая Россию и Францию, 4 августа войну Германии объявила Англия. В результате в Европе образовалось противостояние англо-франко-русской коалиции Антанты (Антанта, означает согласие) и союза, в который вначале вошли Германия, Австро-Венгрия, Италия, а также Турция, напад на Кавказе на Россию. Правда в 1916 году Италия перешла на сторону Антанты.

Таким образом вспыхнула Первая мировая война, результатом которой стал глобальный пересмотр европейского государственного устройства и ценностей. В этой войне Германия ставила перед собой задачу получить западные земли России отвоёвав у неё Польшу, Прибалтику, Украину и Белоруссию. При этом Россия, в отличие от других стран, агрессивных планов не имела. Её территориальные проблемы были решены ещё к началу 19-го века. Для России главным было противостоять германскому экспансионизму и турецкому реваншизму, а самое главное - поддержать славянские народы. Население страны сплачивалось. Первые поражения и громкие победы способствовали росту патриотического движения.

Тобольский губернатор, поддерживая царские указы о трезвости, объявил в этот период борьбу с пьянством, которую люди активно поддержали. А на Крайнем Севере, в селе Обдорском население решило запретить вино-торговлю навсегда. Развернулось движение по сбору средств в помощь армии. Только в кассу

Тобольского управления в первые дни войны поступило 7349 рублей 50 копеек наличными деньгами и на сумму 5764 рубля 34 копейки материальными средствами. Жители села Мужы пообещали сделать свой вклад постоянным до конца войны, перечисляя на нужды армии от 1 до 3 % от своего жалования. Активизировались женские движения сестер милосердия. Уже в ноябре 1914 года медицинский отряд тоболячек отправился на фронт. Вместе с тем ленинская оппозиция всячески препятствовала этому народному порыву.

Дальнейшие революционные события в России незаслуженно затмили эту войну и героизм, проявленный на ней русскими солдатами и офицерами. После октября 1917 года к власти пришли большевики. В марте 1918 они заключили с Германией «Брестский мир», по которому отдали ей западные земли России. К этому времени Россия потеряла более 6 миллионов человек убитыми, ранеными, искалеченными. Главные промышленные районы были разрушены. Война, в которой Россия побеждала, закончилась позором и унижительным миром.

Долгие годы о войне 1914-18 годов в России не вспоминали, либо умалчивали. Кстати, первым награжденным Георгиевским крестом в августе 1914 года был Кузьма Крючков, казак, получивший 16 ран пикой, но уничтоживший 11 немцев. Первым генералом-авиатором, начальником авиации в Русской армии в конце Первой мировой войны был казак с Кубани Ткачев Вячеслав Матвеевич, награжденный десятью орденами.

Я не буду перечислять все героические события того периода. Но хочу привлечь ваше внимание к ним, и предложить мероприятия, в которых мы с вами не только можем, но и обязаны поучаствовать. Часть из них краеведы, казаки и справедливороссы совместно с общественностью уже реализуют в автономном округе.

Итак, что же уже сделано: во-первых, мы поддержали инициативу по сбору средств на строительство памятника героям Первой мировой войны на Поклонной горе в городе Москве. Эта акция международная. Многие из нас уже внесли посильный вклад по сбору средств. Если вас это заинтересовало, то полную информацию об этой акции можно получить на

сайте «ЛЕТКА.РФ», через которую можно в электронном варианте перечислить посильную сумму денег и ознакомиться с предложенным архитектурным вариантом памятника.

Во-вторых, совместно с обществом краеведов и государственным архивом Автономного округа мы приступили к сбору фотографий из семейных архивов и памятных документов, связанных с событиями Первой Мировой войны жителей Ямала, объявив это в окружных СМИ. Начиная эту работу, мы даже не предполагали, с каким интересным и важным фактом мы столкнемся. Один из жителей Салехарда обратил наше внимание на белое пятно в истории Ямала, которое за прошедшие 100 лет не нашло должного отражения. Оказывается, в период с 1915 по 1918 год на Северном фронте воевал 483-й пехотный Обдорский полк. (Так в тот период назывался город Салехард, нынешняя столица Ямала). В настоящее время нами сделаны соответствующие запросы в различные архивы и в том числе в Российский государственный военно-исторический архив, где хранятся сотни документов, связанных с боевым путем 121-й пехотной дивизии. Восемьдесят документов касаются непосредственно истории 483-го полка. Их изучение прольет свет на то, сколько сибиряков, ямальцев входило в его состав и какие подвиги они совершили на полях сражений Первой мировой войны. Факт уникальный, когда я говорю об этом, то у многих ямальцев на лице явное удивление.

О существовании «именного» ямальского подразделения мы узнали только в начале текущего года. 483-й пехотный полк принадлежал дивизиям третьей очереди, которые формировались в один из самых тяжелых периодов Первой мировой войны, весной 1915 года. К 29 июня того же года, полк был полностью укомплектован и, вместе с другими «именными» полками, (481-м Мещовским, 482-м Жиздринским, 484-м Бирским, 485-м Еланским) воевал под Ригой, на Северном фронте. Отрывочные первоначальные сведения, которые нам удалось получить, гласили, будто бы 483-й полк всю войну сидел в окопах и в боях не участвовал. При этом следует отметить то, что дивизии 3-й очереди, сформированные в 1915 – 1916 годах из ополчения и новобранцев не могли получить духовного наследия

старых полков, не будучи с ними связаны кровно. Определяющим началом здесь были: во-первых, командиры, во-вторых, та среда, в которой этим полкам с четырехсотыми номерами пришлось делать свои первые шаги и вступать в первые бои. Вместе с тем, медаль «За храбрость», судя по её номеру, принадлежавшая Семену Алексеевичу Алексееву – рядовому 483-го пехотного Обдорского полка, врученная ему за воинскую храбрость, проявленную в боях под Ригой 5 июля 1917 года, свидетельствует о том, что военнослужащие Обдорского полка непосредственно участвовали в боевых действиях и совершали подвиги. Подтверждением воинских заслуг этого полка является и то, что в тот период, только четверем воинским частям было вручено полковое знамя и среди них был Обдорский полк. Кроме того этот полк, участвуя в сражениях, понес большие потери. По сведениям, полученным из архива, только в боях на Нейговских позициях он потерял убитыми, ранеными и контуженными 2088 человек.

Конечно, вопросов очень много: как этот полк получил наименование, кто составлял основу его формирования, где он формировался, где теперь его знамя или, хотя бы, рисунок его и так далее и так далее? Пока удалось немного, но есть, к примеру, сведения, что в этом полку служил прапорщик Масленников Василий Константинович, родившийся в городе Челябинске 1 января 1889 года в семье мещан. Ка-

кова его судьба? Это еще предстоит выяснить.

В-третьих, ведя работу с детьми и молодежью, правление Обско-Полярной казачьей линии объявило конкурс детско-юношеского рисунка, посвященного 100-летию Первой мировой. Информация об этом конкурсе опубликована в окружной газете «Красный Север». С положением об этом конкурсе можно ознакомиться так же на сайте «ЛЕТКА.РФ». В-четвертых, интересный Международный конкурс фотографии «Герои Первой мировой. Фотографии из личных архивов» объявлен партией СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ. В настоящее время идёт сбор фотодокументов для проведения в дальнейшем выставки и издания фотоальбома, посвященного этой юбилейной дате. Мне пока удалось собрать семь таких личных фотографий. В-пятых, с 1998 года традиционно издаются настенные тематические календари. В текущем году этот календарь посвящен 100-летию юбилею с начала Первой мировой войны.

И в завершении хочу проинформировать, что в память об участвовавших в боях Первой мировой войны и её жертвах, атаманское правление Обско-Полярной казачьей линии учредило памятный знак, который будет вручаться тем, кто внес вклад в возрождение памяти о забытой войне. И 1 августа текущего года в память российских героев и жертвах той войны мы организуем памятные акции, одев эти памятные знаки

**Резолюция
научно-практической конференции
«Обдорья: история, культура, современность»
Тема: «Арктический вектор научного поиска»**

г. Салехард

23-24 апреля 2014 г.

Работа восьмой научно-практической конференции «Обдорья: история, культура, современность» прошла в г. Салехарде на базе Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского. Организаторы конференции – ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Департамент по науке и инновациям Ямало-Ненецкого автономного округа, ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского». В работе конференции приняли участие более 40 исследователей из различных академических, музейных и вузовских центров РФ (гг. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Тула, Тюмень, Сыктывкар, Надым, Салехард).

Тема конференции – «Арктический вектор научного поиска». Доклады были заслушаны и обсуждены на пленарном заседании, а также в ходе работы трех секций:

1. «Историко-социальные исследования».
2. «Медико-биологические исследования».
3. «Археолого-этнографические исследования».

Работа конференции строилась в соответствии с темами, в самом общем виде зафиксированными в названиях секций. Всего было заслушано 39 докладов, большая часть которых была посвящена сохранению и развитию традиционных систем адаптаций коренных народов Севера, их существованию в условиях нарастающей глобализации и развития ТЭКа; а также проблем, связанных с различными аспектами здоровья жителей ЯНАО. Семь докладов касались проблем древней, средневековой и современной истории региона.

Результатом обсуждения проблем, обозначенных в докладах, представленных участниками конференции, стала возможность еще раз, возможно, в более широком варианте, чем это делалось раньше, представить обобщающую картину правового обеспечения в области сохранения традиционной экономики и связанного с ней образа жизни; охраны здоровья, как коренного, так и пришлого населения ЯНАО; социокультурных процессов, происходивших на территории нашего региона от древности до современности. Обсуждалась также реальная возможность прогнозирования будущего развития округа в свете этих научных исследований.

В докладах и выступлениях во время дискуссии участники конференции отметили, что традиционные отрасли экономики ЯНАО являются не только важной частью экономического потенциала региона в целом, но и мощным стимулом развития Арктической зоны планеты.

Участники конференции поддерживают дальнейшее развитие научных исследований в регионе, и особенно – в рамках деятельности Научного центра изучения Арктики.

Было также отмечено:

-что в развитии гуманитарных и медико-биологических исследований в регионе достигнуты высокие результаты;

-что традиционные культуры народов Ямало-Ненецкого автономного округа, как и все Арктической зоны планеты, находятся под угрозой массивированного техногенного и антропогенного воздействия, возникшей в связи с реализацией промышленных проектов в Арктическом регионе, превращения Арктики в центр переплетения геополитических интересов и противоречий;

-что в связи с этими процессами очевидна необходимость глубокого и всестороннего изучения, сохранения и адаптации к современным условиям традиционной экономики и культуры народов Севера;

-что Ямало-Ненецкий округ, на территории которого сочетаются древние традиции и бурные инновации, а также в связи с очевидным ростом его научного потенциала, может послужить лабораторией изучения устойчивого развития народов Севера во всех аспектах.

Участниками конференции признано целесообразным:

1. Продолжить работу по обеспечению высокого уровня научных исследований:

- по изучению социокультурных процессов развития региона, региональной и этнической идентичности его населения, и в связи с этим – обратить внимание органов государственной и муниципальной власти на необходимость этнической статистики, как важного информационного источника для принятия возможных управленческих решений;

- медико-биологическим аспектам сбережения населения и природы ЯНАО;

- по реконструкции древней и средневековой истории ЯНАО, как основы для познания сегодняшнего состояния этнокультурных и адаптационных процессов, происходящих в регионе, а также возможности их прогнозирования в будущем.

2. В целях совершенствования механизма научно-исследовательских работ на территории ЯНАО предлагается рассмотреть возможность более действенной координации научных учреждений, работающих в округе, для чего создать научно-методический совет из независимых экспертов. В задачу этого совета должна входить и экспертная оценка предлагаемых научных проектов с целью выбора наиболее привлекательных для ЯНАО и Арктики в целом, а также информирование научных центров о результатах проведенных исследований. Научному центру изучения Арктики предлагается разработать механизм взаимодействия с Территориальным банком данных ЯНАО с целью размещения в нем информации о проводимых Центром исследованиях.

3. Опубликовать материалы научно-практической конференции в сборнике «Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа». Научному центру изучения Арктики предусмотреть возможность рассылки Вестника по крупным библиотекам РФ.

4. Участники конференции обращаются к оргкомитету будущих конференций «Обдорья: история, культура, современность» с предложением увеличить количество отведенных для ее проведения дней с целью проведения в рамках конференции более продолжительных дискуссий и круглых столов.

Сведения об авторах

1. Адаев Владимир Николаевич – к.и.н., с.н.с. лаборатории антропологии и этнологии. Института проблем освоения Севера СО РАН. 625003, г. Тюмень, а/я 2774, тел.: (3452) 688758, факс: (3452) 229360, начальник отдела археологии и этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», whitebird4@yandex.ru.

2. Гриценко Вадим Николаевич – в.н.с., заведующий сектором политической географии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Надым, Grivna-1958@mail.ru.

3. Карапетова Ирина Альфредовна – в.н.с. Российского этнографического музея г. Санкт-Петербург, karapetovaIA@yandex.ru.

4. Карпов Виктор Петрович – д.и.н., профессор, Тюменский государственный нефтегазовый университет, г. Тюмень, в.н.с., заведующий сектором экономической географии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», 7654321.58@mail.ru.

5. Копцева Татьяна Валерьевна – к.и.н., заместитель директора ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского», г. Салехард, tat-koptseva@yandex.ru.

6. Мартынова Елена Петровна – д.и.н., профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, er_martynova@mail.ru

7. Мурыгин Александр Михайлович – к.и.н., с.н.с., Институт языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, alek-murygin@yandex.ru.

8. Плеханов Андрей Владимирович – с.н.с. сектора археологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» ул. Республики д. 73, к. 607, г. Салехард, Ямало-Ненецкий АО, Россия 629008, andrei_plehanov@mail.ru.

9. Малов Владимир Юрьевич. - д.э.н., профессор, заведующий сектором анализа и прогнозирования развития проблемных регионов Сибири ИЭОПП СО РАН, г. Новосибирск.

10. Попков Юрий Владимирович – д.фил.н., профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, г.н.с. отдела регионоведения ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, uiriporpkov54@mail.ru.

11. Пушкарева Елена Тимофеевна - д.и.н., депутат Законодательного Собрания ЯНАО, г. Салехард, ул. Республики, д. 72, каб. № 407, e_pushkareva@mail.ru.

12. Соломина Лилиана Васильевна – гл. спец. службы по делам архивов ЯНАО, Тел. 8 (34922) 9 87 55; моб. 8 904 87 44 753, solomina@arch.gov.yanao.ru.

13. Степанченко Валерий Иванович – к.юр.н., депутат Законодательного Собрания ЯНАО, руководитель фракции партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ ЗС ЯНАО, председатель общества краеведов «Обдорья», атаман Обско-Полярной казачьей линии, г. Салехард, ул. Республики, д. 72, каб. № 413, тел. (34922) 5-46-10, 5-46-51.

14. Сязи Антонина Макаровна – к.и.н., методист Регионального института развития образования, г. Салехард, antonina.siazi@mail.ru .

15. Туров Сергей Викторович – к.и.н., доцент, заведующий кафедрой документоведения и документационного обеспечения управления Института истории и политических наук Тюменского государственного университета, svtur57@mail.ru.

16. Тюгашев Евгений Александрович – к.фил.н., доцент Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, tugashev@academ.org.

17. Федорова Наталья Викторовна – к.и.н., заведующий сектором археологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, mvk-fedorova@mail.ru.

18. Цымбалистенко Наталия Васильевна – д.филол.н., г.н.с. сектора этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, nauka@arctic89.ru.

Содержание:

1. Федорова Н.В. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИЙ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	3
2. Мурыгин А.М. КРАТКИЙ ОБЗОР АРХЕОЛОГИИ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ	9
3. Плеханов А. В. ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ЯРТЕ 6: ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМ АРКТИЧЕСКИХ АДАПТАЦИЙ	17
4. Коцева Т.В. ЖИВОТНЫЕ АРКТИКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИЯХ МВК ИМ. ШЕМАНОВСКОГО	22
5. Адаев В.Н. ОЛЕНЕГОННЫЕ ЛАЙКИ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ: ОСОБЕННОСТИ ЭКСТЕРЬЕРА И ВЫПОЛНЯЕМЫЕ ФУНКЦИИ	25
6. Каранетова И.А ЭКСПЕДИЦИЯ С.И. РУДЕНКО НА ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР	34
7. Туров С.В. ТРАДИЦИОННЫЙ ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТАЗОВСКОГО РАЙОНА ЯНАО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х ГОДОВ: ТРУДОВЫЕ НАВЫКИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ	41
8. Мартынова Е.П. ОЛЕНЕВОДЫ ЯМАЛА И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА: ВЗГЛЯД АНТРОПОЛОГА	46
9. Сязи А.М. ОГОНЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА.....	51
10. Гриценко В. Н. СТРОЙКИ 502 НА ЯМАЛЕ НЕ БЫЛО	59
11. Карпов В.П. СОВЕТСКИЕ ПРОГРАММЫ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА: ФАКТОР ЧЕЛОВЕКА	63
12. Малов В.Ю. ШИРОТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ КОРИДОРЫ РОССИИ: АРКТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	71
13. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. ЯМАЛЬСКИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	74
14. Соломина Л.В. РАЗВИТИЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ОБДОРСКОГО РАЙОНА В НАЧАЛЕ 1920-х ГГ.	80

15. Пушкарева Е.Т.
СУБАРКТИЧЕСКАЯ КУХНЯ НЕНЦЕВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАМЛЕНИИ..... 84

16. Возелова Л.Г.
СЕМАНТИКА УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА В
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ШУРЫШКАРСКОГО
ДИАЛЕКТА).. 89

17. Цымбалистенко Н.В.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЯМАЛА..... 94

18. Степанченко В.И.
«ПОМНИМ И СКОРБИМ» 100 ЛЕТ С НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 99

19. РЕЗОЛЮЦИЯ..... 102

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

**Издание Ямало-Ненецкого автономного округа
ВЫПУСК № 1(82)
2014г.**

**Государственное казённое учреждение
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»**

**Подписано в печать 11.09.2014г.
Формат 60x90x1/8. Печать офсетная. Усл. печ. листов 13,5.
Гарнитура «Newton». Заказ 71-2 Тираж 100.
Изготовлено ЗАО «СПЭЙБ» Тел. (34922) 38-38-5
г. Салехард, ул. Комсомольская, 38Б.**